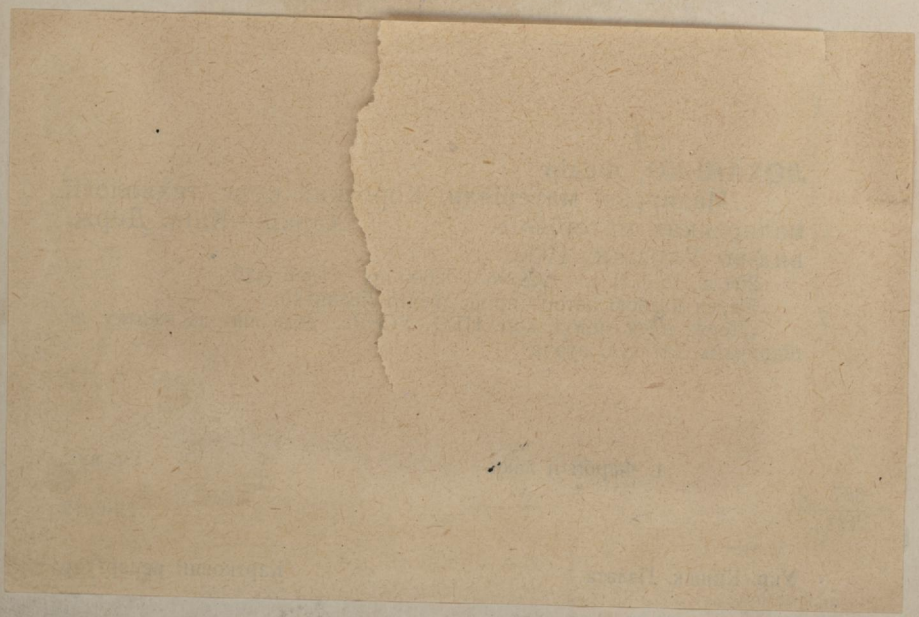
PK-2
K-107
1801 N7
16166/2

1861



К107

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

«Добра хочю братьи и Русьскѣй Земли.»
Владиміръ Мономахъ.

1861

ПОЛЬ.

16166
ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА Х.Д.У.
Інв. № 28582
790/7же
ПРОВЕРЕНО ЦНБ 1945

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Августа 9 дня, 1861 года.

Цензоръ *Ст. Лебедевъ*.

КОБЗАРЬ.

XXIV.

Ой чого́ ти почорні́ло,
Зеле́нее по́ле?
—Почорні́ло я відъ кро́ві
За во́льную во́лю.
Кругъ місте́чка Бере́стечка,
На чоти́рі ми́лі,
Мене́ сла́вні Запоро́жці
Своїмъ тру́помъ вкри́ли.
Та ще мене́ га́йворони
Укри́ли съ пі́вно́чі...
Клюю́ть о́чі коза́цькіі,
А тру́пу—не хо́чуть.
Почорні́ло я зеле́не
Та за ва́шу во́лю...
Я зновъ бу́ду зеленіти,
А ви вже нікóли
Не верне́теся на во́лю...
Бу́дете ора́ти
Мене́ сти́ха, та о́брючи
До́лю проклина́ти...

XXV.

Якъ би мині, ма́мо, нами́сто,
То пішла́ бъ я за́втра на місто,—
А на мі́сті, ма́мо, на мі́сті—
Тамъ музи́ка гра́е троі́ста;
А дівча́та зъ парубка́ми
Коха́ютця... Ма́мо! ма́мо!
Безтала́нна я!

Ой пійду́ я Бо́гу помолю́ся,
Та пійду́ я у на́йми наймо́ся,
Та куплю́ я, мамо, черевики,
Та найму́ я троі́сти музи́ки:
Неха́й лю́де не здиву́ють,
Якъ я, ма́мо, потанцю́ю...
До́ленько моя́!

Не дай мині вікъ дівува́ти,
Ко́си мої плести́-заплі́та́ти,
Бровеня́та до́ма зноси́ти,
Въ самоти́ні віку дожи́ти....
А поки́ я зароблю́—
Чо́рні бро́ви полиня́ють...
Безтала́нна я!

XXVI.

Ой уме́ръ стари́й ба́тько
И старе́нькая ма́ти,
Та нема́ кому щі́рої
Тії ра́доньки да́ти...
Що́ мині на сві́ті
Сиро́ті роби́ти:
Чи йти́ въ лю́де жи́ти,
Чи до́ма жури́тись?
Ой пійду́ я въ га́й зеле́ний
Посажу́ я ру́ту:
Якъ що зійде моя ру́та,
Оста́нуся ту́та;

Прийде милий въ мою хату
Хазяінувати;
А якъ же ні—то я пійду
Доленьки шукати...
Посходила тая рута,
Въ гаі зеленіе...
А дівчина сиротина
У наймахъ марніе!

XXVII.

На городі коло броду
Барвінокъ не сходить;
Чомусь дівчина до броду
По воду не ходить.

На городі коло тину
Сохне на тичині
Хміль зеленій; не виходить
Дівчина зъ хатини.

На городі коло броду
Верба похилилась;
Зажурилась чорнобрива —
Тяжко зажурилась.

Плаче-плаче та рида́е,
Якъ рибонька бьется..
А надъ нею, молодою,
Погане́ць сміється.

Т. Шевченко.

ЛИСТЪ ОСНОВЬЯНЕНКА ДО ШЕВЧЕНКА (1)

23 октября (18) 40 г. Основа.

Десь, я думаю, ни зъ однимъ чоловікомъ и ни зъ якимъ письмомъ не було того, що мині було зъ вами, мій коханий пане, Тарасъ Григорьевичъ. Щось дуже не просто почалося и до чого-то воно дійдется—побачимо. А почалось и зъ почину, що васъ я кріпко улюбивъ, знайшовши таке мнякесеньке серденько и душу чисту, мовъ хрусталь. Улюбивъ, кажу вамъ, та не знаю —кого, и хто винъ и де винъ, и якъ ёго назвати? Хтось такій—а люблю кріпко; хочъ би и у вічи побачивъ, то не пизнавъ би, бо зъ роду не бачивъ и не знаю, хто такій йé. Ось слухайте, батечку, якъ насъ зъ самого першу зводило докупы.

Сидимо мы у двохъ зъ моею жиночкою, та де-объ-чимъ базікаемо, ажъ ось и примчали намъ книжокъ, знаете—тихъ, которыми насъ, дурныкивъ, обдурюють,—грошики попереду злуплять, та й пишутъ и дрюкують московську нісе-нітницю, якъ яка *разляпушка* вбивалася объ своему бахурові, або якъ який живжыкъ одурывъ джинджигилясту панянку, що боялася и на людей дивитись, а тутъ.... треба колиску дбати... Отъ таке усе пишуть, звісно Москаль: винъ по своій вірі такъ и пише. От-такихъ-то книжокъ намъ панесли, а тутъ и письмечко.... не видгадаю видъ кого. Я узявъ, та гарненько и розпечатавъ... Господи милостивій! сежъ по-нашому!... Читаю.... ну, ну! Сміемося зъ жинкою, якъ у васъ тамъ поводилося зъ панею, що усе каже: pardon.... а далі якъ почали вірши читати.... такъ—ну!... Бодай вы мене не злюбили, коли брешу: волосься въ мене на голові, що вже ёго и не багацько, та и те навстопужилося, а биля сердця такъ щось и щемить,

(1) Напечатано съ подлинника, буква въ букву.

у вочахъ зеленіе.... Дивлюсь.... жиночка моя хусточкою очиці втира.... «От-се такъ;» кажу: «хтось мудро написавъ и живо усю правду списавъ... хтожъ такій?... *Перебендя*... Вгадуй-же ёго, що и хто воно таке е... не знаемо«. Послали до мого брата, що край насъ живеть, и що́ то за чоловікъ: бувавъ не тілки у Москві, у Кіёві, та у самому Петенбурсі бувавъ, и зайцівъ добре стриля, та й лисиця не попадайся,—та́къ и вшкварить; такъ и той прочитавши, поплямкавъ, та й сказавъ: «хто такій писавъ—не звісно, а дуже розумно написано».

Нуте. Що жъ намъ робити? якъ до «Перебенді» звістку подати, що ёго думка пала намъ на душу и такъ полискотала іи, мовъ чорнява дівчина, зъ карими ôчицями, біленькими пальчиками пошурудурила за шіею. Якъ обизватись? куди? черезъ кого?—От-такъ сумуемо, а думкою вашою частенько потішаемося—.... Ажъ ось, у одній книжці читаемо звістку, що, каже, е написаный *Кобзарь*, отъ зъ такими думами и піснями, та и списавъ одну.... а мы зъ жинкою такъ и вдарились объ поли и кажемо:« се Перебендя, непремінно Перебендя!« Ну, теперъ знаемо, що списавъ сіи думки панъ *Шевченко*,—та хто винъ?, та де винъ?, якъ до нёго видизватись? Не вжежъ зробити якъ Евгеній Павловичъ (1) зробивъ, що написавъ: *Грицьку Основьяненку*, та та́къ и пустивъ. Такъ добре жъ, що поштарі наши уторопали—де́ мене знайти; а у васъ, кажуть, городъ, троха чи не билшъ и самихъ Кобелякивъ и вулиць билше: де́жъ тамъ знайти безъ именьня? От-такъ и розсуждаемо и думаемо написати до пана *Шевченка*, та й послати у журналъ якій-небудь. Такъ щожъ бо? Треба написати по-нашому, а москаль, що журналъ коппонуе, закопилить губу, та й не зхоче дрюковати. Не приходится. А, головонька бідна! Такъ собі сумуемо и таки пиджидаемо, чи не озовется самъ панъ Шевченко до насъ... и усе ждемо, не знаючи що́ робити.... Ажъ гулькъ! тилки-що позавчора несуть зъ пошти письмо и книжечку. А письмо пише Петръ Ивановичъ Мартосъ, та й пише слово у слово та́къ:« Посылаю Кобзаря, сочиненіе *такого-то*. Оно было поручено авторомъ одному изъ его товарищей, ѣхавшему въ Малороссію, для доставленія вамъ (*мнѣ бы то*); но какъ онъ ѣхалъ не черезъ Харьковъ, то книга поступила ко мнѣ (*къ г. Мартосу*); при книгѣ

(1) Гребінка.

было и письмо къ вамъ (*ко мнѣ*) отъ автора, но оно затеряно его товарищемъ.»

От-така-то кумедія лучилася зъ вашими письмами!

А книжку, якъ розгорнувъ, — дивлюсь—*Кобзарь*, та вже дуже вычитанный. Дарма! я ёго притупивъ до серця, бо дуже шаную васъ, и ваши думки кріпко лягають на душу. А що *Катерина*, такъ такъ-що Катерина! Гарно, батечку, гарно! Билшъ не вмію сказати. От-такъ-то москалики-военни обдурюють нашихъ дівчатокъ! Списавъ и я *Сердешну Оксану*, отъ точнісінько якъ и ваша *Катерина*. Будете читати якъ панъ Гребинка выдрюкує. Якъ-то мы одно думали про бідныхъ дівчатокъ, та про бузовіровихъ москалівъ...

Ні, вже такъ, що ваши думки! Прочитаешъ и по складамъ и по верхамъ, та впьять спершу; а серце такъ и іока! Щобъ-то, паночку-голубчику, якъ вы е такъ гарно закладаете вірши, щобъ-то якъ би вы мою *Панну Сотниківну* (въ 3 кн. *Современника* сёго (1840) года) та розказали по-своему, своіми віршами: тогді бъ вона була дуже гарно розказана, и яка була добра, и якъ постраждала. Та ще бъ и змалёвали ій патретъ,—бо чую, що вы лучче малюете, чимъ *Борисівській* иконописець, що *Салдата* колись списавъ.

Не здивуйте на мое письмо и выбачайте що тутъ е. Ей, истинно! Видъ серця я дякую и прошу: утніть ище що. Потіште душу, мовъ топленого масличка злійте на неи, а то, видъ московськихъ побреченёкъ, щось дуже вже до печинокъ доходить. Вірьте, що шаную васъ дуже и повікъ вамъ щирий на услугу,

Григорій Квитка

або

Основьяненко.

P. S. Коли ласка ваша буде що написати до мене, то спишіть и те письмечко, що пропало, коли усе згадаете. Та ще що припишіть.

ДНЕВНИКЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА.

Третій отрывокъ.

1 іюля.

Сегодня послалъ я съ пароходомъ письмо М. Лазаревскому. Быть можетъ, послѣднее изъ душной неволи; далъ бы Богъ. Я много виноватъ передъ моимъ нелицемѣрнымъ другомъ. Мнѣ бы слѣдовало отвѣчать на письмо его отъ 2 мая тотчасъ же по полученіи, т. е. 3 іюня; но я, въ ожиданіи радостной вѣсти изъ Оренбурга, которую хотѣлось мнѣ сообщить ему первому, прождалъ напрасно цѣлый мѣсяцъ, и все-таки долженъ былъ ему написать, что я несвободенъ... и до 20 іюля, а можетъ быть и августа, такой же точно солдатъ, какъ и прежде былъ, съ тою только разницею, что мнѣ позволено нанимать за себя въ караулъ, и ночевать на огородѣ,—чѣмъ я и пользуюсь съ благодарностью. До 20 іюля я удалилъ отъ себя возмутительныя помышленія, и наслаждаюсь теперь по утрамъ роскошью совершеннаго уединенія, и даже стаканомъ — правда, не казистаго, но все-таки—чая. Еслибы еще хорошую сигару воткнуть въ лицо, такую напримѣръ, какъ прислалъ мнѣ 25 штукъ мой добрый другъ Л—скій, тогда бы я себя легко могъ вообразить на петербургскомъ праздникѣ. Но это ужъ слишкомъ. А сегодня дѣйствительно въ Петербургѣ праздникъ. Великолѣпный царскій праздникъ! Когда-то давно, въ 1836 году — если не ошибаюсь, я дотого былъ очарованъ разсказами объ этомъ волшебномъ праздникѣ, что, не спросясь хозяина (я былъ тогда въ ученьи у маляра, или, такъ-называемаго, комнатнаго живописца, нѣкоего Ширяева—человѣка грубаго и жестокаго) и пренебрегая послѣдствіями самовольной отлучки (я зналъ навѣрное, что онъ меня не отпуститъ), съ кускомъ чернаго хлѣба, съ полтиною мѣди въ карманѣ и въ тико-

вомъ халатѣ, какой обыкновенно носятъ ученики–ремесленники, убѣжалъ съ работы прямо въ Петергофъ на гулянье. Хорошъ, должно быть, я былъ тогда! Странно однакожъ: мнѣ и въ-половину не понравился тогда великолѣпный *Самсонъ* и прочіе фонтаны, и вообще праздникъ, противъ того, что́ мнѣ объ немъ наговорили. Слишкомъ ли сильно было воспламенено воображеніе разсказами, или, просто, я усталъ и былъ голоденъ. Послѣднее обстоятельство кажется вѣрнѣе. Да ко всему этому я еще увидѣлъ, въ толпѣ, своего грознаго хозяина съ пышною своею хозяйкой. Это-то послѣднее обстоятельство въконецъ помрачило блескъ и великолѣпіе праздника и я, не дождавшись иллюминаціи, возвратился вспять, совершенно *не дивяся бывшему*. Продѣлка эта сошла съ рукъ благополучно. На другой день нашли меня спящимъ на чердакѣ, и никто и не подозрѣвалъ о моей самовольной отлучкѣ. Правду сказать, я и самъ ее считалъ чѣмъ-то въ родѣ сновидѣнія.

Во второй разъ, въ 1839 г., посѣтилъ я петергофскій праздникъ совершенно при другихъ обстоятельствахъ. Во второй разъ, на Бердовскомъ пароходѣ, сопровождалъ я, въ числѣ любимыхъ учениковъ, Петровскаго и Михайлова, сопровождалъ я своего великаго учителя—Карла Павловича Брюлова. Быстрый переходъ съ чердака грубаго мужика–маляра, въ великолѣпную мастерскую величайшаго живописца нашего вѣка. Самому теперь не вѣрится, а дѣйствительно та́къ было. Я—изъ грязнаго чердака, я—ничтожный замарашка—на крыльяхъ перелетѣлъ въ волшебныя залы Академіи Художествъ. Но чѣмъ же я хвалюся? чѣмъ я доказалъ, что я пользовался наставленіями и дружескою довѣренностью величайшаго художника въ мірѣ? Совершенно–ничѣмъ. До его неумѣстной женитьбы и послѣ умѣстнаго развода, я жилъ у него на квартирѣ, или, вѣрнѣе сказать, въ его мастерской. И что́ же я дѣлалъ? чѣмъ занимался въ этомъ святилищѣ? Странно подумать... я занимался тогда сочиненіями малороссійскихъ стиховъ, которые впослѣдствіи упали такой страшной тяжестью на мою убогую душу. Передъ его дивными произведеніями я задумывался и лелѣялъ въ своемъ сердцѣ своего *слѣпца–кобзаря*, и своихъ кровожадныхъ *гайдамаковъ*. Въ тѣни его изящно-роскошной мастерской, какъ въ знойной дикой степи наддѣпровской передо мною мелькали мученическія тѣни нашихъ бѣдныхъ гетмановъ. Передо мной разстилалась степь усѣянная курганами. Передо мной красовалась моя прекрасная, моя бѣдная Украина, во всей непорочной мелан-

холической красотѣ своей... И я задумывался; я не могъ отвести своихъ духовныхъ очей отъ этой родной чарующей прелести. Призваніе—и ничего больше.

Странное однакожъ это всемогущее призваніе. Я хорошо зналъ, что живопись—моя будущая профессія, мой насущный хлѣбъ. И вмѣсто того, чтобы изучить ея глубокія таинства, и еще подъ руководствомъ такого учителя, какъ безсмертный Брюловъ, я сочинялъ стихи, за которые мнѣ никто ни гроша не заплатилъ, и которые наконецъ лишили меня свободы, и которые, несмотря на всемогущее человѣческое запрещеніе, я все-таки въ-тихомолку кропаю. И даже подумываю иногда о тисненіи (разумѣется подъ другимъ именемъ) этихъ плаксивыхъ и тощихъ дѣтей своихъ. Право, странно неугомонное призваніе.

Не знаю, получу ли я отъ К—ка здѣсь мнѣніе насчетъ моего послѣдняго чада (Москалева Криница). Я дорожу какъ мнѣніемъ чувствующаго благороднаго человѣка и какъ мнѣніемъ неподдѣльнаго самобытнаго земляка моего. Жаль мнѣ, что я не могу теперь посѣтить его на его раздольной Черноморіи. А какъ бы хотѣлось! Но что дѣлать. Сначала—уплачивается долгъ, потомъ—удовлетворяется голодная нужда, а на остатки — покупается удовольствіе. Такъ по-крайней-мѣрѣ дѣлаютъ порядочные люди. А я и тѣнью боюсь быть похожимъ на безолабернаго разгильдяя. Кутнулъ и я на свой пай когда-то. Довольно.

Пора, пора душой смириться!
Надъ жизнью нечего глумиться,
Отвѣдавъ горькаго плода.

Въ прошломъ году получалась-было здѣсь комендантомъ «Библіотека для Чтенія». Бывало, хоть переводъ Курочкина изъ Беранже прочитаешь: все-таки легче станетъ. А нынѣ, кромѣ фельетона «Петербургскихъ Вѣдомостей» совершенно ничего нѣтъ современно-литературнаго. Да и за эту тощую современность нужно платить петрушкою и укропомъ. Хоть бы рѣдька скорѣе выростала, а то совѣстно уже стало потчивать стариковъ однимъ и тѣмъ же продуктомъ.

2 іюля.

Двѣ случайно сдѣланныя много вещи такъ удачны, какъ рѣдко удаются произведенія, глубоко обдуманныя. Первая вещь—это—сей

журналъ, который, въ эти томительные дни ожиданій, сдѣлался для меня необходимъ, какъ страждущему врачъ. Вторая вещь—это—мѣдный чайникъ, который дѣлается необходимъ для моего журнала, какъ журналъ для меня. Безъ чайника, или безъ чая, я какъ-то лѣниво бывало принимался за сіе рукодѣлье. Теперь же едва успѣю налить въ стаканъ чай, какъ перо само просится въ руки. Самоваръ—тотъ шипѣніемъ своимъ возбуждаетъ къ дѣятельности: это понятно. Правда, я не имѣлъ случая испытать на себѣ это благодѣтельное вліяніе самовара. Но имѣлъ случай существенно убѣдиться въ этомъ волшебномъ вліяніи на другихъ, а именно: Былъ у меня, во время оно, пріятель. Въ 1846 г., судьба столкнула насъ въ *Цареградѣ*, не въ Отоманской столицѣ, а въ единственномъ трактирѣ города Чернигова. Меня судьба забросила туда *по дѣламъ службы*, а его по неопредолимой любви къ разсѣянности или, какъ онъ выражался, по влеченію сердца. Я зналъ его какъ самаго неистоваго и неистощимаго стихотворца, но не зналъ скрытнаго механизма, которымъ приводилось въ движеніе это неутомимое вдохновеніе, и тогда только, когда поселились мы вмѣстѣ, во избѣжаніе лишнихъ расходовъ во-первыхъ, а во-вторыхъ, чтобы, какъ товарищи по ремеслу, созерцать другъ друга во всѣ минуты дня и ночи,—тогда только узналъ я тайную пружину, двигавшую это истинно-неутомимое вдохновеніе. Пружина эта была — шипящій самоваръ. Сначала я не могъ взять въ толкъ, почему мой товарищъ по ремеслу не спроситъ, когда ему вздумается, стаканъ чая изъ буфета, какъ я это дѣлаю, а непремѣнно велитъ подать самоваръ; но когда я разсмотрѣлъ пріятеля поближе, то оказалось, что онъ собственно не самоваръ велѣлъ подавать, а велѣлъ подавать вдохновеніе, или пружину, приводящую въ движеніе эту таинственную силу. Я прежде удивлялся, откуда и изъ какого источника вытекаютъ у него такія громадныя стихотворенія, а оказалось, что ларчикъ просто отворялся. — —

Мы прожили съ нимъ вмѣстѣ весь великій постъ, и не оказалось въ городѣ не только барышни, дамы, даже старухи, которой бы онъ не написалъ въ альбомъ не четырехстишіе какое-нибудь (онъ мелочь презиралъ), а полную увѣсистую идиллію. Если же альбома не обрѣталось у какой-нибудь очаровательницы, то онъ подносилъ ей просто на шести и болѣе листахъ самое сантиментальное посланіе.

Не помню—кто именно, а какой-то глубокій сердцевѣдецъ, ска-

залъ, что вѣрнѣйшій дружбометръ есть деньги. И онъ сказалъ справедливо. Истинная настоящая дружба, которая высказывается только въ критическихъ трудныхъ случаяхъ, и она даже требуетъ этого холоднаго мѣрила. Самый живой одушевленный языкъ дружбы—это—деньги. И чѣмъ болѣе нужда, тѣмъ дружба искреннѣе, прогоняющая эту голодную вѣдьму. Я былъ такъ-счастливъ въ своей, можно сказать, *коловратной* жизни, что неоднократно вкушалъ отъ плода этого райскаго дерева. И въ настоящее, мнѣ кажется—самое критическое, время, я получаю 75 р. За что? за какое одолженіе? Мы съ нимъ видѣлись всего два раза. Первый разъ въ Орской крѣпости; второй разъ въ Оренбургѣ. Пошли, Господи, всѣмъ людямъ такую дружбу и такого друга, какъ Лазаревскій. — —

Вѣра безъ дѣлъ мертва есть. Такъ и дружба—безъ существенныхъ доказательствъ—пустое, лукавое слово. Блаженны, стократъ блаженны, друзья, которыхъ жизнь была осѣнена радужнымъ сіяніемъ улыбающагося счастія и голодная нужда, своимъ желѣзнымъ посохомъ испытанія, ни разу не постучала въ дверь ихъ безкорыстной дружбы. Блаженны! они и въ могилу сойдутъ благословляя другъ друга.

3 іюля.

Сегодня во снѣ видѣлъ я Лазаревскаго,—будто бы онъ пріѣхалъ за мною въ укрѣпленіе, и несмотря на мои доводы о невозможности оставить мнѣ укрѣпленіе безъ пропуска, увезъ меня насильно, не позволивъ проститься даже съ М—скимъ. Вскорѣ очутились мы въ какомъ-то русско-татарско-нѣмецкомъ городѣ, въ родѣ Астрахани. И верблюды, и англизированныя лошади по улицѣ ходятъ, и фонтаны бьютъ, и кумысъ продаютъ, и папиросная фабрика, и театръ; наконецъ вечеръ, ночь; Лазаревскій скрылся; ищу его, спрашиваю, и просыпаюсь. Проснувшись, я обрадовался, что это только сонъ, и что я, слава Богу, не дезертиръ. А иначе опять бы меня вооружили лѣтъ на десять. Нужно будетъ зайти къ сотнику Чеганову, посмотрѣть въ сонникъ, что́ значитъ видѣть сонъ: самовольную отлучку?

Сегодня, т. е. 4 іюля, когда я, по-обыкновенію, всталъ въ три часа, согрѣлъ свой чайникъ, налилъ стаканъ чая и взялся за перо, начали собираться дождевыя тучки, а черезъ нѣсколько минутъ пошелъ тихій, меланхолическій дождикъ. И я, оставивъ всякое писаніе

и мечтаніе, любуюсь этимъ прекраснымъ и чрезвычайно рѣдкимъ здѣсь явленіемъ. Вѣтеръ изъ Астрахани, т. е. нордъ-вестъ. Можно надѣяться, что дождикъ усилится и продлится за полдень. Какая была бы благодать для этой безводной пустыни!

4 іюля.

Ночевалъ на огородѣ, въ комендантской бесѣдкѣ. Это моя теперешняя резиденція. Вскорѣ по пробитіи вечерней зари, пошолъ тихій дождикъ, и поэтому случаю я раньше обыкновеннаго легъ спать. Подъ тихій, гармоническій шумъ падающихъ на крышу бесѣдки капель дождя, я сладко задремалъ, и видѣлъ во снѣ покойника Карла Павловича Брюлова и съ нимъ вмѣстѣ товарища своего Михайлова, сначала въ какой–то огромной галереѣ, въ которой, кромѣ какого-то эскиза Гвидо–Рени, ничего не было, и который Михайловъ собирался копировать. Потомъ перешли мы въ мастерскую, что̀ въ портикѣ, вмѣстѣ съ Карломъ Павловичемъ. Тутъ тоже ничего не было, кромѣ большаго, во всю залу натянутаго и загрунтованнаго, полотна, какъ это дѣлается для декораціи, и къ стѣнѣ приклеенной, грубо–раскрашенной, литографіи Калама съ подписью Ріо-Джанейро. Потомъ Карлъ Павловичъ пригласилъ насъ на Лукьяновскій (?) ростбифъ, какъ это бывало во времена незабвенныя. Но ударилъ громъ и я проснулся. Пошелъ проливной дождь. Затворивъ окна и двери бесѣдки, я снова уснулъ. Во второй сеансъ увидѣлъ я, въ Москвѣ, Михаила Семеновича Щепкина, такимъ же свѣжимъ и добрымъ, какъ видѣлъ его въ послѣдій разъ въ 1845 г.; говорили о театрѣ и о литературѣ. Я ему замѣтилъ, почему онъ не продолжаетъ свои *Записки Артиста*, начало которыхъ напечатано въ первой книжкѣ «Современника» за 1847 годъ. На что̀ онъ мнѣ сказалъ, что жизнь его протекла такъ тихо, счастливо, что не о чемъ и писать. Я хотѣлъ ему на это возразить что-то, но мы очутились въ Новопетровскомъ укрѣпленіи, и встрѣтились съ П. А. К—шемъ, собирающимъ какія-то тощія растенія. Я, какъ хозяинъ, захлопоталъ объ обѣдѣ, и пошелъ искать полевой спаржи, которой здѣсь и въ поминѣ нѣтъ. Но новый ударъ грома разбудилъ меня и я уже не могъ заснуть.

Съ недавняго времени мнѣ начали представляться во снѣ давновидѣнные мною милые сердцу предметы и лица. Это, вѣроятно, оттого, что я объ нихъ теперь постоянно думаю. Ложась спать, вчера

я думалъ объ *Осадѣ Пскова* и о *Генгерихѣ*, Брюлова. И я увидѣлъ во снѣ самого ихъ великаго творца. — Довольно! утро послѣ ночной грозы тихое, свѣжее, рѣдкое въ здѣшней знойной пустынѣ утро. И я буду большой тетеря, если проведу его за своимъ журналомъ.

5 іюля.

Голинькій—охъ, а за голинькимъ—Богъ. Изъ моей библіотеки, которую я знаю наизустъ всю, и которую уже давно упаковалъ въ ящикъ, не нашлось книги достойной сопутствовать мнѣ въ моемъ радостномъ одинокомъ путешествіи по Волгѣ. Ригельмана *Исторія Донскаго Войска* показалась мнѣ слишкомъ старою спутницей и я упаковалъ ее на самый спудъ. Что же дѣлать безъ книги въ такомъ медленномъ, спокойномъ путешествіи, какъ плаваніе по Волгѣ, отъ Астрахани до Нижняго? Это меня безпокоило. И въ самомъ дѣлѣ, что я буду дѣлать цѣлый мѣсяцъ безъ хоть-какой-нибудь книги? Но фортуна — эта гордая повелительница повелителей міра, эта безглазая царица царей — сегодня мой лакей, хуже—Бердичевскій факторъ.

Насладившись прекраснымъ свѣжимъ утромъ на огородѣ, я, въ девятомъ часу, пошелъ въ укрѣпленіе. Мнѣ нужно было взять хлѣба у артельщика и отдать высушить на сухари, для дороги. Прихожу въ ротную канцелярію, смотрю—на столѣ, рядомъ съ образцовыми сапогами, лежатъ три довольно-плотныя книги въ сѣрой подержаной оберткѣ. Читаю заглавіе—и что же я прочиталъ! Estetyka, czyli umnictwo piękne, przez Karola Libelta. Въ казармахъ — эстетика! Чьи это книги? спрашиваю я писаря.— Капенармуса, унтеръ-офицера Кулиха. — Отыскиваю вышерекомаго унтеръ-офицера Кулиха. И на вопросъ мой, не продастъ ли онъ мнѣ Umnictwo piękne, онъ отвѣчалъ, что оно принадлежитъ мнѣ, что Пржевлоцкій, уѣзжая изъ Уральска на родину, передалъ ему, Кулиху, эти книги съ тѣмъ, чтобы онѣ были переданы мнѣ, и что онъ, Кулихъ, принесъ ихъ съ собою сюда, положилъ въ цейхгаузъ и забылъ про ихъ существованіе, и что вчера только онѣ попались на глаза, и что онъ очень радъ, что теперь можетъ ихъ препроводить по-принадлежности. Для вящшей радости, я послалъ за водкой, а книги положилъ въ свою дорожную торбу.

Видимое, осязательное дѣло услужливой факторши фортуны! И такъ, по милости этой царицы царей, я имѣю въ дорогѣ чтеніе, на которое вовсе не расчитывалъ. Чтеніе, правда, не совсѣмъ по моему вкусу, но что дѣлать! на безрыбьѣ и ракъ рыба. Несмотря на

мою искреннюю любовь къ прекрасному въ искуствѣ и въ природѣ, я чувствую непреодолимую антипатію къ философіямъ и эстетикамъ, и этимъ чувствомъ я обязанъ сначала Галичу и окончательно — почтеннѣйшему профессору, читавшему намъ когда-то лекціи о теоріи изящныхъ искуствъ, девизомъ которыхъ было: *побольше разсуждать и поменьше критиковать.*

Съ Либельтомъ я немного знакомъ по его «Дѣвѣ Орлеанской» и по его критикѣ и философіи. На первый взглядъ онъ мнѣ показался мистикомъ и непрактикомъ въ искуствѣ. Посмотримъ, что́ дальше будетъ. Боюсь какъ бы вовсе не раззнакомиться.

6 іюля.

Видѣлъ во снѣ Академію Художествъ. Михайловъ показывалъ мнѣ какую-то неоконченную копію, и потомъ скрылся отъ меня вмѣстѣ съ копіею. Изъ Академіи я вышелъ на Большой Проспектъ, и не доходя церкви Андрея Первозваннаго, встрѣтился съ семействомъ здѣшняго коменданта. И отъ радости — проснулся.

Третьяго-дня, вечеромъ, былъ я случайнымъ зрителемъ, кажется, послѣдней сцены изъ водевиля, подъ названіемъ: *Недошитая Кофта.* Я не хотѣлъ-было вносить въ мой журналъ эту балаганную сцену, но какъ она оказалась важною по своему неожиданному результату, то я и заношу ее со всею пошлою точностію въ мою неизмѣнную хронику.

Сіе событіе совершилось 5 числа текущаго мѣсяца. Въ отсутствіе родителя наречешной, жениху пришла благая мысль, — попотчивать свою будущую супругу серенадой со всѣми онѣрами. Для этого собралъ онъ изъ 2 ротъ пѣсенниковъ, также со всѣми онерами—съ бубномъ, тарелками, ложками, треугольникомъ и еще съ какими-то погремушками. И когда былъ пропѣтъ, разумѣется—съ танцами, весь репертуаръ солдатскихъ пѣсенъ, и даже «Послѣ батюшка остался сиротою молодецъ», съ небольшими измѣненіями,— восторженному этой послѣдней пѣсней жениху, которая изображала въ нѣкоторомъ родѣ его собственное положеніе, захотѣлось, чтобы ребята маленько его покачали. Почему же и не такъ. Ребята принялись за дѣло, и— о, судьба-злодѣйка! —въ воротахъ показался комендантъ, протяжное *ура* вдругъ оборвалось, и вѣрные, неизмѣнные ребята бросили своего отца-командира среди улицы, а сами скрылись гдѣ-кто-могъ. Поло-

женіе жениха, дѣйствительно, критическое, и тѣмъ болѣе критическое, что онъ, безъ нѣжнаго участія своей возлюбленной нареченной, не могъ стать на ноги по случаю безхитростной радости, или, проще, онъ былъ мертвецки-пьянъ.

На другой день рано является отецъ нареченной и проситъ, на законномъ основаніи, избавить его опозоренную дочь, а равно и все его семейство отъ гнуснаго, безобразнаго пьяницы и жениха. На такое законное требованіе резолюціи еще не послѣдовало.

Каково же быть порядочному и семейному человѣку начальникомъ этого заграничнаго гнѣздилища безграничныхъ мерзостей! Быть судьей и разбирателемъ этихъ безконечныхъ ежедневныхъ гадостей! а онъ, какъ начальникъ, обязанъ пачкаться въ этой вонючей грязи. Незавидная обязанность!

7 іюля.

Видѣлъ я сегодня Москву, не встрѣтилъ никого знакомыхъ и храма Спаса не видалъ. Былъ на Красной площади и Василія Блаженнаго не видалъ. Искалъ въ гостинномъ дворѣ ивановскаго полотна для рубахъ, и не нашелъ. Такъ и проснулся. Проснувшись, я, по-обыковенію, нагрѣлъ свой чайникъ, положилъ чаю и началъ вытирать стаканъ, какъ является ко мнѣ дядька и объявляетъ мнѣ повелѣніе фельдфебеля—немедленно явиться къ пригонкѣ аммуниціи.—Да ее недавно пригоняли,—говорю я.—Не могу знать-съ: приказано,—отвѣчаетъ.—Итакъ, для воскресенья, не удалось мнѣ чайкомъ побаловать себя. Прихожу въ укрѣпленіе и узнаю, что вчера пришелъ какой-то татаринъ изъ Астрахани съ казеннымъ провіантомъ, и распустилъ слухъ, что въ концѣ августа мѣсяца въ Астрахань дожидаютъ важную особу изъ Петербурга, и что по этому, случаю въ Астрахани, дѣлаются большія приготовленія для встрѣчи. Капитанъ, завѣдующій двумя ротами 1 баталіона, тотчасъ смекнулъ дѣло; и чтобы не ударить въ грязь лицомъ, вчера же, съ помощію писаря П., назначилъ почетный караулъ, въ число котораго по протекціи писаря П., назначенъ и я. Головоломная эта задача была кое-какъ рѣшена къ разсвѣту, а съ восходомъ солнца (несмотря на воскресенье) приказано пригнать аммуницію, и, какъ будетъ готово, вывести людей на смотръ.

Сказано—сдѣлано. Къ 7 часамъ все было готово. Въ полной ам-

муниціи люди были выведены на полянку, въ томъ числѣ и я; въ 6 часовъ явился самъ капитанъ, и, послѣ привѣтствія, подошелъ прямо ко мнѣ, благосклонно хлопнулъ меня по плечу и сказалъ: «что, братъ, отставка? Нѣтъ, мы еще изъ тебя сдѣлаемъ отличнаго правофланговаго, а потомъ — и съ Богомъ!» И тутъ же отдалъ приказаніе капральному ефрейтору заняться со мной маршировкой и ружейными пріемами часика четыре въ день. Я ужаснулся, услышавъ это благосклонное приказаніе. Вотъ тебѣ безмятежное уединеніе на городѣ!..

Тотъ же самый татаринъ, вмѣстѣ съ накладной, привезъ коменданту письмо изъ Астрахани, въ которомъ его увѣдомляютъ, что тамъ получено извѣстіе изъ Петербурга, чтобы важной особы въ Астрахань не ожидали и, слѣдовательно, не трепетали. Комендантъ, узнавши о распоряженіи предупредительнаго капитана К., натянулъ ему носъ и даже погрозилъ ему гауптвахтой, если онъ впередъ осмѣлится тревожить людей безъ его вѣдома. Тѣмъ все и кончилось. И я, какъ ни въ чемъ не бывало, всталъ сегодня, по-обыкновенію въ 3 часа утра, нагрѣлъ свой чайникъ, очинилъ новое перо и занесъ сей невѣроятный казусъ въ мою вѣрную хронику... Господи, настанетъ ли для меня часъ искупленія! Настанутъ ли для меня блаженные дни, когда я буду читать эти грустныя правдивыя сказанія, какъ ложный сонъ, какъ небывалую небылицу!

8 іюля.

Сегодня ушла почтовая лодка въ Гурьевъ. Вѣтеръ зюйдъ-вестъ. Въ среду или въ четвергъ она должна быть на Стрѣлецкой Косѣ, 15 верстъ отъ Гурьева. Въ субботу получитъ послѣднюю оренбургскую почту, воскресенье попразднуетъ, а въ понедѣльникъ—въ обратный путь. Какъ-разъ черезъ недѣлю, при благополучномъ вѣтрѣ, ее должно ожидать 17 или 18 числа, и никакъ не дальше 20. Неужели она для меня ничего не привезетъ? Не можетъ-быть. Это была бы уже умышленная пытка.

Сегодня же поутру пригласилъ я къ себѣ на огородъ унтеръ-офицера Кулиха, того самаго, что принесъ мнѣ изъ Уральска Umnictwo piękne Libella. Разговоръ нашъ, разумѣется, вертѣлся на баталіонѣ и, въ-особенности, на 2 ротѣ, которая два года тому назадъ ушла отсюда и которая теперь сюда возвратилась. И тогда и теперь я въ этой ротѣ. Начиная съ бывшаго тогда командира, мы пере-

брали всю роту по одиначкѣ и наконецъ дошли до рядоваго Скобелева. Этотъ Скобелевъ, несмотря на свое прозваніе, былъ мой землякъ, родомъ Херсонской губерніи, и въ-особенности мнѣ памятенъ по малороссійскимъ пѣснямъ, которыя онъ пѣлъ своимъ молодымъ, мягкимъ тенoромъ, удивительно просто и прекрасно. Съ особеннымъ же выраженіемъ онъ пѣлъ пѣсню:

Тече річка невеличка
Зъ вишневого саду.

Я забывалъ, что я въ казармахъ слушаю эту очаровательную пѣсню. Она меня переносила на берега Днѣпра, на волю, на мою милую родину. И я никогда не забуду этого смирнаго, полунагаго бѣдняка, штопающаго свою рубаху и уносившаго меня своимъ безъискуственнымъ пѣніемъ такъ-далеко изъ казармы.

По сложенію своему и по манерамъ, онъ не былъ похожъ на браваго солдата, но онъ пользовался въ ротѣ славою честнаго и смышленаго солдата. И не смотря на смуглое, аляповатое и оспою изрытое лицо, въ его лицѣ свѣтилась отвага и благородство. И я любилъ его какъ земляка и какъ честнаго человѣка, независимо отъ пѣсенъ. Онъ былъ, какъ онъ мнѣ говорилъ по-секрету, бѣглый крѣпостной крестьянинъ, попался въ бродяжничествѣ, сказался непомнящимъ родины и семейства и былъ зачисленъ въ солдаты, гдѣ и дали ему прозвище Скобелева, въ честь извѣстнаго русскаго инвалида, Скобелева. Такъ объ этомъ-то бѣднякѣ Скобелевѣ мнѣ разсказали слѣдующую прискорбную повѣсть.

Вскорѣ по прибытіи въ г. Уральскъ, *господинъ* О. взялъ къ себѣ въ постоянные вѣстовые Скобелева, какъ трезваго и благонадежнаго, но слабаго по фронту, солдата.——А Скобелевъ неумышленно сдѣлался повѣреннымъ сердечныхъ тайнъ своего господина.———

Однажды, въ минуты сердечныхъ изліяній, коварная измѣнница открыла Скобелеву, что два мѣсяца тому назадъ на его имя получены *господиномъ* О. изъ Москвы 10 р. ср., отъ какого-то его бывшаго товарища (вѣроятно, по бродяжеству), теперь лавочнаго сидѣльца. И, въ доказательство истины словъ своихъ, показала ему конвертъ съ пятью печатями... Несмотря на прежнія подобныя продѣлки, господинъ О. какъ-то умѣлъ концы въ воду прятать и слыть вообще порядочнымъ человѣкомъ. Скобелевъ, узнавши такую продѣлку, явился къ нему, съ пустымъ пакетомъ въ рукахъ, требовать вынутыхъ изъ него денегъ. Произошло что-то *обоюдуострое*: *привѣтъ и отвѣтъ*. ——Будь

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА Х.Д.У. Інв. № 25582

это самъ-на-самъ, тѣмъ бы и кончилось, но какъ эта сцена была представлена при благородныхъ зрителяхъ, то сконфуженный господинъ, арестовавъ Скобелева, подалъ рапортъ о случившемся. Вслѣдствіе рапорта произведено слѣдствіе, а вслѣдствіе слѣдствія господину О. велѣно подать въ отставку, а Скобелева предали военному суду. — — —

Бѣдный Скобелевъ! родился ты и выросъ въ неволѣ... Вздумалось тебѣ попробовать широкой, сладкой, вольной воли, и ты залетѣлъ въ ридикуль (такъ обыкновенно называютъ солдаты Новопетровское укрѣпленіе), залетѣлъ ты въ мою семилѣтнюю тюрьму пѣвуньей птицей изъ Украины, какъ-будто для того только, чтобы своими сладкими заунывными пѣснями напоминать мнѣ мою милую, мою бѣдную родину... Бѣдный, несчастный Скобелевъ! ты понесъ тяжелые кандалы на берега пустынныхъ Иртыша и Оми. Встрѣтишъ ли въ своей новой неволѣ такого внимательнаго и благодарнаго слушателя-товарища твоихъ заунывныхъ, сладкихъ пѣсенъ, какъ я былъ?.. Встрѣтишъ — и не одного такого же, какъ и ты, невольника-сироту, земляка-варнака заклейменнаго, который прольетъ слезу благодарности на твои тяжелые кандалы за отрадные сердцу, милые, родные звуки... Бѣдный, несчастный Скобелевъ!

ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА

ЛЕДАЩИ́ЦЯ.

I.

. . . . . Па́ні на́ша була́ не перволітокъ, та й не яка́ стара́; а зъ се́бе була висо́ка, огрядна́, говірки ско́роі, гу́чноі. Вбіра́лася шпетне́нько—шнуро́чокъ до шнуро́чка, гапли́чокъ до гапли́чка. Хо́дить було́ якъ намалёвана.

И въ кімна́тахъ у насъ було́ га́рно: ви́чищено, ви́лощено, по-кра́шено,—и кріслечко, и сто́личокъ, усе́ якъ слідъ, по-па́нськи́й. Було́ па́ні камьяни́хъ цяцёкъ понаставля́е, чароно́къ, миcочо́къ зъ зеле́но́го, зъ черво́ного скла. Бувъ у не́і и соба́ка зъ ме́ді ко́ваний, и за́йчикъ черепья́ний, мереже́ні у́шка. Все те ні до чо́го, а вкупі́ воно́ блищи́ть и на о́чі наверта́етця, и рябіе,—ажъ бье. А найдоро́жша шту́ка—ви́сівъ у нei на стіні́ панъ малёваний, чорня́вий, якъ жукъ, а хму́рий, якъ нічъ, зъ золоти́ми пе́рснями на руці, —ій ба́тько покійний, князь вельмо́жний. Хто було́ не прийде до па́ніі зъ гостей, ко́жному па́ні оповісти́ть: «Се мій та́тонько покійничокъ!»

Зна́ла вона́, якъ съ кимъ пово́дитись, якъ заговори́ти, якъ гля́нути, зідхну́ти. Прийде яки́й-не́будь бідола́хъ, то вона́ ёму́ гу́чно гово́рить: «Се мій ба́тько — князь!» Другому́, пиха́тому, богачёві, зідха́ючи: «ото́, якъ мій ба́тенько живи́й бувъ,—ось изъ ёго малёва́ннє,—не зна́ла я біди́!» А тре́йтёму, щи́рому й молодо́му хлопья́ті: «що,» ка́же «те світове́—и вельмо́жність, и ба́га́тство? Отъ бувъ мій панъ оте́цъ—князь, — вели́кого чи́ну дойшо́въ.....»

Отъ же, то сякъ, то такъ, а ко́жному роска́же, що вона́ князька́ дочка́. А про те не зга́дувала, якъ жукова́тий князь прогайнува́въ усю́ ба́тьківщину, оста́вивъ ій тілько буди́нокъ невели́чкий у

мі́сті, зъ садо́чкомъ и дворо́мъ, бо то була́ ії матери́зна—того́ вже не змігъ прогайнува́ти.

Чоти́рі кімна́точки було́ кругле́нькихъ въ тімъ буди́нкові; ство́рчаті вікна, рундучо́къ зъ піддашшемъ. За буди́нкомъ садо́чокъ густи́й, стари́й вже. Зеле́ний двіръ трабо́ю висо́кою порісъ; одъ воріть дві сте́жечки по ёму́ бігло узе́нькихъ: до буди́нку одна́, дру́га до ха́ти. Середъ дво́ру гілля́ста я́блуня стоя́ла.

Полови́ну буди́нку па́ні оддава́ла якимсь папича́мъ підъ на́йми; ще й столова́ла іхъ,—съ того́ й жила́ небо́га. А чоловікъ ії десь дале́ко служи́въ; ми ёго́ й не ба́чили. Та й па́нії було́ байду́же.

Паничі скуча́ти ій не дава́ли: що-дня́, що-ве́чора зъ не́ю ба́вились, то въ ка́рти гра́ли, то пісенёкъ співа́ли...

Нега́дки на́шій па́нії по тако́му життю́!...

II.

Мене́ ій подаро́вано. Я ро́домъ изъ Глущи́хи; була́ коли́сь Ива́ньковськихъ панівъ. Жила́ я въ ба́тька—ма́тері,—Бо́же мій ми́лий! Тепе́ръ спогада́ю, якъ то жило́сь то́гді мині! Ожени́вся нашъ панъ, и взяли́ мене́ на вслу́гу до молодо́ї па́нії. А вона́, ся вже моя́ па́ні, у приго́ді яко́сь ій става́ла. Гостю́е було́ мі́сяць, або й бі́льшъ, дого́ждає ій. Отъ, якъ ста́ла вона́ жалкова́тись: «Що мині робити? нема́ слуги́! чи не дасте́ ви мині яку́ зъ ва́шихъ?» — «Чому́ ні? Беріть собі, котру́ схо́чете:»—то вона́ и взяла́ мене́, и завезла́ зъ собо́ю одъ ро́ду мого́, одъ роди́ни. Безъ ме́не и ба́тько и ма́ти поме́рли; безъ ме́не рідъ уве́сь перевівся. Оста́лась я сама́ одна́ у сві́ті.

Жила́ я въ па́нії ро́ківъ зъ пять. Спе́ршу я сама́ була́ въ не́і, а да́лі, якъ уже столовниківъ завело́ся бага́то, па́ні взяла́ свою́ кріпосну́ молоди́цю зъ дочко́ю. До́ти па́ні іхъ держа́ла у яки́хсь прия́телівъ своіхъ, бо въ не́і, окро́мъ сёго́ дво́ру, не було́ ні сади́би, а ні кро́ку землі своє́і: усе́ спро́дане,—тілько отсю́ молоди́цю зъ дочко́ю до вслу́ги ій при́дано. Князь то́ такъ—пануте́ць и вельмо́жний—похазяінува́въ. Дале́ко десь були́ вони́ завда́ті, и до́вго па́ні виважа́ла, поки́ зва́жилась іхъ до се́бе забра́ть. А вони́ ще яко́сь були́ зъ вільного ро́ду, козаки́, чи-що́: яко́сь то ши́ми князь той жукова́тий непра́вдою завлада́въ; то й опа́сувалась небо́га держа́ти

іхъ у мі́сті, щобъ не збаламу́тились за вільность про́ти не́і, зайшо́вши у ра́ди, въ совіти, зъ городя́нами.

Молоди́ця зва́лася Чайчи́ха Горпи́на, дочка́—На́стя. Не велико-мо́вна була́ та Чайчи́ха, не привітна́: яка́сь хма́ра пови́ла її на-віки. Чи па́ні сва́ритця, чи бье (бо хочъ па́ні й незла́ була́, а все ча́сомъ попобье́) чи тамъ спідни́цю дару́е, або́ ху́стку, — Чайчи́ха при́йме усе́ мо́вчки, й одійде. Робота́ща, покірна люди́на здае́тця зъ нее́і, по́ки не гля́нешъ на ті бро́ви здви́гнуті, чо́рні, на ті о́чи ямкува́ті, огне́мъ блискотю́чи. —

Яко́сь було́ мині смутне́нько. Отъ я й пла́чу собі, си́дючі на ла́вці. Звісно, чоловікъ и въ ща́сті, то ча́сомъ сму́токъ обійма́е,— не то, що на́мъ. Воно́ ка́жуть: приви́кнешъ!... Ні!... вто́мисся, те́рплючи, то й здае́тця тобі, що все тобі байду́же, — та ра́зомъ проки́нетця ли́хо. Ча́сомъ одно́ сло́во... А що́ ви ду́маете? ча́сомъ бійку забу́дешъ у-годи́ну, а яке́сь тамъ сло́во гірке́е вра́зить тебе́ до са́мого се́рця, — мі́сяці, ро́ки памьята́тимешъ.....

Су́мно мині було́ и перемо́вити ще́ре сло́во жада́лося. А Чайчиха коло́ пе́чі, по́раетця.

«Горпи́но!» кажу́: «ось я журю́ся, я пла́чу, а ви все одна́кові. Такъ вамъ, ма́буть, Богъ давъ!... пе́вно, що й ви ли́хо зна́сте?»

Вона́ ски́нула на ме́не чо́рними очи́ма, немо́въ пита́ла, яка́ въ ме́не ду́мка, та й одказа́ла:

— Чому́ ні? —

«Го́споди!» кажу́ зновъ: «якъ я коли́сь молодо́го віку жила́ въ ба́тька, въ ма́тері!»

— А я,—ка́же,—вікъ извікува́ла, усе́ тяга́ючись по чужи́хъ двора́хъ. —

Та й змо́вкли ми.

«Ви сирото́ю оста́лися зма́лку, Горпи́но?» зновъ пита́ю.

— Ні, мене́ взя́то зъ семьі мале́нькою. Ба́тька й ма́тіръ ле́две зазна́ю. И вони́, чи позна́либъ, упослі мене́ поба́чивши!... та не ба́чили — вме́рли. —

«А чоловікъ вашъ небо́жчикъ звітки бувъ ро́домъ?»

— Съ того́ села́, де я жила́ съ пана́ми, зъ Горіевки. Дворя́къ бувъ. —

«И довге́нько ви жили́ зъ нимъ?»

— Півро́ку. —

«Го́споди! и не нажили́ся! що́ жъ то ёму́ за ли́хо ста́лося?»

— Спьянчи́всь и вме́ръ.

По сімъ сло́ві, вийшла зъ ха́ти, и вже нікóли я до тії ре́чі зъ не́ю не верта́лась.

III.

Було́ на́дъ – вечіръ одро́бимось, па́ні куди́ въ гости́ну пійде,— сидимо́ коло ворітъ. То съ тимъ перемо́вимо, то зъ други́мъ, — спита́емо, привітаемо; а Чайчи́ха мо́вчки сиди́ть. На́стя щебе́че зъ сусідчиною дівчиною. Жила́ про́ти насъ міща́ночка. Сирітка була́, Кривоши́енкова зва́лася. Така́ сла́вна дівчинка була́! Очі въ не́і було ясні, коси́ до́вгі, вели́кі чорнору́сі, а ли́чко—якъ я́блучко. Було́, якъ не поба́чишъ, весела́ собі, щебетли́ва, и голосо́чокъ бувъ въ не́і—на́че стру́мочокъ, пру́дко біжа́чий. Ду́же вони́ зъ На́стею любилися: якъ се́стри рі́дні—все було́ вку́пці. Діла не бага́то въ На́сті: ще тоді вона́ тілько зъ дите́й вихо́дила; отъ собі й щебе́ – чуть щебету́шечки. А Горпи́на все сама́, все мовчи́ть.

«Горпи́но!» кажу́: «чому́ ви хочъ зъ дочко́ю свое́ю не погово́рите? Веселійшъ вамъ було́–бъ....»

— Яка́ ще зъ нею мо́ва? вона́ ще дурна́, неха́й пе́рше ро́зуму дійде. —

«А на ме́не» гово́рю, «то я бъ и зъ мало́ю дити́ною розмовля́ла. Нехай мині спочу́е аби́-хто! Свої ду́мки-га́дки повимовля́ю, попла́чу.....»

— А дити́на, то пя́тому, деся́тому оповіща́тиме, яке́ ва́ше горе... На те воно́ молоде́ въ Бо́га! —

«Що жъ!» кажу́: «до́брий чоловікъ пожалку́е.«

На те мині Чайчи́ха нічо́го не відказа́ла.

А дівчина въ неі була́ хоро́ша, якъ квітка. И така́ вона́ була́ яка́сь палка́, чующа.... Вже було́ якъ зажу́ритця чимъ, то ажъ занеду́жае; якъ - же́ весе́ла—що то за жа́рти, що въ не́і за пісні́, за ви́гадки!...

Шамка́, легка́, ста́номъ струнька́, во́лосомъ чорня́ва, а що вже о́чі! тамъ були́ такі що й безъ мо́ви гово́рять. Отъ и́нше, то попла́че собі тихе́нько, зітхне́, та й го́ді; а ве́село — всміхне́тця. Ні, воно́ було́ у го́рі, то слёзи ви́плаче, у ра́дощахъ — сміхъ ви́сміе. Що спочу́е, то зъ са́моі душі, зъ са́мого се́рця, щи́рого, кипля́чого.... Отъ и росла́ вона́ и виросла́ла.

IV.

А Чайчи́ха, що да́лі, усе́ вона́ хмурнійша—отъ мовъ хма́ра чо́рна. И замічáти я ста́ла, що вона́ почала́ куди́сь ходи́ти. Уве́чері пізно якісь до не́і люде прихо́дять, и до́вго вона́ зъ ни́ми гово́рить. Я собі мовчу́, въ не́і не пита́ю. Коли́ одного́ дня—ба́чу, иде́ у двіръ, чи моска́ль, чи хто ёго зна, зъ черво́нимъ ко́міромъ, таки́й пика́тий, уса́тий, и пита́е, чи до́ма па́ні. Отъ я кажу́—до́ма, а сама́—зіркъ: Горпи́на стоіть на ха́тнёму поро́зі, біла́ якъ ху́стка, и прово́дить того́ москаля́ очи́ма. Я ажъ злака́лася. До не́і: «Що вамъ Горпи́но?» Вона́ тільки мині руко́ю махну́ла.

Одда́въ той моска́ль бума́гу яку́сь па́нії. Вона́ жъ якъ прочита́ла, розгнівалась, стрибо́жилась. Написа́ла щось и дала́ тому моска́лёві. Вінъ пошісъ. Незаба́ромъ прийшо́въ яки́йся панъ-черева́нь, и ста́ли вони́ у-двохъ изъ па́нію ра́дитись. Па́ні такъ и си́пле ело́ва́ми, и ху́сточкою о́чи обітре́, и рука́ми сплесне́. Дала́ ёму́ гро́ши. А вінъ усе́ слу́хавъ, бро́ви піднима́ючи, та по кріслечку нігтями сту́каючи. Гро́ши взя́въ и, схова́вши въ кише́ню: «Не бійтесь,» ка́же, «нічо́го не бійтесь!» Па́ні ёму́ дя́куе, до воріть прово́дить и тамъ дя́куе.

Прихо́жу я, та й роска́зую Горпи́ні.

«Що́ се таке́?»

А вона́ тільки зу́би сціпила, та простогна́ла ніби: «Зна́ла я, зна́ла!»

Я нічо́го не розумію. А тутъ прихо́дять якісь судови́і два панки́.

Веліли Горпи́ні ста́ти передъ се́бе, а сами́ сіли.

Оди́нъ таба́ки понюхавъ, другий ху́сточкою обте́рся, та й пита́ють: «Ти́, молоди́це, вільности шука́ешъ?»

А вона́: — Я. —

«Попаде́ся у бі́ду, дурна́! Лу́чче служи́ своій па́нії та роби́.»

Вона́ мовчи́ть.

«Чу́ешъ? розумі́ешъ?... Гляди́ жъ, шану́йся! не зводь напа́сти на се́бе! Почу́емо ще́—нега́рно бу́де!»

Та й пішли́.

Хо́чу я ій сло́во ска́зати.... та гля́ну на не́і—неви́мовлю. Сі́ла вона́ та го́лову на ру́ку схили́ла. Не пла́че, не ту́жить... якъ заме́рла!

И На́стя тутъ стоіть; заду́малась и на лиці мінитця.

V.

Го́споди, якъ вже сварѝлась па́ні на Горпи́ну! и на о́чи ій не пуска́ла ти́жнівъ изо́ два.

А На́стя мині яко́сь и ка́же: «Такъ отъ чого́ мату́ся така́ думна́ ходи́ла!... ось чимъ журѝлась! Ото жъ вона́ мині мале́нький було́ роска́зуе про на́шихъ батьківъ вільнихъ, та й сама́ во́лі забажа́ла! Веселійша вона́ тоді була́,» ка́же—сама́ заду́малася, зажурѝлася—«не така́, якъ тепе́ръ.... Роска́зуе було́ мині, прядучи́, ка́зки,—якъ на́ші батьки́, вільними козака́ми по Дніпру́ жили́, и пісе́нь га́рнихъ про ту старовину́ співа́ла.»

А я ій говорю́:—То чого́ жъ се ти́ й собі, Насту́сю, усе́ ду́маешъ? —

«Та все мині,» ка́же, «да́вня во́ля снитця. Чого́сь мині не впокійно: усе́ чого́сь дожида́ю, сама́ не зна́ю чого́... И ду́мки мої міша́ютця, и сонъ мене́ не бере́; а засну—все сни́тця що на во́лі!...»

VI.

А На́стя вже шіснадцятий рочо́къ почина́е. Па́ні гаптова́ти ій у́чить, ши́ти: розу́мна, жва́ва, вона́ шви́дко й навчи́лась—на свою́ го́лову. Па́ні зраділа, та чужу́ робо́ту поча́ла бра́ти. Було́, кому́ тре́ба, вона́ погоди́тця: «Ма́ю тутъ сусідку молоди́цю; вона́ га́рно ши́е,» та й даеть На́сті пошити́. И до́брі гро́ші вона́ бра́ла и бага́то робити ій дава́ли. На́стя сиди́ та шиѝ. А воно́ таке́ молоде́, юна́ ще така́, а въ не́і ще се́рце одъ ко́жного сло́ва кипи́ть, въ неі ще ду́мки ро́ятця весе́лі дівочі, ще бъ молоде́нькій пороскошова́ти, по зеле́нихъ садка́хъ, ти́хими вечора́ми, кра́сними зо́рями, побігати, лю́бихъ річей, про́ти місяця сто́я, послу́хати. Ну́ що жъ роби́ть! Ишша, кажу́, попла́кала бъ та й сумири́лась. На́стя не така́ вдала́ся. Скілько вона́ слізъ ви́лила, Бо́же мій, світе мій! Ста́нула, якъ віскъ. Ясні о́чі весе́лі стемніли, и ста́ла вона́ похму́ра, якъ ій ма́ти. —

VII.

Яко́сь па́ні пішла́ въ гости́ну и нико́го зъ столовниківъ до́ма не було́. Ми съ Чайчи́хою, упо́равшись у ха́ті, пішли́ до На́сті.

А На́стя ши́ла у па́ніному поко́ю. Увійшли́, а дівчи́на, затули́вшись рука́ми, рида́е-рида́е! ажъ задиха́ється.

«Що́ тобі На́сте?» пита́ю.

А Чайчи́ха тілько гля́нула на дочку́, нічо́го не сказа́ла, й сіла.

«Що́ тобі?«

На́стя мині въ вікно́ пока́зуе, на улицю кива́е.

«Що тамъ, голу́бко?»

— Тамъ лю́де!—покри́кнула.—Живу́ть, хо́дять собі, на Божій світъ ди́влятця, а я отту́тъ надъ чужо́ю робо́тою пропада́ю.—

«О, пта́шко!» я вмовля́ти: «хиба́ въ іхъ го́ря нема́е, въ тихъ люде́й!»

— То що́ го́ре! Я го́ря не бою́ся!... Мині гіршъ: я не зна́ю ні го́ря ні ра́дощівъ; я мовъ ка́мінь тутъ каменію!»

Гля́ну на Горпи́ну, а вона́ сиди́ть, слу́хае, наче ій ся пісня ві-до́ма,—и голово́ю не поведе́.

Зітхну́ла На́стя ва́жко, обте́рла слёзи дрібні, та й ка́же: «Ся́дьте бли́зченько, ма́мо! Погомоніть, тіточко, розговоріть мене́.»

Що́ тутъ мині ій говори́ти!

«Ти, На́сте, не журі́ся, не пла́чъ....»

А вона́, не вважа́ючи, не слу́хаючи, якъ ки́нетця до ма́тері, якъ ухопить ії за ру́ки: «ма́мо, ма́мо! скажіть мині слове́чко, скажіть! Моя́ душа́ переболіла.... моє се́рце схне́!

— А що́ я тобі каза́тиму, до́чко?—зговори́ла Чайчи́ха похму́ро. «Пора́ди нема́!»

Коли́ тутъ хтось—шамъ, шамъ! «Па́ні», кажу́, «па́ні!» А вона́ въ две́рі.

VIII.

«Отъ» кри́кне па́ні, «яки́й собо́ръ. Аби́ я зъ двора́, то й не пита́й робо́ти!»

Бере́ соро́чку въ На́сті, ди́витця. «Та ти й не ши́ла, мабу́ть нічо́го, га́?»

— У ме́не голова́ боли́ть,—одка́зуе На́стя понуро.

«А гавъ ловити, то въ те́бе й неболи́ть тоді голова́? ... Ледащи́це: у ма́тіръ удала́ся! Мо́же й тобі на во́лю заману́лось? Ось я вамъ дамъ во́лю...»

А сама́ на поро́зі стоіть, не дае́ й намъ зъ Чайчи́хою пройти́.

«Я її году́ю, я зодяга́ю, я її на світі держу́, а воно́ леда́що мині робити не хо́че!»

— Мо́же собі роблю?—ка́же На́стя, да такъ-то вже гірко ка́же тії слова́:—мо́же собі заробила що́!

«Ти мині смієшъ такъ одвітувати? Я ще тебе́ не вчи́ла!» Та й ста́ла її би́ти.

— Би́йте, би́йте!—покри́кнула На́стя,—та й за се́ кажіть дя́ковати!

«Мовчи́ жъ! мовчи́! а то́ бу́де на ввесь вікъ тобі ли́ха!»

— Неха́й бу́де!

Гля́ну я—па́ні у гніву́, розгорілась. Гля́ну на дівчи́ну—бли́да́, грізна́, сама́ ро́спачъ гірка́я! Гля́ну на Чайчи́ху—хма́ра хма́рою!

Та на на́ше ща́сте столовники́ надійшли́. Па́ні ви́пхала тоді На́стю за две́рі. «Отъ житте́ моє́!» жалку́етця. «Яке́ леда́що, да и те́ грубить мині. А за що́? що не шко́лено по-хозя́йській, не би́то, якъ у и́ншихъ. О, мій та́тонько! (зи́ркае на малёваного кня́зя, а въ само́і о́чи такі зробились, якъ у ёго, въ само́і така́ морщи́на міжъ брова́ми): «чи дума́въ ти, чи гада́въ, що твоя́ до́ня—княжна́ му́сить изъ то́ю не́гіддю пога́нитись, клопота́тись!»

А столовники́ ій: «Та годі вамъ клопота́тись! Чи сто́іть того́ леда́що, щобъ ви себе турбова́ли? Ну́мо вече́ряти!...

Житте́ на́ше, житте́! Молодо́го віку ро́бишъ-ро́бишъ, а самъ въ убо́жестві, въ гани́бі,—и та́кеньки ста́рість нахо́питця.... Почімъ васъ, молоді літа, зга́дувати?..

IX.

И вже въ насъ у ха́ті ні мо́ви, ні говірки. Чу́тно съ поко́ївъ якъ тамъ смію́тця, гово́рять, жарту́ють го́лосно.

Па́ні було́ на ка́ртахъ столовника́мъ до́лю вга́дуе, або що роскази́е, и́ноді спива́е и все́ про яко́гось дру́га ми́лого спива́е: чому́ дру́гъ не лю́бить, забува́е, чому́ не буває, се въ то свого па́на зга́дуе, чи що́....

А въ насъ ти́хо. У печі пала́е. Я въ кутку́; На́стя́ у другому́ пону́ра. Чайчи́ха коло пе́чі, якъ мара́, хи́бастця, ро́бить.

Убіжи́ть було́ сусідочка–дівчи́на до Насті: «На́сту́сю, иди́ бо до на́съ! поговори́мо... Чого́ така́ смутна́? Коли́ вже тебе́ па́ні не пу-

ска́е, то ти́ тімъ не жури́сь; а ось, якъ годи́нонька вільна, то собі й погуля́й, надложи́ що втеря́ла!»

— Не надложу́, сестри́це, не надложу́!—ска́же гірко такъ, ажъ та весе́ла щебету́шечка голівку схи́лить, зітхне́ и змо́вкне.

Коли́се та́къ уже почало́ся: якъ ве́чіръ, то й нема́ На́сті. И такъ було́ не два́, не три́ ве́чорі.

Одного́ ве́чора ми й спа́ти полега́ли:—ії нема́. У де́нь ії не ба́чили: роби́ла при па́нії, а ввечері зновъ зни́кла. Не лягла́ Чайчи́ха, сиди́ть и дожида́е дочки́. И я собі не сплю́: су́мно мині та́кеньки, Ма́ти Бо́жа!

И отъ иде́ вона́ вже вночі, вже зо́рі попередъ не́ю ме́рхнуть. Иде́ вона́, а ма́ти стріча́ й пита́е: «Де́ була́, до́чко?»

А го́лосъ у само́і, якъ струна́ перебита...

— Не пита́й мене́, мої́ ма́ти! не питай!—ода́же ій Настя. И задзвеніли слова́ ії по ха́ті, якъ пла́чъ....

И почне́ Чайчи́ха: «Що се ти ро́бишъ, до́чко? Що ти собі заду́мала? Чи не на мою́ го́лову, безтала́нну?»

А дочка́ лягла́; лежи́ть—нема́, мо́въ уби́та.

«Де́ ти була́? де́ ти була́, до́чко?» Ні про́зьби, ні гро́зьби не чу́е—нема́.

X.

На дру́гій день уве́чері Чайчи́ха біля воріть зажида́е. Вибіга́ дочка́, вона́—ії за ру́ку: «Куди́ иде́шъ? верни́сь!»

Заверну́ла, приве́ла до ха́ти, и ціліси́нький ве́чіръ проси́діла На́стя у кутку́, ру́ки схрести́вши, ди́влючись у зе́млю, сло́ва не промо́вивши.

И вже та́къ пішло́ся: аби́ ма́ти не догле́діла—дочка́ втіче́. Якъ вже не проси́ли, я́къ не блага́ли—ніче́го не сказа́ла. Ми й слідко́мъ за не́ю слідкова́ли,—иде́ вона́, оглядаєтця; а загле́дівши що ії доганяють, побіжи́ть, якъ полети́ть на кри́лахъ; не дожене́ и молоде́, не то-що підби́та ма́ти або́ й я́. А ні слізъ, а ні сліву не чу́е, не вважа́е.

Якъ-то су́мно було́ въ на́съ у ха́ті! я́къ-то ти́хо, глу́хо!.. По тижня́хъ словця́ було́ не перемо́вимо лю́бого. Я було́ й хо́чу озва́тись до ма́тері, або́ до дочки́: — не зважуся, хіба́ тілько подивлю́сь на іхъ.

Одного́ ве́чора сидимо́ ми съ Чайчи́хою въ ха́ті. Пани́ вже спать поляга́ли, усе́ ти́хо. На́сті нема́. Довге́нько сиділи ми. Тілько й чу́ти, якъ вітеръ у садку́ зіллємъ колиса́е та солове́йко сви́ще-щебѐче.

Коли́ зъ-необа́чка На́стинъ ре́гітъ почувся. Ажъ ми издрігну́лись. Я зляка́лась... А На́стя розчахну́ла две́рі зъ гу́комъ, ста́ла на поро́зі й сміе́тця. Въ ха́ті кагане́ць ледві—ледві світи́въ. Стоіть вона́ така́ черво́на, о́чи горя́ть; стоіть и сміе́тця. Ма́ти проти нѐі ста́ла, ди́витця. И отъ На́стя почала́... та такъ ве́село, що мині су́мно-су́мно: «Мату́сенько моя́! мабу́ть ви мене́ дожида́ли? Ось дочка́ прийшла́... Чого́ ди́витесь, ма́мо? Хиба́ мене́ не пізна́ли? Се я́... мині ве́село...»

Та ступи́ла й захита́лась... Бо́же мій! світе мій! се́ жъ вона́ пья́на!

Хита́ючись, пришла́ до сто́лу й сіла.

«Ну́, моя́ ма́тінко! изнайшла́ вже я чолові́ка, що мене́ ви́зволить.... напе́вно вамъ говорю́, що ви́зволить. Бу́демо ві́льні, ста́немо жи́ти, на сами́хъ-себе́ роби́ти, бу́демо за ёго Бо́гу моли́тись.. Хоть ві́нъ тепе́реньки й зневажа́е мене́ и одъ люде́й мене́ не кри́е... та неха́й. Я ёму, ма́тінко, дя́кую, я ёму́, ма́тінко, низе́сенько кла́няюсь, у са́мі но́ги... Вінъ бума́гу мині напи́ше... Па́ні нема́е пра́ва жа́дного на на́съ! У не́і землі, мовля́въ, нема́е... Ми жъ, моя́ ма́тінко, коза́чого ро́ду... Якъ-то намъ застря́ти у нево́лі вічній... Ні, ві́нъ насъ ви́зволить... и іі ви́зволить (на ме́не вже). Ве́село мині, якъ-то вже ве́село, ма́ти моя́ рідна!.. А засмучу́ся—вінъ гро́шей, мині да́сть... я горілки куплю́... и зо́рі я́сні въ голові въ ме́не світять!..»

И та́къ-то вона́ гово́рить и сміе́тця, а Чайчи́ха тілько слу́хае, не зво́дячи зъ дочки́ оче́й похму́рихъ... Заснула На́стя, на стілъ схили́вшись... и кагане́ць изга́съ... Те́мна іхъ нічъ покри́ла.

XI.

И съ того́ ча́су, що-ве́чіръ, вона́ було́ й пья́на; а ви́рве въ день годи́нку, то и въ де́нь упье́тця. Постерегла́ й па́ні: гнівалась ве́лико, соро́мила іі и ма́тіръ. «Ти ма́ти: чому́ не впиняе́шъ?..»

Замика́ли На́стю—вона́ було́ таки́ втече́; чи двери́ма, чи вікнами, а втече́. Ла́е па́ні, бье́, а вона́ було́:

«Неха́й, неха́й! Упью́ся—все забу́ду,—ве́село бу́де!»

Чого́ вже па́ні не роби́ла! Було́, якъ ще тверёза На́стя, то па́ні уми́сне ії передъ столовника́ми соро́мить:

«Отъ дівка, о́тъ золото, о́тъ ледащи́ця!»

А На́стя ніби й не чу́е. Смію́тця вони́, и вона́ ще всміхне́тця. Втоми́лася вже й па́ні се́рдившись. «Хоть уде́нь же роби́ мині до́бре, леда́що! неха́й тобі вся́чина!»

Замика́е було́ у де́нь ії, стереже́; авъ ве́чері тілько пусти́ла,—вона́ й зни́кне до но́чі.

XII.

Найшла́ся въ На́сті дити́нка... таке́-то мале́сеньке, сухе́сеньке, слабе́ньке!

Якъ заба́чила ёго́ На́стя: «Дити́но моя́! ли́хо моє́!» Застогнала, и затули́вшись рука́ми, запла́че... А давно́ вже вона́ не пла́кала... Я бою́ся, що Чайчи́ха, ду́маю, вже на дочку́ не ди́витця, то й дити́ну не привіти́ть, та підно́шу до не́і тихе́нько—«Богъ»... кажу: «дити́нку намъ Богъ давъ!»

Вона́ взяла́ дити́нку на ру́ки та й ди́витця пи́льно й журли́во, и понуро... ди́витця, ди́витця, поки ажъ слёзи въ не́і покоти́лися. «Го́ре,» ка́же, «го́ре, да го́ре...»

Я й собі кажу́—«го́ре!» пла́чучи. Отта́къ ми нарожде́нця привіта́ли, су́момъ та плаче́мъ!

И росло́ жъ воно́ тру́дно та бо́лезно; усе́ нездужае та нездужае, та квили́ть. А На́стя ста́ла бі́льшъ ище́ пи́ти. Якъ пья́на, то було́ ще заговори́ть до ме́не, и дити́ну попести́ть, пожа́луе. «Дити́но мо́я! чому́ твій та́то не прийде одвідати?.. шкода́ ёго́ дожида́ти: не прийде. Що́ ёму́? вінъ и не спита́е нікоди... А ти́ мене́, янголя́тко, не клени́.» Отакі було́ слова́ промовля́е ,а сама́ до дити́ни всміха́ется и ла́дки ій бье́. Бье́ ла́дки,—су́мно було́ диви́тись: дити́но мовъ не живе́нька, а вона́ зъ не́ю гра́етця... Якъ-же́ тверёза, то зро́ду не підійде до дити́ни, не гля́не,—біжи́ть геть. Ми вже ту безтала́нночку молочко́мъ напува́ли.

Одного́ ра́зу, якъ не пусти́ли На́сті два дні, чи-що́,-Го́споди! би́лась вона́, крича́ла, на́че ії горя́чимъ залізомъ пекли́: «Ой пустіть мене́, пустіть! або́ зъ ме́не го́лову здийміть! зми́луйтеся! му́чите мене́ на що́ й про що́? Я пьяни́ця вічняя... Поми́луйте мене́, пустіть! Упью́ся я, своє́ ли́хо засну́плю... А въ тверёзої ли́хо о́-бікъ ме́не си-

ди́ть, ли́хо мині въ ві́чі ди́витця!» А па́ні все не вели́ть пуска́ти, та жалку́етця столовника́мъ: «Які сі лю́де пьяни́ці! Мабу́ть вони́ вже и́ншу исто́ту ма́ють, не таку́ якъ у насъ... Гля́ньте, молоде́сенька, а вже впива́етця! Ледащи́ця, та й го́ді!.. пхе́!.. А дитя́ свое́ зо́всімъ занедба́ла,—пропада́е дитя́...»

А вони́ вже ій на те́: «Стра́хъ! У сі́хъ люде́й ні со́рому, ні со́вісти, ні душі, десь, нема́е!»

Да такъ и су́дятъ собі́, смачне́нько вече́ряючи, або́ та́къ ба́влючись.

XIII.

А дити́нка ти́хо ді́йшла́... Одного́ ра́нку прихо́жу я іі́ попести́ти, нагодува́ти; вхо́жу—у ха́ті те́мно, бо на дво́рі нахма́рило, дале́ко грімъ одгрімуе, вітере́ць залігъ десь, ти́ша...

Вхо́жу, дивлю́сь, а дити́нка вже очи́цями пово́дить. Я до не́і ки́нулась, перехристи́ла. Воно́ зідхну́ло разо́чокъ, и ду́шечка іі́ одлетіла... Ні Чайчи́хи ані На́сті не було́ до́ма. Я дити́нку обми́ла, прибра́ла, стілъ засла́ла, и на столі іі́ положи́ла. Збігала—свічечку купи́ла, засвіти́ла въ голо́вкахъ... ру́чечки ій зложи́ла...

Прийшла́ Горпи́на, перехристи́ла, поцілува́ла холо́дну уну́чечку, и до́вго стоя́ла надъ не́ю, до́вго. Прийшла й На́стя весе́ла й пья́на. «Що́ се таке́?» ка́же. «Дочка́ моя́ вме́рла? До́чко, до́чко мала́я! Ру́ченьки моі холодні́сінькі! Ли́ченько мое́ привья́ле!» Сама́ бере́ іі́ за ру́чечки, цілуе́, у голо́вку цілуе́. «Яке́ жъ німе́! Коли́сь-то́ кви́лило тихе́нько: теперъ німе́... Такъ отсе́ ти вме́рло? До́бре, до́нечко, до́бре!.. ей-же-Бо́гу до́бре!

А сама́ слізьми обсипа́етця, на́че й горю́е й радіе чого́сь ра́зомъ.

Коли́ схо́питця хуте́нько: «Горілки тре́ба, горілки! Лю́де бу́дуть: хова́ти до́ню при́йдуть!.. Чи при́йдуть же? Що́-жъ? все тре́ба горілки... Побіжу́!»

И побігла, и до но́чі не верта́лась. А ми тутъ розго́рили тру́ночку, прибра́ли, зіллячкомъ уквітча́ли. Уночі На́стя верну́лась. Зновъ дити́ну за ру́чечки бра́ла, зновъ у голо́вку цілува́ла. Коло́ тру́ночки й звали́лась и засну́ла, и все́: «До́бре, до́бре, ей-же-Бо́гу́ до́бре!» все те сло́во промовля́ла.

А вра́нці проки́нулась, поба́чила тру́ночку,—издрігну́лась, збілі́ла.

«Умéрла!» промóвила, нáче вонá того́ й не знáла, забýла... До дити́ни,—а я їй одвóжу: «Нáсте! Нáсте!»

— Пустіть: — грімнула; — нехáй подивлю́сь! Я ще не бáчила її й дóсі, до сáмої смéрти її...

Диви́лась-диви́лась, якось ти́хшала все, ніби сумиря́лась, та й ви́шла зъ хáти.

Ми й поховáли дити́нку—її не булó; а пóтімъ, якъ ужé прийшлá—прийшлá того́ вéчора тверéза и біла-бíла, стóмлена такá прийшлá,—нíчóго въ насъ не питáла... Пíсля сёго щé гíршъ запилá.

XIV.

Не дéнь же й не двá такé життé велóся... мáтíнко, два рóки! Колú Нáстя рáзомъ покúнула пúти, нікуди й крóку зъ двора́ не йдé; а сама́ такá трúвóжна! въ лицí мінитця, здрігáетця, трýситця, отъ нáче бъ вонá собі смéрти, чи...вóлі ждáла! Питáю — мовчúть! И такъ три дні. На трéйтій день увéчері промóвила слóво: «обманúвъ!»

«Нáсте, голýбко!» кажý íй: «що тобі такé? Скажú жъ мині, моя́ безталáнна!»

«Щó мині зробúти?.. Я пíдý до ёго, пíдý!.. Абó я ёгó зъ свíта зведý, абó сама́ зійдý. Вінъ менé впéвнивъ, що въ понеділокъ вóлю пришлé... Пíйдý, пíйдý, хоть задушý ёгó... мóже, полéгшае...»

Вúрвалась умéне зъ рукъ, та й побігла. Я за нéю,—сама́ старíй кричý: «Лúхо, гóре бýде!»

А старá тілько головóю кивнýла, ніби й не ждáла úншого.

Біжý я та кричý: «Нáсте, Нáсте! пождú менé! Я зъ тобóю хóчу йти́... Я тобі поможý у всёмý.»

Не слýхае,—біжúть. Мýсила я до дóму вернýтись.

Нема́ Нáсті до нóчі; нема́ у ночі; не прийшла и въ дéнь. Посилáла пáні шукáти. Шукáли ми, не знайшлú.

Колú такъ, на другúй уже день, въ обíдню дóбу, идé вонá и двá москалі її провóдять.

Кúнусь я до нúхъ: «Голуби́ моі сúзі! щó ви зъ нею робúтимете?»

«Отъ бáба здуріла! Пéвно всі ви дурнóго рóду!» кáже мині сухéнький, жовтéнький москáликъ, розмáхуючи бумáгою. «Отъ и ся́

(на Настю показує). Тутъ їй воля, тутъ би їй вибрикувати, а вона останній розумъ згубила.»

«Яка воля?» питаю не розуміючи.

«А вжежъ вільна буде! отъ яка!.. Вже порішили. Який паничъ гарний за неї просивъ!»

А другий москаль: «Эге! за стару не попросять! пропадай стара!»

И жартують такеньки межи собе. А Настя йде біла якъ хустка, ні журлива, ні весела,-отъ мовъ съ каменю.

Вибігла Чайчиха. Кажу їй—віри не йме и слухати не хоче. А пані перелякалась: то за тимъ знаемимъ шле, то за другимъ, плаче,ради просить, жалкуетця. А ми чекаемо—ждемо: чи смерть, чи воля бідолашнимъ буде. Колотилося въ насъ такеньки ажъ тиждень. Зовсімъ уже порішили що ми вільні, а все пані пускати насъ не хотіла,—та мусила вже.

Отъ, якъ зібрали насъ въ останній разъ та объявили, що ми всі вільні, у руки бумагу дали,—вийшли ми за ворота панські, — якъ заридае тоді Чайчиха!.. ридае, ридае такъ, Господи! та тілько приказує: «Ой світе мій, світе мій милий, світе мій красний.»

Зійшлися сусіде, товплютця на улиці, оступили, поздоровляють насъ, сами зъ нами плачуть, а насъ омовляють. А Чайчиха імъ на те: «Сестриці! братй! родина!» такъ-то вже величае іхъ! «не бороніть, нехай поплачу! Я двадцять роківъ не плакала!»

И такъ вона вимовила, що всі зновъ дрібними слезами вмилися.

Якъ я тоді на неї гляпула, тоді я тілько й побачила, які въ неї бчі добрі, який усміхъ ласкавий,—наче то не Чайчиха передо мною мовчуща, понура... А далі, якъ схаменулась вона, якъ гляпула на дочку, охмурніла и осмутніла зновъ тяжко.

А Настя стоіть, на всіхъ—на все дивитця, та шепче: «Я вже сегодні випила... шумить мині въ голові...»

А далі: «Люде добрі!» простогнала: «чи я вільна, чи я тілько пьяна?».....

XV.

Настина подруга давня, ота Кривошиенківна, приняла насъ до себе въ хату. Зібралось ще скілько добрихъ сусідочокъ туди до насъ, та радимось. Тілько Настя—якъ сіла въ куткy, якъ схилила голову,—не мовъ замерла такъ.

«На́сте!» кли́чемо: «иди́ лише́нь до ра́ди, пора́димось.»

— Голова́ боли́ть!—одказа́ла.

На дру́гій день, ще́ гірше вона́ занеду́жала; вже съ того́ дня й не встава́ла. Та́нула вона́, якъ свічечка. Нікого́ не познає́, ди́витця стра́шно и все за го́лову себе́ хапа́е.

— Гори́ть, гори́ть! — ка́же.

На пья́тий де́нь підвела́сь, ху́стки шука́е, зрива́етця ніби куди́ бігти.

«На́сте, куди се?»

— Горілки хо́чу!... піду́! піду́! —

Ма́ти запла́кала,—про́сить: «До́ню моя́, схамени́сь!»

— Пустіть мене́, пустіть! —

«Куди жъ тебе пусти́ти? Ти на нога́хъ не встоішъ... Ляжъ!»

— То вби́йте мене́, вби́йте! — кри́кне, ла́млючи ру́ки.

Положи́ли її зновъ на ліжко. Почала́ вона́ ки́датьця, почала́ стогна́ти, крича́ти.

— Я ві́льна, вільна!... ну, до́бре!... И вільна, и пьяни́ця, и леда́що!... Де́-жъ мині прихили́тись, де́? До́брий хазя́їнъ ви́жене: «Пьяни́ця, леда́що, тре́ба її зъ свого́ двору ви́гнати!» ска́же, и ви́жене.... и до́бре зро́бить.

Къ-но́чі вже зъ си́ли зо́всімъ ви́билася:—тільки стогна́ла сти́ха та проси́лась.

— Не женіть мене́, не женіть,—неха́й я хочь тро́хи одпочи́ну! Ма́тінко, я жъ ва́ша дити́на, — не женіть!»

Усе́ ій привіджуетця, що її женуть. И дити́ну свою зга́дувала.

— Сховайте, сховайте мою́ дити́ну,» ше́пче: «вона́ вже давно́ вме́рла!»

Такъ, о-півночи, піднялась на ліжку....

«Зима́ лю́та:» ви́мовила, «куди́ ви мене́ женете́?»

И впа́ла.

Се вже її оста́нне сло́во було́.

Марко Вовчокъ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ

ВАСИЛІЯ ПЕТРОВИЧА БѢЛОКОПЫТЕНКО.

(Продолженіе.)

...Наконецъ, я совсѣмъ собрался, *Бі́ла* готова, и въ прихожую вошелъ *Козе́лъ* за моими вещами.

— Гляди́ жъ, будь ла̀сковъ, — говоритъ ему отецъ: — бережи́ хлопця, щобъ не змерзъ!..

— Та вже жъ, извѣсно! *Бережёного и Богъ бережёт!* и Козе́лъ погладилъ рукою по своей высоко-подбритой чупринѣ.

— И кобы́лу тежъ?

— И кобылу тежъ! *Пошану́й скоти́ну — вона́ тебе тричі́ пошану́є!* и снова погладилъ рукою Козелъ по своей высоко-подбритой чупринѣ...

И, будь ла̀сковъ,—зна́ешъ, яка̀ Бѣла!.. Поідете болота̀ми, — на доро́гу направля́й, навпросте́ць (прямо) не ідьте нігдѣ!.

— Та вже жъ, звѣсно!.. *Поідь кругомъ, то сёго́дня поспі́ешь, а поідь навпросте́ць — дай Боже, щобъ пі́слязавтрёго!* и высоко-подбритая чуприна была поглажена въ третій разъ.

— Вишій же!..

Выпилъ Козе́лъ одну чайную чашку водки—большую чашку!—выпилъ другую, выпилъ и третью!.. Конечно, дать Козлу выпить такую пропорцію, значило сдѣлать его совершенно неспособнымъ шануватъ скотину; но отецъ всё-таки далъ выпить... почему? Богъ его знаетъ! Можетъ-быть, угаръ трехсуточной погулянки заставилъ сѣдоволосаго упустить изъ виду и то́ и другое, а можетъ-быть, онъ поддался обычаю нагружать все выѣзжающее изъ свадебнаго двора̀ какъ-можно поплотнѣе.

Наконецъ Козелъ былъ нагруженъ, я простился со всѣми домашними и Бѣла пустилась со двора... Пусть же она мчится себѣ, сначала

черезъ дворъ, потомъ вдоль хутора, потомъ съ горы на рѣку, а я тѣмъ временемъ кое-съ-кѣмъ и кое-съ-чѣмъ васъ познакомлю.

Во-первыхъ, познакомлю васъ съ содержаніемъ праваго кармана моего полосатаго нанковаго жилета. Тамъ, въ этомъ правомъ карманѣ, было ниболѣе нименѣе, какъ шестьдесятъ копѣекъ ассигнаціями — сумма огромная въ то время для мальчика моихъ лѣтъ, а въ-особенности—ѣдущаго въ городъ всего на одну недѣлю! На эту сумму можно было у насъ тогда купить по-крайней-мѣрѣ два пуда муки, или шестьдесятъ огромнѣйшихъ бубликовъ,—просто, можно было кормиться цѣлую недѣлю. Но, что́ для насъ гораздо важнѣе, — на эту сумму можно было пріобрѣсть тогда въ какомъ-угодно шиночкѣ, кромѣ, разумѣется, городскихъ, кварт ъ пять водки, и это можно было сдѣлать тѣмъ легче, что всѣ шестьдесятъ копѣекъ, бывшія у меня въ карманѣ, были мѣдною монетою, пользовавшеюся въ то время, вмѣстѣ съ ассигнаціями, такимъ важнымъ предпочтеніемъ въ Малороссіи предъ монетою серебряною.

Не мѣшаетъ познакомить васъ нѣсколько и съ *Бѣлою*... Самка эта принадлежала къ породѣ тѣхъ лошадиныхъ самокъ, которыя и на старость сохраняютъ юношескій жаръ и юношескую прыть,.. и принадлежала къ ней, къ этой породѣ—если только можно такъ выразиться—безусловно и беззавѣтно, со всѣмъ своимъ лошадинымъ существомъ, покрытымъ бѣлою шерстью.

Какъ, напримѣръ, она ни была стара, и сколько разъ она ни была въ необходимости испытывать на себѣ всѣ варварства лошадиной акушеріи хуторскаго изобрѣтенія,—знать ничего не хочетъ, да и только!.. и—что́ годъ, то и лошонокъ!.. Годы даже какъ-будто только увеличивали въ ней юношескій пылъ,—и она дошла наконецъ до того, что даже забыла про свою материнскую гордость и про свою бѣлую шерсть: иная, въ ея лѣтахъ, если ужъ нельзя одѣть дѣтище въ бѣлую рубашечку, какъ и у себя,—хоть звѣздочку бѣлую на лобъ прилѣпитъ или копытокъ побѣлитъ, а она и отъ этого отказалась, и просто до шерстинки одноцвѣтныя лошонки, гнѣдые тамъ или рыжіе, смотря по обстоятельствамъ .. И опять: сколько она на долгомъ вѣку своемъ ни избѣгала пространства и по дорогамъ и безъ дорогъ, *навпростéць*,.. и какъ ни стары были ея бѣлыя ноги, но поручите бывало ей что́—«пожалуйста-молъ, *Біла*, такъ и такъ... вонъ тамъ далеко село, или *бáйрачокъ*, или—вонъ у тебя изъ-подъ переднихъ ногъ побѣжала впередъ дорожка..»—и, съ сѣдокомъ на спинѣ, или

съ саньми, или съ повозкою назади, пустится она какъ стрѣла рысью (и именно рысью, а не *скóкомъ* или *навзáводи: скóкомъ* или *навзáводи* бѣгать — было не по ея части), пустится со всѣмъ юношескимъ жаромъ и увлеченіемъ, и именно туда, куда вы ее направили: по дорогѣ направили — пустится по дорогѣ, и будетъ бѣжать, пока дороги у нея не станетъ подъ ногами; на село или бáйрачокъ направили, полетитъ на село или на байрачокъ, не спуская съ нихъ глазъ и не обращая вниманія ни на засѣянныя поля, ни на рытвины, ни на что́... и будетъ летѣть такъ (если, конечно, не попадетъ гдѣ въ канаву) до тѣхъ поръ, пока не влетитъ въ байрачокъ и не запутается въ немъ межъ деревъ и кустарниковъ, повозкою, что́-ли,.. или пока не влетитъ въ село и не хватитъ носомъ, или оглоблями, въ плетень или въ избу, или во что́ другое, что́ очутится ей тамъ на перепутьи... Остановится потомъ, искры, можетъ-быть, отъ толчка посыпались изъ глазъ, паръ изъ ней столбомъ, бока крутые *хóдоромъ хóдять*, а она только уздечкою весело побрякиваетъ, да ушами самодовольно поводитъ: «Сполнила,» молъ, «свой долгъ!..»

Любили за это *Білу*, за эти полезныя, пріятныя и веселыя качества, любили всѣ очень, очень! А ужъ возницы и особенно всадники —и говорить нечего! Да и кáкъ было имъ не любить ея? вѣдь имѣть дѣло съ лошадью, которая такъ «сполняетъ свой долгъ»,—просто—кладъ!.. укажи только ей дорогу, да и заваливайся смѣло спать въ повозку или сани, или дремли, ухватясь покрѣпче за сѣдельную луку!.. потому-что надобно и то́ еще сказать, что рысь у Білой была необыкновенно-легкая, и ѣхать было на ней—*якъ на пóдушці*, какъ у насъ выражаются въ подобномъ случаѣ. Любилъ ее за эти качества и покойникъ-отецъ, и если предстоялъ путь, который долженъ быть совершенъ быстрою и скромною и послушною лошадью,—«Білу запрягайте!»,—въ-особенности, если возница былъ не вѣтрогонъ, а человѣкъ солидный.

Позвольте жъ еще въ заключеніе познакомить васъ и съ Козломъ,—возницею, который долженъ былъ управлять *Білою* во время обратнаго моего путешествія въ городъ.

Козелъ—это типъ, довольно распространенный въ Малороссіи. Онъ изъ дѣда и прадѣда былъ Украинецъ, но въ немъ была еще примѣсь какой-то восточной крови, этакъ турецкой, что́-ли: можетъ быть чрезъ какую бабку–*бráнку*, или чрезъ какого прапрадѣда–*бráнця*, или какого *побрó* изъ Черной-Горы, любителя бранныхъ тревогъ и

привольной разгульной жизни Запорожья временъ оныхъ... Это присутствіе какой-то захожей крови, изобличалось во всемъ его существѣ... Былъ онъ высокаго роста и довольно строенъ; шея длинная, съ кадыкомъ на горлѣ, носъ тоже длинный, лицо и голова тоже длинныя, даже черезъ-чуръ ужъ длинныя... Прибавьте къ этому еще крѣпкую смуглоту лица и шеи, какой-то тупой взглядъ большихъ черныхъ глазъ, черный покляпый усъ, черныя густыя брови и черную высоко-подбритую чуприну — и вотъ вамъ Козелъ!

Еще бы внутреннюю сторону его описать вамъ, но это статья чрезвычайно-трудная... Богъ съ нею! Скажу только, что мысль у Козла, должно-быть, постоянно работала надъ чѣмъ-то важнымъ и глубокомысленнымъ, потому что выраженіе лица его было всегда серьёзное и глубокомысленное. Это выраженіе лица было у него до того постояннымъ, что, сколько мнѣ извѣстно, онъ всего одинъ только разъ въ жизни засмѣялся, именно, когда ему сказали, что ужъ пора ему жениться... — такъ по-крайней-мѣрѣ гласитъ хроника замѣчательнѣйшихъ событій въ нашемъ хуторѣ! Пожалуй, еще скажу вамъ, что хоть мысль у Козла должно-быть и постоянно работала надъ чѣмъ-то важнымъ и глубокомысленнымъ, но результатовъ этой работы онъ никогда и никому не сообщалъ... да и вообще онъ говорилъ очень-мало, и если говорилъ, то всегда кратко, серьезно и догматически, заканчивая всегда пословицею, болѣе или менѣе идущею къ дѣлу, — что подало одному мѣстному остряку поводъ остриться надъ Козломъ, — впрочемъ, въ его отсутствіи, — якобы въ своихъ ясляхъ у Козла всегда пусто, и онъ, при нуждѣ, воруетъ изъ чужихъ... до иной-разъ хватитъ и сѣнца, а иной соломки, просто или и бурьяну...

Пожалуй, еще и то скажу, что Козелъ, если только погода позволяла, всегда ходилъ безъ шапки, — и когда, въ ясный лѣтній день, шагалъ онъ вдоль хутора, въ бѣлой сорочкѣ и бѣлыхъ штанахъ, безъ сапогъ и безъ шапки, — держался всегда важно и прямо, съ закинутою назадъ головою, — вслѣдствіе чего чуприна всегда качалась на затылкѣ, какъ чорный султанъ у маршируюшаго солдата....

Скажу еще, что Козелъ былъ добрѣйшее въ мірѣ существо... пилъ очень рѣдко, но если пилъ, — пилъ очень много и всегда молча... и когда напивался крѣпко, любилъ плакать... и когда падалъ, напившись крѣпко, падалъ не какъ другіе добрые мои земляки падаютъ въ подобныхъ случаяхъ, на-бокъ тамъ или *стóрчъ*, а всегда назадъ,

навзничъ, и такъ, что шапка отлетала Богъ-вѣсть-куда, чуприна разстилалась по землѣ, а ноги задирались вверхъ высоко—высоко...

Первое время, когда выѣхали мы со двора, я молчалъ; хоть и безъ особеннаго горя выѣзжалъ я изъ дому, а все-таки нѣкоторая тяжесть была на душѣ. Но когда спустились мы внизъ на рѣку, и когда *Бѣла* весело и густо зазвенѣла своими подковами по гладкому льду, мало покрытому снѣгомъ... а по сторонамъ зарябили кусты курчавой лозы и стѣны золотистаго очерету, облитаго солнечнымъ свѣтомъ,—на душѣ у меня повеселѣло, и я началъ заговаривать съ Козломъ. Впрочемъ, мои усилія, завязать съ нимъ бесѣду, остались безъуспѣха. Выпитая имъ водка, очевидно, всё болѣе и болѣе пробиралась къ центру его мыслительныхъ способностей, и все болѣе и болѣе располагала его душу къ состоянію, за которымъ необходимо должны были у него послѣдовать слёзы. Онъ упорно молчалъ, разсуждая о чемъ-то важно и глубокомысленно, и упорно глядѣлъ въ *передо́къ*, изрѣдка похлопывая своими черными и посоловѣвшими глазами. На всѣ мои вопросы, онъ отвѣчалъ мнѣ однимъ тихимъ: «у!» или тихо и какимъ-то особеннымъ способомъ, извѣстнымъ однимъ только порядочно-нализавшимся людямъ, шевелилъ своими усами, да еще раза два-три муркнулъ мнѣ, что̀ называется, «ни къ селу, ни къ городу«, пословицами серьезно-моральнаго содержанія, въ томъ числѣ и изреченіемъ »суета суетъ«, не вѣсть какимъ путемъ попавшимъ въ этотъ ходячій сборникъ народныхъ пословицъ и поговорокъ. О, Козелъ! о, мой премудрый Соломонъ!.. Видя, что Козелъ плохой для меня собесѣдникъ, я началъ перебирать въ головѣ своей, какое бы придумать тутъ развлеченіе, какъ бы убить время. Ужъ я думалъ и о томъ, и о сёмъ,—нѣтъ! Наконецъ придумалъ-таки: досталъ изъ жилета двѣ мѣдныя монеты, и сдѣлавъ, подъ верхнимъ кожухомъ, въ который я былъ закутанъ, *бу́дку*, началъ самъ съ собою играть на колѣняхъ *въ реше́тки*.

— Э?!—вопросительно *экнулъ* Козелъ, заслышавъ у меня подъ кожухомъ звонъ монетъ—и ткнулъ носомъ ко мнѣ въ *бу́дку*:—багато?

— Ось-скількѝ!—отвѣтилъ я, довольный, что наконецъ онъ заговорилъ-таки,—и вытащилъ наверхъ одну за другою всѣ мѣдныя монеты, бывшія у меня въ жалетномъ карманѣ.

— И-ги!!.. на чвертку, на чвертку!... *багатому чортъ дiти коли́ше...*» —и онъ снова предался глубокомышленному размышленію,

упорному молчанію и похлопыванію чорными и посоловѣвшими глазами съ созерцаніемъ *передка*,—такъ-что я думалъ, что все дѣло о деньгахъ, возбужденное его любопытствомъ, на этомъ и кончится.

Но не кончилось на этомъ дѣло о моихъ деньгахъ, какъ и никогда такъ не оканчиваются дѣла о деньгахъ! Высшими судьбами разъ навсегда опредѣлено, чтобы всѣ дѣла о деньгахъ, какого бы они рода, вида, качества, номера и т. д. ни были, до тѣхъ поръ не оканчивались, пока всѣ деньги, или по-крайней-мѣрѣ какая-либо часть ихъ, не перейдутъ въ другіе карманы... Въ первомъ селѣ, которое попалось намъ на пути, часть моихъ денегъ перешла въ руки какого-то пана, конечно-чрезъ руки его шинкаря, — и Козелъ выпилъ чвертку... «На чвертку, на чвертку!» говорилъ онъ: «багатому чортъ діти колише!.. Всякое даяніе благо!...» и я далъ на чвертку... Что мнѣ было дѣлать? какъ не дать?.. Не мнѣ же, мальчишкѣ, учить Козла, что, молъ, лишнее будетъ, когда я вездѣ и всѣхъ вижу, что пьютъ лишнее, и когда и шинки Богъ создалъ на то, чтобъ люди пили побольше.

Въ слѣдующемъ затѣмъ селѣ повторилась та же самая исторія, съ тою только разницею, что изъ шинку Козелъ вышелъ уже плачущій, а на сани садился уже не одинъ разъ, а два раза, т. е. собственно говоря, онъ уже теперь не сѣлъ въ сани, а ввалился, и не въ *задокъ*—рядомъ со мною, а въ передокъ-поперегъ саней, что именно и было причиною, что помѣщеніе Козломъ своей особы на сани произведено было имъ въ два пріема, такъ-какъ первый пріемъ оказался неудачнымъ вслѣдствіе слишкомъ сильнаго размаха туда, навзничь, съ летаніемъ, по описанному мною выше способу, шапки подальше, на снѣгъ, со взмахомъ чуприны по воздушному пространству и съ поднятіемъ ногъ вверхъ, высоко-высоко... «Суета,» молъ, все, суетъ!...».

Можетъ-быть, и въ третьемъ селѣ пришлось бы мнѣ дать Козлу на чвертку, но... чего не можетъ случиться между двумя селами, находящимися одно отъ другаго въ разстояніи семи-восьми верстъ и отдѣленными одно отъ другаго только болотами и рѣками—замерзшими, правда, но все-таки болотами и рѣками!.. а тѣмъ болѣе—чего не можетъ случиться съ путниками, ѣдущими на такой *Білой*, какова была наша *Біла*, и помѣщенными на саняхъ такъ, какъ мы были помѣщены съ Козломъ!

Когда мы выѣхали изъ втораго села и когда Козелъ, проливая

слезы, указалъ Білой на виднѣвшуюся впереди церковь: «туда, молъ, Біла, въ *Сідѣцьку*!,» Бѣлая только головою кивнула («смекаю, дескать»,) и стрѣлой пустилась на впростѣць, по кочкамъ, болотнымъ купамъ и по всему, что̀ ей ни попадалось подъ заднія и переднія ноги.

— Щó ти, — говорю, — робишъ!.. въ *опарь* вскочимо де-небудь!...

Но Козелъ только слезы проливалъ, да усами шевелилъ извѣстнымъ образомъ...

И неслась Бѣлая стрѣлой до тѣхъ поръ, пока дѣйствительно не вскочила въ опарь, да еще не ка́къ-нибудь вскочила, а со всѣхъ четырехъ ногъ и, что̀ называется, по самыя уши... Не знаю, какъ и мы туда съ саньми не попали!..

— У!..—мычитъ Козелъ на бѣдную Бѣлую:—у!.. (ужъ и *ну*! не въ состояніи выговорить)... но Бѣлая.. только болтается, бѣдная, межъ кусками обломавшагося льда, да копытами взбалтываетъ со дна цѣлую массу тины...

Что̀ мы тутъ дѣлали съ Козломъ, чтобы вытащить на ледъ Бѣлую, или, лучше сказать, что̀ я дѣлалъ для этого, (потому-что Козелъ въ томъ состояніи, въ какомъ онъ находился, способенъ былъ только проливать слезы да *у́кать*), не буду тутъ разсказывать; но не могу пройти молчаніемъ одной операціи, которой подверглась несчастная, и не могу пройти молчаніемъ именно потому, что мнѣ хочется показать, на какія остроумныя концепціи бываютъ горазды люди, похожіе на Козла, и въ состояніи, въ какомъ онъ былъ тогда.

Измученный безуспѣшною возней съ Бѣлою, я сѣлъ наконецъ на сани и рѣшился ждать: авось-либо кто близко проѣдетъ и поможетъ намъ, а пока—плакалъ и плакалъ, слезами облегчая свое горе.. Сижу я на саняхъ и плачу, а Козелъ стоитъ передъ Бѣлою и покачивается во всѣ стороны. И стоялъ-стоялъ онъ такъ, потомъ вдругъ:—у!—и шапку съ головы, рукавицы съ рукъ, прочь все!.. самъ передъ Бѣлою на колѣни и наклоняется ртомъ къ ея уху... и чуть-чуть не бултыхнулъ въ воду!...

— Що ти,—говорю,—хочешъ робить?.. Ще и самъ въ воду...

— У! — промычалъ Коле́лъ: — *якъ припече́, то втече́*!.. и доставъ зубами за ухо Бѣлую, началъ его кусать немилосердно! Больно станетъ, молъ, ттакъ выскочитъ!..

Я едва могъ оторвать его отъ уха!.. И хорошую, должно быть, представляли мы группу: я, всѣми силами тянущій сзади Козла за

свиту,—колѣнопреклоненный на снѣгу и безъ шапки и рукавицъ, Козелъ, вцѣпившійся зубами за ухо несчастному животному... оно, визгливо ржущее отъ боли, и болтающееся въ *опарь*, а позади его, на льду, оттащенныя подальше сани съ протянутыми впередъ оглоблями... «Прійди, молъ, Бѣлая, въ мои объятія...» Забылъ сказать, что я–таки умудрился распречь Бѣлую, возясь съ нею.

Такъ мы провозились здѣсь безуспѣшно часа два, пока не увидѣли въ полуверстѣ отъ насъ какихъ–то проѣзжихъ. Я началъ звать, тѣ услышали, пріѣхали къ намъ и вытащили Бѣлую... Шея, грудь и бока изрѣзаны льдомъ и обливаются кровью; ноги окоченѣли отъ холода; дрожитъ и едва держится на ногахъ... По она едва почувствовала, что ступать уже можетъ, ступила одною ногою, потомъ ступила другою, опять, опять—и къ санямъ, и стала въ оглобли: запрягай, молъ, меня, буду свой долгъ исполнять!.. Запрегъ я ее съ помощью проѣзжихъ, свалился Козелъ въ передокъ, вывелъ я Бѣлую за поводъ на дорогу, и она пошла исполнять свой долгъ, сначала дрожа и дрябло какъ–то тыкая ногами въ ледъ, а потомъ съ большимъ и большимъ воодушевленіемъ, — и снова юношескій жаръ, и снова юношеская прыть!...

Въ третьемъ и четвертомъ селахъ, Козелъ ужъ не говорилъ мнѣ: «*Багатому чортъ дiти колише!*» зато въ пятомъ селѣ, гдѣ мы остановились покормить Бѣлую и пообѣдать, онъ столько–разъ говорилъ, мнѣ это что когда мы поѣхали дальше, онъ даже и *ўкать* былъ не въ состояніи, а только плакалъ и плакалъ... прерывая по–временамъ свой плачъ лишь для того, чтобы дернуть за ту или другую вожжу, такъ, по какому–то вдохновенію, и такимъ образомъ перевести, такъ сказать, Бѣлую съ одного вѣтра на другой, направить ее, куда намъ прійдется, направо или налѣво,—куда укажетъ вдохновеніе.....

Путались мы съ Козломъ по лѣсамъ, лозамъ, и очеретамъ до самого вечера, какъ и тогда, съ Мýндыромъ, съ тою только разницею, что съ Мýндыромъ ѣздили мы всё по проторенным дорогамъ, а теперь, — всего случалось: иногда путались и не по проторенным дорогамъ, иногда и просто безъ дорогъ... Случалось и въ лозу запутываться, случалось перебираться и черезъ поваленныя деревья въ лѣсахъ, барахтаться въ кустахъ очерету, всего, говорю, случалось! И долго мы, можетъ–быть, еще путались бы по лѣсамъ, лозамъ и очеретамъ, можетъ проплутались–бы всю ночь,

еслибъ не случилось одного обстоятельства, которое легко можно было предвидѣть всякому, кромѣ, разумѣется, плачущаго и дергающаго, за возжи по вдохновенію, Козла.

Какъ теперь вижу эту сцену! какъ-будто она вонъ-тамъ, вонъ прямо предо мною!.. Вечеретъ; морозъ крѣпчаетъ; по обѣимъ сторонамъ нашей дороги стѣны лозы и очерета... Но вотъ стѣны эти справа и слѣва распахнулись и побѣжали куда-то въ сторону, и Бѣлая уже летитъ по какому-то открытому мѣсту...

Вдругъ Бѣлая тише-тише... тукъ-тукъ-тукъ подковами—и стала!.. Козелъ дернулъ за одну возжу, за другую:—стоитъ и дрожитъ...

Я высунулъ голову изъ кожуха и заглянулъ впередъ... Боже! въ четырехъ шагахъ передъ Бѣлою рѣка размытая на нѣсколько саженей!... а Козелъ Бѣлую погоняетъ и погоняетъ!..

«Стій!» крикнулъ я, сколько было у менякрику въ груди, и, во мгновеніе ока, выпрыгнулъ изъ саней на ледъ...

Козелъ и себѣ глянулъ впередъ—и слезы его исчезли!... Да, это фактъ! въ одно мгновеніе слезы исчезли, когда онъ увидѣлъ, что у Бѣлой предъ самымъ носомъ!... глаза его были сухи какъ-будто ему сегодня мой отецъ не подносилъ ни одной чашки, какъ-будто онъ ни одного разу не сказалъ мнѣ: *«багатому чортъ діти колише»* а если все это и случилось съ Козломъ, то какъ-будто онъ спалъ послѣ того три дня и три ночи, и всталъ настолько съ свѣжею головою, насколько могла помѣщать подъ собой свѣжести его высоко-подбритая чуприна!..

И какими умницами всѣ мы оказались въ эту критическую минуту!.. и Козелъ, который послушавшись меня—тихонько полѣзъ вдоль саней и, спустившись чрезъ ихъ спинку на ледъ, прицѣпилъ къ нимъ возжи, мною отстегнутыя у Бѣлой... и началъ тянуть сани назадъ, (впрочемъ, для большей вразумительности, я-таки долженъ былъ поддѣлываться подъ его смыслъ и сказать ему поговорку: *(послухай мене, дурня, то будешъ розумнимъ)*; и Бѣлая, которая вся какъ листъ дрожала, втягивая въ себя воздухъ, чтобы быть легче, и не проломиться на льду, промытомъ водою до-того, что фонтаны прыскали сквозь дыры, когда даже я ступалъ по льду;—поумнѣлъ и я, слѣдуя примѣру Бѣлой, и не позволяя Козлу приближаться къ ней, чтобъ подать ее назадъ, а сдѣлалъ это самъ... Страхъ погибели умудряетъ и скотовъ безсловесныхъ и дѣтей несмысленныхъ!...

Когда мы были внѣ опасности, и когда нѣсколько прошло во мнѣ—

(не знаю какъ назвать состояніе, въ которое впадаютъ извѣстнаго сорта натуры во время большихъ опасностей?.. назовемъ его, пожалуй—экзальтированнымъ состояніемъ!)—когда прошло во мнѣ такое экзальтированое состояніе, я бросился къ Бѣлой, и охвативъ ея морду обѣими руками, началъ горячо цѣловать ее и въ носъ и въ губы и въ подбородокъ:—Білочко моя, утонько моя!.. якъ вернесся, скажи нені, щобъ сама вона тебе нагодувала!... А Козелъ только: — *якъ Божа воля, то вúрнишъ зъ моря!...*

Перебравшись на другую сторону рѣки, Козелъ рѣшилъ ни за что́ больше къ ней не приближаться, а держаться степи,—и пустилъ Бѣлую... И Бѣлая полетѣла и полетѣла снова!.. И долго, почти до полуночи, она летѣла... а я, и на обратномъ пути въ городъ, ночевалъ въ чужомъ уѣздѣ.

М. Номисъ.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

I.

.... Меня вывезли изъ Малороссіи девятилѣтнимъ мальчикомъ,—и съ тѣхъ поръ,—цѣлыя 12 лѣтъ я не заглядывалъ на родину. Звуки роднаго языка изрѣдка, — но поистинѣ — ласкали мой слухъ, когда пріѣзжали ко мнѣ, на праздники, родные: тогда сердце мое билось радостно, на душѣ становилось легко, всѣмъ существомъ моимъ овладѣвали чрезвычайно–нѣжныя ощущенія. и мнѣ отрадно было сознавать—кто́ я, откуда,—не затеряться посреди иной народности.

По цѣлымъ часамъ слушалъ я разсказы стараго слуги, обыкновенно пріѣзжавшаго съ матушкою. Трудно было доброму старику отдѣлаться отъ безконечныхъ распросовъ, которыми я засыпалъ его съ перваго дня свиданія. Много сказокъ, много преданій о старинѣ, о козакахъ и запорожцахъ, слышалъ я отъ него; въ минуты хорошаго расположенія, мнѣ удавалось упросить старика и спѣть что́-нибудь. Зналъ онъ много пѣсенъ, очень много.... Но никогда я не слыхалъ отъ него ни одного веселаго мотива: пѣлъ ли онъ про стародавнее время, была ли пѣсня сложена уже въ его время—всѣ онѣ были грустны-грустны; не разъ плакалъ я отъ однихъ звуковъ, почти не понимая содержанія, не понимая потому, что старикъ пѣлъ почти сквозь зубы, невнятно, тихимъ голосомъ, точно боялся дать волю голосу и языку.... Я тогда не понималъ причины этой сдержанности; а когда добрался до ея причины и смысла—добрый *Ондрій* отказывался уже пѣть. Потрясенный до глубины сердца какимъ–нибудь тоскливымъ напѣвомъ, я спрашивалъ у него, почему онъ не запоетъ веселыхъ пѣсенъ... онъ обыкновенно отвѣчалъ: *не знаю*.

Иногда пѣла и матушка, но я не такъ любилъ слушать ея пѣнье, какъ Ондріево. Хотя голосъ у матушки былъ лучше, и мотивы также грустны, но замѣтно было, что она пѣла ихъ такъ потому только, что заучила отъ другихъ, и что не знаетъ иныхъ пѣсенъ. Совсѣмъ не то впечатлѣніе производило пѣніе Ондрія: онъ пѣлъ будто не подозрѣвая, что такъ всѣ поютъ, и кажется, еслибъ онъ и не никогда слыхалъ тѣхъ пѣсенъ—все-таки запѣлъ бы ихъ тѣмъ же тихимъ, унылымъ, но страстнымъ, прочувствованнымъ напѣвомъ, словно душа его пѣла. И вотъ отчего, теперь, когда Ондрій давно умеръ, я не иначе представляю его себѣ, какъ сидящаго на сундучкѣ, на скамеечкѣ, вообще на чемъ-нибудь очень низенькомъ, упершаго локтями въ колѣни, съ глазами, устремленными почти безсознательно на одну точку, и въ полголоса мурлыкающаго что-то невыразимо-грустное. Вспоминая Ондрія, я совершенно ясно сознаю причину грусти, которой печать лежитъ на всѣхъ народныхъ украинскихъ пѣсняхъ; я понимаю, почему, всякій разъ, соглашаясь пѣть мнѣ—*паничу́*, онъ пѣлъ, какъ бы не-хотя, словно поневолѣ; понимаю, почему въ голосѣ у него не было всей силы, свободы, точно изъ груди его неслось подавленное, будто сдержанное страхомъ, рыданіе; понимаю, отчего онъ говорилъ, что не знаетъ веселыхъ пѣсенъ, и говорилъ это такъ, будто не долженъ былъ ихъ знать... Дѣйствительно, страшно было бы въ его положеніи, и неестественно, запѣть что-нибудь веселое: чистый душой и сердцемъ, Ондрій ни съ кѣмъ не могъ лукавить, и меньше всего съ самимъ-собою. Безъ свободы, безъ искры надежды на нее, онъ могъ только мечтать о вольномъ былomъ, котораго ему не пришлость испытать, да скорбѣть о настоящемъ, всю тяжесть и безвыходность котораго онъ извѣдалъ вполнѣ.

Такъ, подъ свѣжимъ, нѣжно-грустнымъ впечатлѣніемъ, навѣяннымъ на меня ласками горячо-любившей меня матери и печальными напѣвами Ондрія, разставался я съ ними, когда приходило время уѣзжать имъ домой. Грустный, возвращался я въ школу, гдѣ долго въ ушахъ моихъ звенѣли родные звуки и напѣвы. Съ неописаннымъ восторгомъ мечталъ я о счастливомъ времени, когда, наконецъ, я перестану учиться и уѣду на родину, въ Малороссію. Представленіе дѣйствительности, посреди которой я жилъ до 9 лѣтъ, мало-по-малу слабѣло, тускнѣло, вытѣсняемое воображаемымъ міромъ, который составился у меня въ головѣ по разсказамъ Ондрія о давнопрошедшемъ;

наконецъ, дѣйствительность почти исчезла, уступивъ мѣсто чему-то фантастическому, чудесному. Часто, помню, не могъ я заснуть по цѣлымъ ночамъ, когда фантазія рисовала въ воображеніи моемъ дивные образы, подъ какими представлялся мнѣ украинскій народъ—чуть не весь на коняхъ въ блестящей сбруѣ, разодѣтый въ яркіе, расшитые золотомъ и серебромъ, кунтуши и кармазинные шаравары, гремящій кривыми саблями, съ длинными усами и чубами, развѣваемыми вѣтромъ и, какъ волна за волной, шумной и стройной толпой несущійся туда, впередъ, куда-то далеко-далеко... Сердце мое билось сильно и скоро; я задыхался, дрожалъ отъ удовольствія, и съ неописаннымъ восторгомъ сознавалъ, что я — Украинецъ, и ни на что въ мірѣ не промѣнялъ бы этого горделиваго сознанія....

Когда же, во время такого восторженнаго настроенія, невзначай представлялся мнѣ образъ Ондрія, повѣствующаго о всѣхъ этихъ чудесахъ и одѣтаго, въ то же время, въ длиннополый табачнаго цвѣта сюртукъ и бѣлый жилетъ,—что́ естественно разрушало мои представленія о живописныхъ нарядахъ козацкихъ,—мнѣ было досадно и никакъ не хотѣлось разстаться съ дорогими мечтами... Но волей-неволей я обращался тогда къ собственнымъ воспоминаніямъ моего ранняго дѣтства и—увы!—вмѣсто бархатныхъ и шелковыхъ кунтушей, широчайшихъ шараваръ и закрученныхъ за ухо чубовъ, мнѣ очень ясно представлялись видѣнныя мною туловища во фракахъ и сюртукахъ, узкихъ панталонахъ со штрипками, лица безъ усовъ, съ коротко-подстриженными и гладко-прилизанными волосами, или народъ, одѣтый, большею частью, бѣдно, въ сѣрыя и коричневыя *свиты*, нерѣдко заплатанныя вставками совершенно другаго цвѣта. И, Боже! какъ больно, какъ тяжело становилось мнѣ тогда! точно самое близкое существо умирало на моихъ глазахъ; слезы грусти и стыда душили меня; я гналъ отъ себя эти образы, закрывалъ глаза и плотнѣе прижимался къ подушкамъ, стараясь поскорѣе забыться. И дѣтская голова моя, утомленная продолжительнымъ напряженіемъ, снова наполнялась какими-то небывалыми призраками, и я засыпалъ гдѣ-нибудь въ степи, между козаками варящими кашу и играющими въ кости...

Между-тѣмъ, дѣтство, мало-по-малу, проходило; дѣтскія впечатлѣнія и представленія, на-половину фантастическія, незамѣтнымъ образомъ уступали мѣсто окружавшей дѣйствительности. И какъ ни тяжело, а нужно было, однако, разстаться съ дорогими образа-

ми, составлявшими цѣлый міръ, въ который я такъ любилъ убѣгать на досугѣ. Я, наконецъ, долженъ былъ сознаться въ невозможности существованія, въ 500 верстахъ, народа, вѣчно-гуляющаго, шумящаго, посвящающаго всю жизнь войнѣ съ бусурманами за вѣру и свободу. Изъ книгъ я узналъ, что свобода утрачена давнымъ-давно, что воинственные и хищные когда-то татары обратились въ мирныхъ хозяевъ — торговцевъ, привозившихъ виноградъ и въ тотъ городъ, гдѣ я учился; что вѣра, которую исповѣдывалъ народъ украинскій, была господствующею въ государствѣ, и, слѣдовательно, никакимъ гоненіямъ не подвергалась. Изъ книгъ же и изъ разсказовъ очевидцевъ узналъ я, что и Малороссія, какъ и вся Россія, раздѣлена на губерніи и уѣзды, что соотчичи мои характера крайне-миролюбиваго, порядочно лѣнивы, съ чѣмъ я, между прочимъ, вполнѣ соглашался, обращаясь къ самосозерцанію, народъ угрюмый, сосредоточенный въ себѣ и—страстный любитель *горілки*. Узналъ я также, что хотя Малороссія и имѣетъ свой языкъ, весьма отличный отъ языка великорускаго, но что на немъ говоритъ только простой народъ—*мужики*, а доблестное дворянство наше чуждается его какъ чего-то неприличнаго и недостойнаго, и если понимаетъ его, то потому только, что крестьяне иного языка не знаютъ, а ихъ нужно же заставлять работать и получать съ нихъ какъ можно больше дохода. Всѣ эти свѣдѣнія наводили на меня раздумье. Сталъ я опять припоминать, перебирать въ головѣ все, что̀ тамъ удержалось изъ собственныхъ воспоминаній, изъ разсказовъ и пѣсенъ Ондрія и матери, сталъ сводить да сравнивать съ тѣмъ, что̀ читалъ и слышалъ теперь, и долго не зналъ—кому и чему вѣрить. Въ ту пору, прочелъ я разсказы Квитки, которые чуть было, снова, не утвердили меня въ сознаніи, что родина моя—страна, по-преимуществу, прекраснаго и чудеснаго... Словомъ, это было время мучительныхъ сомнѣній, которыя я пытался разрѣшить со всѣмъ пыломъ первой молодости, и чуть ли не въ эти минуты сама-собою возникла въ моей головѣ мысль, что украинскій народъ — не одинъ, а два въ одномъ, или — два изъ одного; мнѣ представился онъ въ какомъ-то раздѣльномъ видѣ, и тутъ же невольно вспомнились мнѣ мысли, которыя намъ задавали учителя выучивать: «всякое царство раздѣлившееся на ся — погибнетъ», «раздѣляй и — повелѣвай», и т. д. Въ хаосъ моей головы начиналъ проникать лучъ свѣта....

Наконецъ, мое ученіе кончилось; я былъ свободенъ, и черезъ нѣсколько времени долженъ былъ увидѣть Малороссію. Я не умѣю вы-

разить того чувства, которое испыталъ при видѣ тройки, на которой долженъ былъ выѣхать изъ чужаго города, гдѣ прожилъ почти 13 лѣтъ. Это было такое чувство, какого я никогда потомъ не испытывалъ, и сравненія которому рѣшительно не могу прибрать. Я вскочилъ въ телѣгу, зажмурилъ глаза, крикнулъ: пошелъ! и полетѣлъ куда-то, чуть не въ седьмое небо....

Въ первые сутки ѣзды, мнѣ попадались по дорóгѣ бороды, почти всѣ рыжія, безконечные обозы на тройкахъ, бѣдныя деревушки съ курными избами—немазанными, закопченными дымомъ, бѣдными, грязными; красныя рубахи поверху штановъ, безобразные, перетягивающіе грудь, сарафаны такъ и рябили. Это была еще Великая Россія: мнѣ не то было нужно. Я торопилъ ямщиковъ, насвистывалъ и напѣвалъ какіе-то мотивы, желая во что́ бы то ни стало, чтобы то были малорусскіе, чуть ли не на каждой верстѣ спрашивалъ, далеко ли еще до родной губерніи?, былъ, однимъ-словомъ, въ самомъ невыносимомъ состояніи; въ это время, кажется, вѣрнѣе всего можно было бы меня сравнить съ игрокомъ, который горячится при проигрышѣ. Нечего и говорить о томъ, что дорогой я почти не ѣлъ, боясь, малѣйшими остановкáми, отдалить, хоть на нѣсколько минутъ, мигъ свиданія съ родиной.

И вотъ, на второй день, передъ вечеромъ, я наткнулся на обозъ, —но на какой! на обозъ чумаковъ—на чумацкую *вáлку*! Въ два ряда вытянулось возовъ 60; выпряженные волы паслись всторонѣ, а у дороги, между возами, пылалъ огонь; надъ огнемъ стоялъ *треножокъ*, съ висящимъ котломъ, и вокругъ огня, человѣкъ 20 чумаковъ, загорѣлыхъ, запыленныхъ, въ вымазанныхъ дегтемъ рубашкахъ, сидя и лежа на животѣ, варили кашу. Огонь, отъ пылавшаго костра, причудливо извиваясь краснымъ пламенемъ, бросалъ пріятный отсвѣтъ на сидѣвшихъ вокругъ него чумаковъ, когда, вспыхивая широко, разомъ освѣщалъ и возы и смуглыя суровыя лица чумаковъ и пасшихся круторогихъ воловъ. Эффектъ былъ полнѣйшій, восторгъ мой—неописаный. Я велѣлъ ямщику остановиться, слѣзъ съ телѣги, подошелъ къ чумакамъ, поклонился имъ, по всей вѣроятности, очень ловко, хотѣлъ сказать имъ какое-нибудь привѣтствіе на родномъ языкѣ, но—растерялся и едва могъ попросить огня—по-великорусски...

Одинъ изъ сидѣвшихъ, концомъ кнутовища, отбросивъ къ сторонѣ горящій уголекъ, произнесъ: *óсь-де*, и снова повернулся къ огню.

Все еще не успѣвъ прійти въ себя отъ волненія, я пробормоталъ что-то, сѣлъ въ телѣгу и поѣхалъ дальше. Мнѣ стало отчего-то грустно. Бросившись къ чумакамъ съ такимъ жаромъ, я ждалъ, вѣроятно, и отъ нихъ сочувствія, но они только флегматически посмотрѣли на меня, подвинувъ немного шапки на затылокъ, помогли закурить папиросу.... и только. Конечно, мнѣ нечего было больше и ждать, но тогда это соображеніе не пришло мнѣ въ голову. Я завернулся въ шинель, и задумался. Но новый характеръ картины, разстилавшейся передо мной, — большое село, (*неначе писанка–село*! *)

(*) Т. Гр. Шевченко.

въ которое мы скоро въѣхали,—множество дѣтей, бѣгавшихъ по улицѣ съ страшнымъ шумомъ, — кучки молодыхъ дівчатъ и парубковъ, стадо овецъ, поднявшее освѣщенную солнцемъ пыль, — пѣсня, несшаяся съ другаго конца села,—мычанье коровъ,—свѣжесть вечера, послѣ знойнаго дня,—скрипъ журавля–колодца — снова развеселили меня. Еще двое сутокъ пути, два–три уѣздныхъ города, десятка два многолюдныхъ селъ, наконецъ — верстъ пятнадцать степи — и я — дома!

II.

Дóма я не засталъ никого: матушка уѣхала куда-то на богомолье, не ожидая меня такъ-скоро, и, нѣсколько дней, мнѣ предстояло провести въ полномъ одиночествѣ, между людьми, которыхъ я не помнилъ, и которые и меня не узнали. Ондрія, неразлучнаго спутника матушки въ ея поѣздкахъ, также не было. Первый день я посвятилъ отдохновенію послѣ долгаго пути, а вечеромъ поджидалъ матушку. Но на другой день меня проняла скука. Я попалъ въ самое неожиданное положеніе: быть совершенно одному, между людей неизвѣстныхъ. Нѣсколько разъ я пытался поговорить съ жившею въ домѣ прислугою, но отчего–то робѣлъ, путался, говорилъ вздоръ, и кончилъ тѣмъ, что просилъ или кусокъ хлѣба для собаки, или стаканъ воды для себя. Позовешь, бывало, по имени,—человѣкъ выскочитъ изъ прихожей, вытянется въ струнку, и тѣмъ окончательно смутитъ; хочешь одно спросить, а скажешь совсѣмъ другое. Особенно пугало меня раболѣпіе, проявлявшееся при встрѣчѣ со мной дворовыхъ людей. Только высунусь изъ дома,—все начинаетъ снимать шапки, клапяться очень низко;—сконфузятъ меня,—я поклонюсь нáскоро и спрячусь по-

скорѣе куда-нибудь. Я и успѣлъ только сказать нѣсколько словъ съ матушкиной домоправительницей, женщиной лѣтъ 70; но это была такая уморительная и слезливая старушка, что ядолго не могъ привыкнуть—говорить съ нею и не разсмѣяться.

Попробовалъ поговорить съ садовникомъ, но онъ оказался страшно-глупымъ человѣкомъ, все ухмылялся и не позволялъ мнѣ ходить по газону. Когда же я хотѣлъ полакомиться вишнями, то онъ рѣшительно воспротивился этому, и совѣтовалъ мнѣ обратиться прежде къ экономкѣ, безъ дозволенія которой онъ никому не позволялъ касаться къ ягодамъ.

Находившись вдоволь и проголодавшись, я воротился въ домъ, располагая обѣдать, какъ послышался звонъ колокольчика и бубенчиковъ. Заглянувши въ окно, я увидѣлъ подскакавшій къ крыльцу легенькій тарантасикъ, запряженный тройкою *вятокъ*, обвѣшенною бляхами и лентами. Почти въ ту же минуту, вошелъ въ комнату господинъ, такъ-что я не могъ не удивиться быстротѣ, съ какою онъ успѣлъ выскочить изъ тарантаса и очутиться у меня въ комнатѣ.

— Григорóвичъ Иванъ Константиновичъ—сосѣди,—версты три не больше,—вонъ тамъ за лѣсомъ; если стать на крышу, такъ и видно,»—говоритъ вошедшій, подавая мнѣ руку.

Это былъ еще очень молодой человѣкъ, лѣтъ, этакъ, 23, брюнетъ, очень красивой наружности; курчавые волосы на головѣ его были взбиты, что́ очень шло къ его смуглому лицу. Одѣтъ онъ былъ очень странно, чтобъ не сказать смѣшно. На немъ были широчайшіе запорожскіе шаравары, красная русская рубаха поверхъ ихъ, подвязанная шелковымъ снуркомъ, а сверхъ всего что-то крайне неопредѣленное, не то куртка, не то короткій сюртукъ темнозеленаго бархата. Движенія его были быстры, рѣзки, но казались какими-то неоконченными.

— Вы, кажется, недавно изволили пріѣхать? — спросилъ Григоровичъ.

Я отвѣчалъ.

— Позволите?—продолжалъ онъ, вытащивъ изъ кармана своихъ шароваръ коротенькую голландскую трубочку изъ бѣлой глины и кисетъ.

Я попросилъ не стѣсняться. Набивши и закуривши трубочку, Иванъ Константиновичъ, со всего размаху, бросился на диванъ, но тутъ же опять вскочилъ на ноги.

— Не хотите ли сигару?—спросилъ онъ, вынувъ изъ другаго кармана серебряный портъ-сигаръ.

Я отказался.

— А съ собой я вожу́,—продолжалъ онъ. Многіе любятъ. Я самъ ихъ не курю—не люблю, душатъ. Турецкій лучше. Если у васъ выйдетъ, такъ я вамъ пришлю; мнѣ доставляетъ Янкель прямо изъ Бухареста.

Съ этими словами мой гость опять обрушился на диванъ.

— А скажите, пожалуйста, у васъ есть лягавая?—совершенно неожиданно спросилъ Иванъ Константиновичъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я.

— А у меня вчера сука ощенилась пятью. Двухъ велѣлъ утопить, а троихъ оставилъ. Какъ подростутъ, я вамъ пришлю пару.

Я поблагодарилъ, объясняя, что я вовсе не охотникъ.

— Ничего! я пришлю. Вчера мы, знаете, затравили 12 штукъ зайцевъ и лисицу. Доскачъ Панченка ногу сломалъ.

Я изъявилъ сожалѣніе.

— Ничего,—продолжалъ невозмутимый Григоро́вичъ:—онъ у меня на прошлой недѣлѣ выигралъ трехъ борзыхъ. Три раза, бестія, банкъ сорвалъ.

Трубочка между тѣмъ докурилась. Иванъ Константиновичъ вычистилъ ее и спряталъ въ карманъ. Потомъ, съ такою же быстротою, какъ сѣлъ, онъ снова вскочилъ съ дива́на, и началъ прощаться. Я, для перваго знакомства, не счелъ нужнымъ удержать его. Выскочивъ на крыльцо, онъ во всю глотку крикнулъ: *дава́й, Юрко́*! Тарантасъ съ звономъ подъѣхалъ, подхватилъ Ивана Константиновича и помчался.

Особенно поразило меня въ моемъ знакомомъ то, что физіономія его не принимала никакого участія въ разговорѣ: она оставалась все время неизмѣнною и спокойною. Слова вылетали изъ устъ Ивана Константиновича, какъ птицы изъ кустовъ, совершенно неожиданно, и также неожиданно перебѣгали отъ одного предмета къ другому. Пока я размышлялъ объ этомъ, послышался опять колокольчикъ и бубенчики. Не успѣлъ я оглянуться, какъ передо мной уже стоялъ Григоровичъ, и говорилъ тѣмъ же ровнымъ голосомъ:

— А я забылъ: завтра... или нѣтъ,—въ субботу, судья—имянинникъ. Пріѣзжайте. Будетъ и столъ и банкъ, музыка тоже будетъ.

Я хотѣлъ что-то сказать, какъ онъ опять перебилъ меня.

— А арбузы у васъ есть?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я.

— У меня есть. Я вамъ пришлю... На ярмарку въ Кролевецъ поѣдете?

Я совсѣмъ не зналъ, что́ на это отвѣчать. Вѣроятнѣе всего было, что не поѣду, но я отвѣчалъ «можетъ-быть».

— Хорошо,—говорилъ Иванъ Константиновичъ.—А знаете: прошлую зиму здѣсь были актеры, играли.

Я изъявилъ удивленіе, что въ такой маленькій городокъ заѣхали актеры.

— Какъ же!—были, продолжалъ Григоровичъ.—Вы винъ еще не покупали здѣсь?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я.

— У Костюка извольте брать: прямо изъ Риги получаетъ. Впрочемъ, до свиданья!

И Иванъ Константиновичъ исчезъ съ прежнею быстротою, и на этотъ разъ уже не возвращался.

Когда жаръ спалъ, я опять пошелъ ходить, чтобъ познакомиться съ мѣстностью. Хуторокъ нашъ былъ расположенъ хотя не живописно, но выглядывалъ очень гостепріимно и пріятно. Прежде всего я скажу, что хуторъ назывался *Гарнымъ*. На большомъ дворѣ стоялъ небольшой домикъ, старый, низкій, подъ соломенной крышей, налѣво — флигель, направо — разныя службы. За домомъ расположенъ огромный фруктовый садъ, въ концѣ котораго помѣщается гумно. За садомъ, ни чѣмъ отъ него не отдѣляясь, тянется прекрасная роща, изрѣзанная множествомъ узенькихъ дорожекъ, чрезвычайно хитро переплетенныхъ между собою, что, по-моему, дѣлаетъ большую честь искуству того, кто этимъ занимался. Въ одномъ углу рощи помѣщается пасѣка пней въ 500, и при ней омшинникъ. Далѣе идетъ густой лѣсъ, принадлежащій уже другому владѣльцу. Передъ домомъ открытое, со всѣхъ сторонъ, поле, по которому бѣжитъ, извиваясь змѣйкой, дорога въ городъ. Влѣво, на горизонтѣ виднѣется нѣсколько селеній, теряющихся въ синевѣ дали. Изъ двора идетъ улица, образуемая десятками двумя избъ, параллельно построенныхъ и, поворачивая, подъ прямымъ угломъ, налѣво, превращается въ дорогу, ведущую въ сосѣдніе хутора.

Обошедши садъ, гдѣ, по распоряженію экономки, мнѣ было уже дозволено пользоваться ягодами, и рощу, я выбрался на небольшой лугъ,

покрытый сочною, густою травою. За рѣкой, на противоположномъ берегу косари косили траву. Это зрѣлище, совершенно для меня, новое доставило мнѣ большое удовольствіе, и я каждый день ходилъ любоваться этой картиной. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было безъ наслажденія смотрѣть, какъ, человѣкъ 40, въ рядъ, подъ предводительствомъ отамана, мѣрно взмахивали косами, на которыхъ разсыпались лучи догаравшаго солнца. Какой-то особенный, пріятный звукъ издаетъ трава, падая отъ взмаха острой стали, точно прощается съ жизнью. Послѣ, часто, любилъ я, улегшись неподалеку отъ косарей, вслушиваться, закрывъ глаза, въ эту своеобразную, впослѣдствіи времени музыку. Но ни что не имѣло для меня такой прелести, какъ косовица въ степи, гдѣ, на пространствѣ почти такомъ, сколько хватитъ глазъ, ни деревца, ни хуторка,—одна высокая золотистая трава, изъ которой мѣстами проскакиваютъ пушистыя метелочки ковыля. Забьешься, бывало, въ эту траву съ разсвѣта, и пролежишь до вечера любуясь степью, косорями и косовицей.

Едва начнетъ показываться солнце, косари приготовляются къ работѣ. По командѣ отамана, которымъ бываетъ лучшій косарь и который обыкновенно идетъ впереди и ведетъ *ручку*, всѣ начинаютъ оттягивать косы. Не слышавши, нельзя вообразить той музыки, какую разливаютъ удары 50—60 молотковъ о звонкую сталь косъ, въ безпредѣльной степи, гдѣ звонъ этотъ не встрѣчаясь на своемъ пути ни съ чѣмъ, что́бы отразило его, долго несется, постепенно слабѣя, и замираетъ наконецъ въ чистомъ воздухѣ. Потомъ, мѣрно, взмахъ за взмахомъ, косы взлетаютъ и падаютъ, оставляя за собою параллельные покосы. Шабашъ! скажетъ отаманъ; косари идутъ *спідать*, а потомъ снова за косы уже безъ шапокъ, и т. д. до вечера.

Жаръ стоитъ такой, что́ страхъ! земля трескается... ничего!.. косы звѣнятъ, и пѣсню кто-нибудь затянетъ, лежишъ да слушаешъ — не наслушаешься! Приподымешься, оглянешься: тѣнь какая-то бѣжитъ по степи; посмотришь вверхъ—орелъ летитъ, а не то коршунъ вытянется, распластается въ воздухѣ и стоитъ недвижно, шевеля только концами крыльевъ. Прелесть! Или бойкій кобчикъ, завидѣвши добычу, стрѣлой летитъ въ вышинѣ... вдругъ кинется къ землѣ, издастъ пронзительный крикъ, и снова, какъ пуля, взовьется подъ небо, перевернется, остановится, задрожитъ—и пропалъ! А косы звѣнятъ, трава плачетъ, пойдетъ *мара* по степи, неугомонный жаворонокъ, этотъ воздушный колокольчикъ, то уходитъ въ высоту, то пропа-

даетъ въ травѣ. Стихаетъ жаръ, косари принимаются за ужинъ;—настаетъ такая тишина, что уху больно; небо поблѣднѣетъ, на окраинахъ его покажутся розовыя полоски, едва замѣтная сырость пощекочетъ въ носу,—съ юга, что-ли, потянетъ легенькій вѣтерокъ, обдастъ ароматомъ отъ скошенной травы; вскочишь на ноги, оглянешься, посмотришь, прищурясь, вдаль, въ синюю глубь безконечнаго пространства, потянешь въ себя этотъ чудный воздухъ, вздохнешь полною грудью, сядешь на коня, который тутъ же, спутанный, ѣлъ траву, и тихо, тихо поѣдешь къ жилью. Совершенно довольный полнымъ ощущеніемъ жизни, съ пріятною истомою ѣдешь, забывая все на свѣтѣ. Какое бы горе ни давило человѣка, на это время, все, кажется, можно забыть: всѣ желанія замолкнутъ, ничто не встревожитъ сердца,—и самое неугомонное затихнетъ послѣ такихъ ощущеній. Да! дивно необыкновенно успокоительно дѣйствуютъ степи! Мнѣ стало понятно то вдохновеніе, которымъ наполнялись души козаковъ, когда они носились по неизмѣримымъ степямъ. Неудивительно, что Запорожцы, для своего *товари́щества*, отказывались отъ всѣхъ благъ, предлагаемыхъ домовитою жизнью. Хороша спокойная, семейная жизнь, съ ея тихими радостями и печалями; хороша жена и сестра, еще лучше невѣста и любовница; все это хорошо,—но степи—рай земной!.. Но я ужъ залетѣлъ съ Запорожцами въ рай: возвратимся еще въ *Гарный* хуторъ...

Выйдя на дорогу, что́ вела въ городъ, я своротилъ влѣво, къ пруду. Небольшой этотъ прудъ мнѣ очень нравился. Правильный кругъ его, съ покатыми зелеными берегами, обсаженный березами и липами, имѣлъ чрезвычайно заманчивую наружность: такъ и хотѣлось войти туда, и полежать на бархатистой травкѣ, въ тѣни старыхъ деревъ. Я такъ и сдѣлалъ: улегся, да и сталъ смотрѣть въ воду, въ которой отражалось небо, деревья и моя физіономія. Изрѣдка бросалъ я маленькіе камешки на воду... Кругомъ все было тихо; только, по-временамъ, долеталъ до меня крикъ дѣтей съ хутора, да глупая лягушка отзовется и сдѣлаетъ прыжокъ на водѣ. Солнце начинало садиться, вытягивая свои лучи какъ можно далѣе, и часть пруда усѣялась мелкими полосками блѣдно-алаго цвѣта, а верхушки липъ и березъ слегка позолотились. Легкій вѣтерокъ перебѣжалъ по листьямъ, потянулъ мелкою рябью поверхность пруда, и пронесся дальше. Я всталъ, посмотрѣлъ на Гарный. Въ это время онъ представлялъ самую веселую картину. Маленькій домикъ между тополей,

стройныхъ и высокихъ; передъ нимъ зеленый дворъ съ домашнею птицею, роющеюся въ землѣ, кучки—двѣ дѣтей, сидящихъ и лежащихъ съ поднятыми вверхъ ногами; свернувшаяся клубкомъ большая сѣрая собака; дѣвушка, вытаскивающая изъ колодца воду,—все это, точно, замерло, не шевелилось. Съ востока, между-тѣмъ, будто нехотя, выплывалъ огромный красный мѣсяцъ, на смѣну солнца, успѣвшаго уже совсѣмъ спрятаться за сосѣднимъ лѣсомъ. Стало довольно свѣжо. Къ хутору подходила *череда*, возвращавшаяся съ пастьбы; нѣсколько женщинъ съ дойниками и бѣлыми полотенцами вышли къ ней навстрѣчу; пастухъ, въ изорванныхъ, по-обыкновенію, штанахъ, и свитѣ, въ огромномъ *бриль*, съ сумкою за плечами, лѣниво шелъ за коровами, подгоняя ихъ разными восклицаніями, изрѣдка помахивая длинною палкою, въ родѣ швейцарской булавы. Телята, почуявъ приближеніе своихъ родительницъ, разными голосами изъявляли самую непритворную радость, а въ отвѣтъ толстыя ихъ мамаши мычали неменѣе чистосердечно. Пока доили коровъ, луна поднялась уже аршина на три, стала изъ красной блѣдно-желтой, обѣщая скоро сбросить и эту одежду и остаться въ серебряной. Длинныя тѣни, самыми причудливыми фигурами, вытягивалась по землѣ; въ 30 шагахъ трудно уже было узнавать предметы, а вдали, подъ лѣсомъ, стало такъ черно, что́ страшно было и пойти туда. Маленькая дрожь охватила меня, и я пошолъ къ дому. Вдругъ, изъ-за кухни, голосовъ 20 мужскихъ и женскихъ хватили какую-то хоровую пѣсню. Я сталъ какъ вкопанный. Пѣсня была недлинна, а голоса были такіе звонкіе и пріятные, пѣнье такое согласное, что я готовъ былъ прійти въ отчаяніе, зачѣмъ такъ скоро они перестали пѣть. Но погодя немного, три голоса, мужской и два женскихъ-снова запѣли. Пѣсня эта уже не была веселая, какъ первая. Медленный жалобный напѣвъ ея напомнилъ мнѣ пѣніе Ондрія. Я подошелъ такъ близко, къ пѣвцамъ, какъ только было можно чтобъ оставаться невидимымъ, сѣлъ подъ дерево и заслушался. Сильный чистый теноръ, съ довольно хорошимъ контръ-альто, пѣли особенно хорошо. Казалось, будто два голоса вылетали изъ одной груди: такъ они спѣлись. Долго они пѣли; я весь погрузился въ слухъ такъ, что когда они перестали, я вздрогнулъ. Хоръ вытягивалъ: *гу-гу*... Эхо подхватило; понеслось окликомъ между деревьевъ, прозвенѣло во всѣхъ концахъ — и затихло. Все снова погрузилось въ тишину. Луна стояла уже очень высоко, серебряная, холодная; тысячи звѣздъ, мелкая, помогали

ей освѣщать успокоившуюся землю. Парубки и дивчата расходились; обрадовавшіяся наступленію ночи, лягушки затянули свою грустно-шутливую пѣсню...

Бувъ-кумъ
Пото-нувъ...
Нумо-плакать,
Нумъ-нумъ.

Ка—па.

1860 годъ.

(*Будетъ продолженіе.*)

МИНУ́ЛОСЯ.

Защебета́въ солове́йко
Въ садо́чку на ви́шні;
Хо́дить дівка по садо́чку —
Слу́ха ёго́ пісні.

И слу́хае и радіе,
И сама́ співа́е;
Ве́село ій дівова́ти,
Бо во́леньку мае:

Вільна слу́хать солове́йка,
До зіръ придивля́тись,
Кого́ се́рце забажа́е —
Съ тимъ и покоха́тись.

Закува́ла зозу́ленька
На вербі зеле́ній;
Ви́йшла съ ха́ти молоди́ця
Смутна́, не весе́ла.

«Заку́й мині, зозу́ленько,
Чи до́вго ще жи́ти?
Чи до́вго ще на сімъ світі
Вья́нути, тужи́ти?»

Накува́ла зозу́ленька
Літъ ду́же бага́то;
Запла́кала молодиця —
Смутна́ пійшла́ въ ха́ту...

Ви́йшла вона́ и за́ то́го,
Съ кимъ коли́сь коха́лась,
Съ кимъ слу́хала солове́йка,
До зіръ придивля́лась...

А тепе́ра не до зірокъ,
Не до солове́йка...
Пла́че, слу́ха якъ на вербі
Куе́ зозуленька...

Павлусь.

Боришполь.

ДУМКА.

Не та́къ мене́ пра́вда,
Якъ ду́мка зсуши́ла,
Що буцімъ дівчи́на
Мене́ розлюби́ла;
Забу́ла, якъ щи́ро
Зо мно́ю коха́лась;
Забу́ла, якъ щи́ро
Кляла́сь - присяга́лась.

Охъ, що́ жъ то за ду́мка,
Ревни́вая ду́мка!
Що все́ тамъ літа́е,
Де ми́ла вита́е!..
Літа́е и вьє́тця,
И во́рономъ кря́че,
И кру́шить и су́шить
Серде́нько коза́че...

Гей, ду́мко ти, ду́мко,
Ревни́вая ду́мко!
Лети́ жъ ти до не́і,
Дівчи́ни моє́і;
Скажи́ й прика́жи ій—
Неха́й ві́рно лю́бить;
Скажи́: якъ розлю́бить —
Дві душі́ загу́бить!..

В. Ал—овъ.

1861 року.
Чугуївъ.

ГЕТМАНСТВО ВЫГОВСКАГО.

(Продолженіе).

XI.

Между тѣмъ, произошло слѣдующее: 6 сентября (16 н. с.), подъ Гадячемъ, собрана была рада. Посреди очищеннаго мѣста (майда́на) сидѣли старшины, полковники, сотники, въ своихъ праздничныхъ нарядахъ, каждый съ своимъ знакомъ. Выговскій, съ булавою въ рукахъ, ввелъ въ собраніе польскихъ коммисаровъ — Бенёвскаго и Евлашевскаго.

»Войско Запорожское«, сказалъ Выговскій коммисарамъ, »изъявляетъ желаніе вѣчнаго мира и соединенія съ Рѣчью Посполитою, если только услышитъ отъ господъ коммиссаровъ милостивое слово его королевскаго величества.«

Коммисары поклонились. Бенёвскій началъ говорить:

»Высочайшее существо, по волѣ своей возвышающее и уничтожающее царства, укоренило въ сердцѣ каждаго изъ насъ врожденную любовь къотечеству, такъ-что, гдѣ бы кто ни скитался, а всегда хочется ему домой воротиться. Вотъ, я думаю, теперь такъ сдѣла́лось съ Запорожскимъ Войскомъ, когда оно именемъ своимъ и своего гетмана обратилось къ его величеству королю Іоанну Казимиру съ желаніемъ вѣрнаго подданства, и проситъ его покровительства себѣ и всему русскому народу. Это хорошо вы дѣлаете, паны-молодцы: дай Богъ, чтобъ изъ этого вышло счастье для общаго нашего отечества. Вотъ уже десять лѣтъ, какъ, словно двѣ матери за одного ребенка, спорятъ за Украину два народа: Поляки и Москали. Поляки называютъ ее своею собственностію, своимъ порожденіемъ и членомъ, а Москали, пользуясь вашею храбростію и вашимъ оружіемъ, хотятъ завладѣть чужимъ. Трудно намъ удержать одному кому-нибудь за собою одно нераздѣлимое тѣло; мы хотимъ разрубить или разодрать его пополамъ и присвоить себѣ по половинѣ: оттого гибнетъ край вашъ, пустѣютъ поля; сѣетъ Москаль ненависть между вами и нами на плодородныхъ поляхъ Украины, утучняетъ ихъ кровью христіанскою, а врагъ душъ человѣческихъ, чортъ проклятый, нарочно насъ къ тому подзадориваетъ для погибели нашей. ——— Истинно скажу вамъ,

паны-молодцы: божьею благодатію такъ сталось, что мы, сами себя ударивши въ грудь, познали грѣхи наши и отпустили другъ-другу наши вины. Самъ Богъ открылъ вамъ глаза натò, чтобъ сбросить ярмо неволи и возвратиться къ старинной свободѣ. Съ какою отеческою любовію, съ какою радостію найяснѣйшій король услышалъ о прибытіи вашихъ пословъ—этому и я былъ свидѣтель, и они сами тоже вамъ скажутъ. Теперь насъ присылаетъ къ вамъ цѣлая Рѣчь Посполитая,—проситъ она васъ, паны-молодцы, соединиться съ нами, чтобъ вмѣстѣ спасать отечество, вмѣстѣ славы добывать, вмѣстѣ миромъ утѣшаться. Вы теперь попробовали и польскаго и московскаго правленія, отвѣдали и свободы и неволи; говорили: не хороши Поляки; а теперь навѣрное скажете: Москаль еще хуже. Что̀ приманило народъ русскій подъ ярмо московское? Вѣра? Неправда: у васъ вѣра греческая, а у Москаля вѣра московская. Правду сказать, Москали такъ вѣрятъ, какъ царь имъ прикажетъ.(1) Четырехъ патріарховъ святые отцы установили, а царь сдѣлалъ пятаго и самъ надъ нимъ старшинствуетъ; чего соборы вселенскіе не смѣли сдѣлать. то̀ сдѣлалъ царь. Вы своихъ духовныхъ уважаете, а Москаль распоряжается какъ хочетъ духовнымъ управленіемъ: митрополитовъ отрѣшаетъ, какъ съ Никономъ недавно поступилъ; священниковъ и монаховъ въ неволю беретъ, какъ недавно поступилъ съ отцемъ Ипатіемъ; достояніе алтарей и храмовъ забираетъ на свои нужды. Это такъ поступаютъ въ духовныхъ дѣлахъ, а въ мірскихъ что̀ дѣлается? того подъ польскимъ владычествомъ вы и не слыхивали. Всѣ доходы съ Украины царь беретъ на себя; установили новыя пошлины, учредили кабаки, бѣдному козаку нельзя ужь водки, меда или пива вышить, а про вино ужь и не вспоминаютъ! Но до чего, паны молодцы, дошла московская жадность? Велятъ вамъ носить московскіе зипуны и обуваться въ московскіе лапти! Вотъ неслыханное тиранство! Чего послѣ этого ждать? Прежде вы сами старшинъ себѣ выбирали, а теперь Москаль вамъ даетъ кого хочетъ, а кто вамъ угоденъ, а ему не нравится того—прикажетъ извести. И теперь уже вы живете у нихъ въ презрѣніи: они васъ чуть за людей считаютъ, готовы у васъ языки отрѣзать, чтобъ вы не говорили, и глаза вамъ выколоть,

(1) *Нѣтъ необходимости распространяться въ опроверженіяхъ противъ фальшиваго взгляда, умышленно составленнаго, въ этой рѣчи Беневскаго, подъ вліяніемъ національной злобы. Въ-особенности, обвиненіе на Московское правительство относительно Церкви кажутся нелѣпыми. Историческое знаніе у насъ развито настолько, что всѣмъ, безъ-сомнѣнія, извѣстно какъ о единствѣ Греческой и Русской Церкви въ XVII вѣкѣ, такъ и о неизмѣнности ея древнихъ уставовъ и постановленій. Какъ можно было сказать, что цари установили патріаршество вопреки церковному порядку, когда оно было установлено согласіемъ другихъ Патріарховъ? Никона также судилъ не царь, а духовный соборъ.*

чтобъ не смотрѣли . . . да и держатъ васъ здѣсь только до тѣхъ поръ, поканасъ, Поляковъ, вашею же кровію, завоюютъ, а послѣ переселятъ васъ за Бѣлоозеро, а Украину заселятъ своими московскими холопами. Такъ вотъ, пока есть еще время, нечего медлить: спасайте себя; соединяйтесь съ нами; будемъ спасать общую отчизну! И возвратится къ намъ и зацвѣтетъ у насъ свобода; и будутъ красоваться храмы святынею, города богатыми рынками; и народъ украинскій заживетъ въ довольствѣ, спокойно, весело; будетъ земледѣлецъ ухаживать за своею нивою, пасичникъ за своими бортями, ремесленникъ за своимъ ремесломъ; убійства, грабежи, несправедливости будутъ наказываться безъ пощады. Никого не станутъ принуждать къ рабству: строгій законъ не допуститъ панамъ своевольствовать надъ подданными. У насъ теперь общее дѣло — мы васъ, а вы насъ отъ бѣды избавимъ; и Богъ будетъ съ нами, а чортъ шею сломитъ! Чего еще медлить? Отчизна взываетъ къ вамъ: я васъ родила, а не Москаль; я васъ вскормила, взлелѣяла—опомнитесь; будьте истинными дѣтьми моими, а не выродками!«

— »А що«, вскричалъ Выговскій: »чи сподоба́лась вамъ, пано́ве молодці, раці́я ёго́ ми́лости па́на комиса́ра?«

»Гара́здъ гово́рить!« закричали козаки(1).

Выговскій поклонился коммисарамъ и въ кудрявой рѣчи изъявилъ отъ имени всего Запорожскаго Войска благодарность за вниманіе короля.

Послѣ взаимныхъ комплиментовъ и обычныхъ церемоній, гетманъ отобралъ изъ каждаго полка коммиссаровъ для заключенія трактата съ польскими коммиссарами. Тогда были сочинены и написаны статьи, извѣстныя подъ названіемъ *Гадяцкихъ*. Онѣ касаются четырехъ предметовъ: государственнаго значенія Украины, внутренняго порядка, вѣры и просвѣщенія.

Украина — т. е. земли, заключавшія тогдашнія воеводства черниговское, кіевское и брацлавское (нынѣшнія губерніи: полтавскую, черниговскую, кіевскую, восточную часть волынской и южную половину подольской) — объявлялась вольною и независимою страною, соединенною съ Польшею подъ именемъ Великаго Княжества Русскаго, на правахъ Великаго Княжества Литовскаго, такъ что Рѣчь-Посполитая должна была образовать союзъ равныхъ между собою и одинаково свободныхъ республикъ — польской, литовской и русской, подъ управленіемъ короля, избраннаго тремя соединенными народами. Всѣ три народа должны были общими усиліями завладѣть берегами Чернаго моря и открыть по немъ свободную навигацію; всѣ три народа должны помогать другъ другу

(1) Annal. Polon. Clim. I, 311 — 316. Hist. pan. J. Kazim., I, 360 — 336.

въ войнахъ, не исключая войны съ Московіею, въ случаѣ, если царь московскій откажется воротить принадлежавшія Рѣчи-Посполитой земли. Въ случаѣ соединенія Московіи съ Польшею, договоръ о цѣлости Великаго Княжества Русскаго, со всѣмъ его устройствомъ, долженъ былъ сдѣлаться кореннымъ закономъ, и тогда Царство Московское вошло бы въ этотъ союзъ славянскихъ народовъ, какъ четвертое соединенное государство. Великое Княжество Русское отказывалось отъ всякаго особаго сношенія съ иностранными державами.

Внутри Великаго Княжества Русскаго все должно было носить видъ самобытнаго государства. Верховная законодательная власть должна истекать изъ національнаго собранія депутатовъ, избранныхъ жителями трехъ воеводствъ, вошедшихъ въ великое княжество русское; исполнительная должна находиться въ рукахъ гетмана, избраннаго пожизненно вольными голосами сословій и утвержденнаго королемъ. Гетманъ вмѣстѣ былъ верховнымъ сенаторомъ трехъ воеводствъ и гражданскимъ правителемъ великаго княжества русскаго. Великое княжество русское должно имѣть свой верховный трибуналъ, куда будутъ поступать для рѣшенія дѣлъ изъ низшихъ судебныхъ инстанцій и производиться на русскомъ языкѣ; свое государственное казначейство, куда единственно могли поступать всѣ доходы и поборы съ украинскаго народа и обращаться единственно на потребности великаго княжества русскаго; своихъ государственныхъ сановниковъ или министровъ, канцлеровъ, маршаловъ, подскарбіевъ (министровъ финансовъ) и другихъ, какіе окажутся нужными; свою монету и свое войско, которое должно будетъ состоять изъ тридцати тысячъ или болѣе (по усмотрѣнію) козаковъ и десяти тысячъ регулярнаго войска; какъ то, такъ и другое, должно состоять подъ командою русскаго гетмана, и никакое другое войско не могло быть вводимо въ княжество безъ дозволенія русскаго правительства, а еслибъ представилась для этого крайняя необходимость: то оно должно состоять подъ командой гетмана. Владѣльцы получали свои права не иначе какъ съ дозволенія гетмана. Въ договорѣ не было написано правильныхъ условій относительно правъ владѣльцевъ на тѣхъ, которые будутъ жить на ихъ земляхъ, кромѣ того что воспрещалось владѣльцамъ держать подлѣ себя надворныя команды. Въ числѣ статей относительно внутренняго порядка возникающаго великаго княжества замѣчательно то, что гетманъ во всякое время могъ представлять королю козаковъ для возведенія ихъ въ шляхетское достоинство, съ условіемъ, чтобъ изъ каждаго полка число кандидатовъ не превышало ста человѣкъ. Изъ этого видно, что

у составителей договора было намѣреніе возвысить все козацкое сословіе и уравнить его съ шляхетскимъ, но постепенно. Это возведеніе, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, могло коснуться со временъ и поспольства, ибо козаки пополнялись изъ посполитыхъ. По мѣрѣ того какъ козаки будутъ получать дворянское достоинство, на ихъ мѣста будутъ поступать въ козаки изъ посполитыхъ.

Относительно вѣры, положено было Унію, какъ вѣру произведшую раздоръ, совершенно уничтожить, не только въ краѣ, который входилъ въ новое государство, но и въ остальныхъ соединенныхъ республикахъ польской и литовской, такъ что въ Рѣчи-Посполитой должны быть двѣ господствующія вѣры: греко-каѳолическая и римско-католическая. Духовенство восточной вѣры оставалось съ правами своей юрисдикціи, имѣнія его были неприкосновенны; всѣ церкви, отобранныя католиками уніатами, возвращались православнымъ; повсюду дозволялось строить новые храмы, монастыри, духовныя школы и богадѣльни, прекращалось всякое стѣсненіе вѣроисповѣданія, и въ знакъ почести, митрополитъ и пять православныхъ епископовъ: луцкій, львовскій, перемышльскій, хелмскій и мстиславскій — должны были занять мѣста въ сенатѣ наравнѣ съ римскими епископами.

Составители договора не позабыли просвѣщенія. Положено было въ великомъ княжествѣ русскомъ завесть двѣ академіи съ университетскими правами: первая была кіевская коллегія, долженствовавшая сдѣлаться университетомъ; вторую слѣдовало основать въ другомъ мѣстѣ, какое признается удобнымъ. Профессора и студенты должны будутъ отрекаться отъ всякой ереси и не принадлежать къ протестантскимъ сектамъ — аріанской, лютеранской и калвинской. Кромѣ этихъ двухъ академій должны быть учреждены училища въ разныхъ мѣстахъ Великаго Княжества Русскаго, смотря по потребности, безъ ограниченія ихъ числомъ. Позволялось каждому, кому угодно, вездѣ заводить типографіи: объявлялось совершенно вольное книгопечатаніе, даже и относительно вѣры можно было писать всякія возраженія и мнѣнія безпрепятственно.

При составленіи договора уничтоженіе уніи было щекотливымъ вопросомъ. Въ тайной инструкціи, данной посламъ, поручалось имъ сколько возможно отстаивать унію и меньше давать силы православному побужденію противъ нея. Послы должны были обходить вопросъ объ уніи, указывать козакамъ, что это дѣло можетъ разсматриваться только на всеобщемъ съѣздѣ духовенства, и что этотъ съѣздъ непремѣнно состоится по волѣ короля и за ручательствомъ Рѣчи-Посполитой. Такъ-какъ вмѣ-

стѣ съ вопросомъ объ уніи связывалась отдача церковныхъ имѣній, то коммисарамъ въ тайной инструкціи предписывалось всѣми силами стараться не отдавать имѣній, перешедшихъ въ уніатскія руки, и только въ крайнемъ случаѣ позволялось согласиться на отдачу такихъ имѣній, которыя, по ясному праву, окажутся принадлежащими дизунитамъ; а коль скоро возникъ бы споръ о принадлежности имѣній уніатамъ либо дизунитамъ, тогда такія имѣнія должны оставаться въ рукахъ дѣйствительно владѣющихъ ими въ настоящее время. Коммисары должны были доказывать, что несправедливо будетъ, не выслушавъ голоса той стороны, которая уже пользуется имѣніями, отнимать у нея то, что́ она давно привыкла считать своимъ достояніемъ. Очевидно здѣсь скрывалась цѣль— никогда не отдавать требуемыхъ имѣній: сторонѣ, владѣющей такимъ имѣніемъ, стоило только подать просьбу въ судъ, дѣло затянется, и православная сторона, съ своимъ правомъ на возвратъ своего имѣнія, никогда бы его не получила въ самомъ дѣлѣ. Условіе—оставлять имѣнія въ рукахъ настоящихъ владѣльцевъ, если они станутъ защищать свое владѣніе судебнымъ порядкомъ, поворачивало весь вопросъ въ пользу уніатской стороны; это было даже высказано въ тайной инструкціи, такимъ выраженіемъ: проволочка времени можетъ помочь намъ. Коммисары никакъ не должны были соглашаться на совершенное уничтоженіе уніи; даже уступать православнымъ право признавать собственностью своей церкви духовныя имѣнія и отыскивать ихъ, коммисары могли не иначе, какъ съ условіемъ, что козаки отъ себя пошлютъ посольство къ папѣ и станутъ просить его содѣйствовать къ утвержденію всеобщаго религіознаго согласія въ Рѣчи-Посполитой. Послы должны были дѣйствовать какъ можно хитрѣе съ козаками (utendum est artificiis) (1). Но унія была такъ ненавистна, что едва коммисары заговорили объ этомъ предметѣ, тотчасъ увидали, что нѣтъ никакой возможности согласиться съ русскими, какъ пожертвовавъ уніею. И они взяли на свою отвѣтственность это важное дѣло.

При чтеніи договора на радѣ, вѣроятно собранной изъ немногихъ, ибо простые козаки по большей части не знали ничего о томъ, что́ происходило,—по извѣстію современника — поднялись возраженія и требованія чрезвычайно разнообразныя и до того запутанныя, что козаки сами не понимали, чего хотѣли, такъ, что одинъ и тотъ же предъявлялъ требованіе, а чрезъ нѣсколько минутъ измѣнялъ свое мнѣніе и требовалъ

(1) См. Gradus ad action. И. Публ. Библ., польск. рукоп. № 15.

противнаго. Только одно требованіе было ясно и упорно высказываемо: русскіе хотѣли расширить объемъ своего княжества и присоединить къ нему воеводства волынское, подольское, русское, бельзское (т. е, остальныя части нынѣшнихъ губерній волынской и подольской), и Червоную-Русь, — страны, гдѣ народъ говорилъ южнорусскимъ языкомъ и гдѣ правили прежде русскіе князья. Коммиссары спорили упорно; дѣло начало-было расходиться, но Выговскій и его приверженцы кое-какъ успокоили волненіе. По извѣстію современниковъ, всѣхъ болѣе оказалъ тогда вліянія Тетеря. Его простонародныя выходки, говоритъ современный писатель, болѣе подѣйствовали на козаковъ, чѣмъ философскіе аргументы другихъ (1).

»Эй!« кричалъ онъ весело: »*згодімося, панóве молодці, зъ Ляхáми — більшъ бýдемо мáти; покірливе телятко двѣ мáтері ссеть!*«

Старшины начали вторить этому замѣчанію, и толпа, указывая пальцами на Тетерю, закричала:

»*Оттóй всю прáвду сказáвъ! Згóда! згóда! згода!*«

Коммиссары, отпраздновавши мировую съ козаками — ѣдою и питьемъ, уѣхали къ королю съ радостною вѣстью объ успѣхѣ, обдаренные старшинами, и долго слышали они за собою пушечную пальбу, »возвѣщавшую, »говоритъ современникъ,« примиреніе съ Поляками, какъ еще недавно она возвѣщала о непримиримой къ нимъ ненависти.« Выговскій увѣрялъ козаковъ, что по этому договору всѣ они будутъ произведены въ шляхетство (дворянство) (2).

На возвратномъ пути послы встрѣтились съ Кикинымъ, который ѣхалъ на Лохвицу, чтобъ повернуть другимъ путемъ назадъ къ московской границѣ. Пословъ провожали Тетеря и эсаулъ Ковалевскій, недавно еще передъ Кикинымъ поносившій поступки гетмана, а теперь отправившійся вмѣстѣ съ Тетерею, котораго обвинялъ въ предательствѣ, посломъ къ польскому королю съ засвидѣтельствованіемъ ему покорности. Сошедшись съ однимъ шляхтичемъ, Москаль всѣми силами хотѣлъ допытаться, отъ кого и съ чѣмъ пріѣзжало посольство это, но шляхтичъ увѣрялъ его, что самъ онъ ничего не знаетъ.

---

(1) См. Гадячск. Ком., Ист. Малор. Марк. III. 159. 172.—Ann. Polon. Cl. II, 316-317.—Лѣт. малор.—Hist. ad exc. Vlad. IV, 419.—Лѣт. Велич. I, 335-337,—Hist. pan. Jan. Kaz. I, 361-365.—Кр. опис. о коз. мал. нар., 83-89.—Лѣт. пов. о Мал. Рос., II. 7. — Jerl. II, 17-30. Списки въ дѣлахъ Архива Иностр. Дѣлъ, и въ Архивѣ Синодскомъ.

(2) Ann. Pol. Cl., II, 317-318.—Hist. pan. Jan. Kaz., 365.—Wojna dom., ч. II, 273.

Выговскій двинулся къ границамъ, вошелъ въ московскіе предѣлы, сталъ подъ городомъ Каменнымъ и отправилъ къ воеводамъ требованіе, чтобъ ему выдали бунтовщиковъ, которые скрываются въ пограничныхъ московскихъ городахъ. У путивльскаго воеводы онъ домогался возвращенія своихъ враговъ, братьевъ Залогъ и показывалъ видъ, что стоитъ, дожидаясь возвращенія Кикина изъ Москвы, который долженъ былъ привезти рѣшительный отвѣтъ. Въ случаѣ неудовлетворенія, гетманъ грозилъ нападать на великорусскіе города и вести войну. Нѣкоторые изъ его приближенныхъ совѣтовали немедля идти войной прямо на Бѣлгородъ, а оттуда на Путивль, но большинство было противъ этого, въ особенности послѣ первыхъ неудачныхъ попытокъ: въ концѣ сентября козаки напали-было на городки Каменное и Олешню, но великорусскіе ратные люди отразили ихъ съ урономъ. Изъ Глухова партіи козаковъ наскакивали на великорусскія сосѣднія деревни, но были также отбиты.

Между тѣмъ, Татары, скучая ожиданіемъ войны, разсыпались по малороссійскимъ селеніямъ, грабили и брали въ плѣнъ людей и гоняли ихъ въ Крымъ. Поднялись жалобы.

»Что же мы здѣсь стоимъ?« кричали казаки въ обозѣ: »дома у насъ татары женъ уводятъ!«

И козаки стали толпами расходиться назадъ. Гетманъ не могъ удержать волненія, созвалъ къ себѣ мурзъ и говорилъ имъ:

»Мы призвали васъ ускромить бунтовщиковъ, а не для того, чтобъ невинныхъ убивать и загонять въ плѣнъ. Если вы будете такъ поступать съ нашими, то вамъ не отойти отъ насъ въ добромъ здоровьи.«

Чтобъ не навлечь на себя возстанія, гетманъ отступилъ къ Веприку въ предѣлы Малороссіи; онъ былъ принужденъ дозволить козакамъ бить Татаръ, если тѣ будутъ своевольничать. Тогда Татары стали уходить и пошли за рѣку Псёлъ; козаки гонялись за ними; съ каждымъ днемъ обозъ пустѣлъ. Воевать съ великороссіянами вовсе не было охоты въ массѣ, а между тѣмъ нападенія нѣкоторыхъ шаекъ на Каменное и Олешню вызвали то, что Великороссіяне, собравшись шайками, вторгнулись въ Украину, стали жечь селенія и бить Малороссіянъ. Вдобавокъ, Сербы, бывшіе также въ войскѣ Выговскаго, дозволяли себѣ надъ Малороссіянами всякаго рода своевольства и неистовства. Козаки, слыша, что и Татары, и Москали и Сербы распоряжаются у нихъ дома, когда сами они въ чужой землѣ, бѣжали изъ табора безъ удержу. Полковники стали роптать на гетмана и другъ на друга. Даже тѣ, которые были сильными не-

другами московскаго владычества, и тѣ поднялись на гетмана. Гуляницкій упрекалъ его, зачѣмъ онъ вошелъ прежде времени въ царскую землю и раздражаетъ москалей.

»Да не ты ли первый пуще другихъ меня на эту войну поджигалъ?« говорилъ ему гетманъ.

Въ радѣ учинилась ссора и безладица; толковали и такъ и иначе; осмотрѣлись, что сдѣлали кличъ къ войнѣ слишкомъ торопливо и неразсудительно. Царскаго посланника не было обратно. Выговскій надѣялся, что испугаетъ московское правительство рѣшительными выходками, ожидалъ, что тотъ же дьякъ Кикинъ опять пріѣдетъ съ рѣчами, пріятными для козацкаго самолюбія и уже приказывалъ приготовлять встрѣчу желанному послу. Но наступалъ октябрь, приближались осенніе дожди,—время неудобное для походовъ въ чужой землѣ. Великоруссы, которые безпрестанно ѣздили отъ путивльскихъ воеводъ въ козацкій обозъ и обратно, пугали козаковъ тѣмъ, что въ Сѣвскѣ собирается большое войско. Гетманъ, побуждаемый всеобщимъ ропотомъ, долженъ былъ возвратиться, не дождавшись посла и не показавши Москалямъ силы своего оружія.

8 октября гетманъ написалъ письмо къ путивльскому воеводѣ князю Григорію Долгорукову изъ табора подъ Богачкою, за пятнадцать верстъ отъ Днѣпра.

»Всегда я служилъ его царскому величеству вѣрно, и теперь ничего злого не замышляю, и хоть мы съ войскомъ своимъ двинулись, а вовсе не думаемъ наступать на городы его царскаго величества; я только хотѣлъ усмирить домашнее своевольство, и теперь, усмиривъ его, мы возвращаемся домой, надѣясь на милость его царскаго величества, уповая, что онъ, православный государь, не допуститъ проливаться христіанской крови. Только то насъ удивляетъ, что боярин Шереметевъ поступаетъ по непріятельски съ Малою Россіею, посылаетъ на козаковъ своихъ ратныхъ людей, а тѣ, обнадеживаемые государевою милостью, убиваютъ и въ неволю берутъ людей по нашимъ городамъ и деревнямъ.«

Долгорукій въ письмѣ своемъ упрекалъ его въ томъ, что онъ задерживалъ Портомоина и Тюлюбаева и посадилъ ихъ въ тюрьму. Выговскій отвѣчалъ: »Все это несправедливый извѣтъ на меня сложили; я ихъ не задерживалъ, а они сами по своей волѣ остались: боятся проѣзду отъ своевольниковъ; въ тюрьму никто ихъ не сажалъ: они ходили и ходятъ себѣ на волѣ; а какъ я въ Чигиринъ пріѣду, тотчасъ и отпущу ихъ съ честію къ его царскому величеству.«

Козацкое войско отступило.

XII.

Вмѣсто царскаго посла, ожидаемаго Выговскимъ съ милостивымъ словомъ и съ удовлетвореніемъ его требованій, явилась грозная царская печатная грамота отъ 24 сентября; она была направлена ко всѣмъ Малороссіянамъ, но преимущественно къ козакамъ полтавскаго полка, какъ къ прежнимъ противникамъ Выговскаго. Въ ней были исчислены преступленія Выговскаго противъ царя, не одобрялось то, что онъ нападалъ на Пушкаря съ Татарами, не дождавшись великороссійскихъ войскъ, тогда какъ самъ же онъ просилъ прислать войска; признавались явною измѣною противъ власти его поступки: задержаніе Портомоина и Тюлюбаева, нападеніе на Кіевъ, послѣднее объявленіе Кикину о рѣшимости идти съ оружіемъ на Ромодановскаго и выдумка, будто бы у московского правительства есть намѣреніе побить всю старшину и уничтожить козаковъ. Царь оправдывалъ свое правительство въ томъ, что Пушкарю не было подано помочи: оно должно же было довѣрять гетману, избранному народомъ. Въ заключеніе, гетманъ объявлялся измѣнникомъ и клятвопреступникомъ, и Малороссіяне призывались къ соединенію съ великорусскими воеводами и ратными людьми и къ совмѣстному дѣйствію противъ Выговскаго для сверженія его и для избранія новаго гетмана.

Быстро ожила придушенная пушкаревская партія. Полтава провозгласила полковникомъ Пушкарева сына, Кирика; въ другіе полки изъ Полтавы расходились увѣщанія — отторгнуться отъ власти гетмана; явились на волѣ Донецъ и Довгаль и другіе, которыхъ прежде московское правительство держало подъ стражею, какъ мятежниковъ, а теперь считало защитниками правой стороны. Товарищъ и другъ Пушкаря, Искра, задержанный въ послѣднее время въ Москвѣ, какъ его посланецъ, былъ знакомъ московскимъ боярамъ еще прежде, при Хмельницкомъ; теперь его не только отпустили съ честію, но подали ему надежду сдѣлаться гетманомъ. Онъ прибылъ въ полтавскій полкъ; около него составилась партія и провозгласила его гетманомъ. Искра разослалъ универсалы и требовалъ себѣ покорности. Своевольства, которыя терпѣлъ народъ въ послѣднее время, когда войско пребывало въ восточной Украинѣ, озлобили народъ еще пуще противъ гетмана. Кличъ новаго предводителя находилъ себѣ отзывъ въ массѣ. Разогнанные голики стали собираться; опять составился полкъ *дейнековъ*, готовыхъ служить воеводамъ, въ надеждѣ грабежа и своевольства.

Гетманъ пріѣхалъ въ Чигиринъ. За нимъ привезли Барабаша въ оковахъ; Выговскій не казнилъ его: онъ какъ-будто тѣшился его страданіями и униженіемъ. Узнавъ о томъ, что дѣлалось по слѣдамъ его въ полтавскомъ полку, онъ написалъ 17 октября путивльскому воеводѣ, выхвалялъ свою умѣренность, какую онъ показалъ недавно, отступивши назадъ отъ границъ Московіи, представлялъ, что, не дождавшись дьяка Василья Михайлова, подозрѣваетъ, что этотъ дьякъ оговорилъ его передъ царемъ, и упрекалъ правительство, зачѣмъ оно допускаетъ какому-то Искрѣ называться гетманомъ. Задержанныхъ посланцевъ онъ не сталъ болѣе удерживать: 18 октября Портомоинъ былъ освобожденъ изъ-подъ стражи и призванъ къ гетману. Выговскій вручилъ ему листъ къ царю Алексѣю Михайловичу. Въ этомъ листѣ гетманъ жаловался, что царь выдалъ противъ него печатную грамату, гдѣ объявлялъ его измѣнникомъ, гдѣ будто-бы обвинялъ его въ намѣреніи вводить латинскую вѣру (этого въ грамотѣ и нѣтъ); онъ увѣрялъ въ своей вѣрности царю, просилъ не посылать войскъ. Гетманъ сказалъ Портомоину:

— Мнѣ теперь подлинно стало извѣстно, что тѣ бунтовщики, которые посланы были въ Москву отъ Пушкаря и Барабаша, пожалованы государевымъ жалованьемъ, ихъ подѣлали и гетманами и полковниками, и дали имъ знамена, литавры, трубы, и съ честію на свободу ихъ отпустили изъ Москвы. Бояре и воеводы готовятся на меня идти съ ратными людьми, по наговору Пушкаревыхъ и Барабашевыхъ пословъ, за то, что будто я съ войскомъ и съ Татарами ходилъ на украинные города великаго государя; а я ходилъ вовсе не для разоренія государевыхъ городовъ, но для усмиренія своевольниковъ, и не сдѣлалъ ничего дурнаго государевымъ людямъ. Какъ прежде я служилъ вѣрно великому государю, такъ и теперь вѣрно служу ему. Пусть же государь окажетъ намъ всѣмъ свою государскую милость, пусть не посылаетъ бояръ и воеводъ своихъ съ ратными людьми войною на насъ, пусть пришлетъ къ намъ по договору своихъ ближнихъ людей, чтобы мы съ ними постановили статьи; а если государь не изволитъ этого учинить и пошлетъ на насъ ратныхъ людей, то мы будемъ стоять противъ нихъ и станемъ съ ними биться, и будутъ помогать намъ польскіе, шведскіе, волошскіе ратные люди, и Татары крымскіе придутъ, а турскій султанъ давно уже пишетъ ко мнѣ о соединеніи и даетъ ратныхъ людей на помощь. Повсюду, гдѣ только можно найти ратныхъ людей, нарочно разошлю своихъ станичниковъ, чтобы ко мнѣ собирались поскорѣе. Теперь однако еще не стану воевать и пошлю къ государю своихъ пословъ.

— Я сидѣлъ въ неволѣ, — сказалъ Портомоинъ, — и мнѣ ничего неизвѣстно; а что ты, гетманъ, говоришь, все это я передамъ его царскому величеству.

— Вслѣдъ за тобою,—продолжалъ Выговскій,—я отпущу и Тюлюбаева и всѣхъ прочихъ московскихъ людей, задержанныхъ здѣсь, а самъ пойду подъ Кіевъ, Кіева добывать... на разговоръ подъ Кіевъ пойду! прибавилъ онъ засмѣявшись.

Провожаемый такими угрозами, выѣхалъ Портомоинъ изъ Чигирина, но во время дороги скоро испыталъ, что эти угрозы на самомъ дѣлѣ не очень страшны. Народъ говорилъ ему:

— Какъ гетманъ ходилъ съ войскомъ на границу, тогда много селъ и городовъ разорили козаки, а Татары увели много полону въ Крымъ. Теперь, говорятъ, еще царскіе воеводы придутъ насъ разорять; но мы съ государевыми ратными людьми биться не станемъ; за одно съ ними пойдемъ противъ гетмана.

Дѣйствительно, Выговскій намѣревался сдѣлать другое покушеніе на Кіевъ. Когда онъ возвратился въ Чигиринъ, то узналъ о непріязненныхъ для него поступкахъ Шереметева: отрядъ ратныхъ людей, по приказанію кіевскаго воеводы, отправился на Бѣлую Церковь; бѣлоцерковскіе козаки вступили съ ними въ бой и были разбиты; самъ полковникъ взятъ въ плѣнъ. Въ Кіевѣ совершено было нѣсколько казней. Гетманъ, распустивъ своихъ полковниковъ, приказалъ имъ собирать полковые рады и уговорить козаковъ добывать Кіевъ. Но на этихъ радахъ чернь не показывала большой охоты, и нѣкоторые полковники извѣстили гетмана, что вообще, какъ они замѣтили, на своихъ надежда слаба: остается надѣяться на крымскаго хана да на его татаръ. Въ Путивлѣ и пограничныхъ городахъ сильно тревожились; разнеслись слухи, что гетманъ приступилъ къ Кіеву; Шереметевъ былъ отрѣзанъ, невозможно было достать вѣстей, всюду были перехвачены пути; появится какой нибудь Москаль въ Украинѣ, — его тотчасъ задержатъ или даже убьютъ. Изъ Путивля какой-то молодецъ Малороссіянинъ взялся провезти въ Кіевъ записку, зашивши ее въ рубаху: это показываетъ, какъ опасно и трудно было тогда проѣзжать черезъ край нескончаемыхъ мятежей и безпокойствъ. Молодецъ не воротился. Другой вмѣсто его нежданно, для путивльскихъ воеводъ, явился вѣстовщикомъ изъ Кіева: это былъ племянникъ нѣжинскаго протопопа Максима Филимонова, равностнаго сторонника Москвы. Узнавши, что на Шереметева собирается новая гроза, протопопъ составилъ для племянника проѣзжую память, укрѣпилъ ее гетманскою пе-

чатью, снятою съ какой-то гетманской грамоты, и съ этимъ фальшивымъ документомъ отправилъ его будто бы въ Чигиринъ. Онъ ѣхалъ черезъ Кіевъ какъ бы проѣздомъ, видѣлся съ Шереметевымъ, взялъ отъ него письмо къ Ромодановскому, и такимъ же образомъ пробрался черезъ Малороссію въ Путивль. Оттуда воевода благополучно доставилъ его въ Москву, и это побудило правительство послать скорѣе Ромодановскаго въ Украину.

Выговскій готовился къ рѣшительнымъ непріязненнымъ дѣйствіямъ, а все еще продолжалъ увѣрять московское правительство въ своей вѣрности и желаніи признавать царя своимъ государемъ. Письма за письмами посылались въ Москву; главнымъ виновникомъ зла признавался Шереметевъ: обвинялся онъ въ томъ, что разоряетъ украинскія села и деревни, губитъ народъ, кровь проливаетъ. Старикъ Евстафій, отецъ гетмана, писалъ къ пріятелю своему Бутурлину (съ которымъ такъ подружился въ Кіевѣ, что даже называлъ его нареченнымъ сыномъ), что еслибъ Бутурлинъ оставался воеводою, то и никакихъ смутъ не было бы; все приписывалось поступкамъ Шереметева да Ромодановскаго. »Сынъ мой«, выражался онъ, »какъ присягалъ, такъ и сохранить свою присягу хочетъ и остаться неизмѣннымъ подданнымъ и слугою его царскаго величества; не былъ онъ измѣнникомъ и не будетъ. Но панъ Шереметевъ и панъ Ромадановскій не обращаютъ вниманія на его заслуги; они хотѣли его убить, — намъ сообщали это извѣстіе ваши же милости Москали; потому-то сынъ мой и братъ вашей милости долженъ поневолѣ промышлять, какъ охранить свою жизнь. Шереметевъ святые монастыри ни во что́ обратилъ, иноки выгнанные скитаются по чужимъ городамъ и по пустынямъ, слугѣ вашей милости Левку велѣлъ Шереметевъ голову срубить, а меня принудилъ бѣжать изъ Кіева въ Чигиринъ.«

Въ одно и тоже время, Выговскій, съ одной стороны, чрезъ полковниковъ возбуждалъ козаковъ на Кіевъ и посылалъ Гуляницкаго съ полками отражать войска, если они выйдутъ; съ другой стороны писалъ универсалы народу, гдѣ запрещалъ оказывать непріязнь къ великорусскимъ войскамъ. Съ московской стороны стали обращаться съ ними подобнымъ же оружіемъ. Выговскій получилъ грамоту, гдѣ было сказано, что если онъ перестанетъ проливать кровь, то ему простятся всѣ вины и будутъ его держать въ милости, со всѣмъ запорожскимъ войскомъ. Въ то же время данъ былъ указъ Ромодановскому войти въ Малороссію, а путивльскіе воеводы по царскому повелѣнію приказали

стряпчему Григорію Касогову идти съ отрядомъ на помощь полтавской партіи, вооружившейся противъ гетмана.

XIII.

Въ началѣ ноября, Ромодановскій вступилъ въ Малороссію съ войскомъ и распустилъ въ народѣ пространный универсалъ: въ немъ (1) исчислялись преступленія Выговскаго, какъ и въ прежней грамотѣ, данной полтавскому полку, опровергались клеветы, распущенные имъ и его сторонниками, будто царь хочетъ уничтожить козачество, затрогивались интересы и народа: указывалось, что по статьямъ гетмана Хмельницкаго, изъ доходовъ, собираемыхъ въ Малороссіи, слѣдовало давать жалованье козакамъ, а Выговскій не давалъ его и присвоивалъ себѣ доходы, платилъ изъ нихъ иноземному войску, которое держалъ такимъ образомъ на счетъ малороссійскаго народа, для его отягощенія. Народъ малороссійскій приглашался содѣйствовать великороссійскому войску и доставлять ему продовольствіе. По смыслу этихъ статей, какъ-бы цѣлому народу отдавалось на судъ недоразумѣніе, возникшее между московскимъ правительствомъ и гетманомъ.

Съ своей стороны и Выговскій распустилъ въ народѣ универсалъ въ полтавскій полкъ, убѣждалъ казаковъ оставаться ему покорными и стоять противъ непріятеля, то-есть великорускихъ войскъ: »а въ противномъ случаѣ, »выражался онъ,« намъ ничего инаго не приведется учинить, какъ освидѣтельствовавшись милостивымъ Богомъ, со всѣмъ войскомъ запорожскимъ объявить вашу злобу всему свѣту.«

Пришествіе Ромодановскаго было сигналомъ для Пушкаренковой партіи. Она ожила. По призыву Ромодановскаго, къ войску его начала сбираться разогнанная голота, почуявшая грабежъ; опять составился полкъ дейнековъ. Миргородскій полкъ первый долженъ былъ испытать казнь, которая готовилась Украинѣ. Великорусскіе ратные люди и дейнеки вторгнулись въ Миргородъ и ограбили его такъ, что жители, по извѣстію лѣтописца, остались совершенно голыми. Степанъ Довгаль сдѣлался опять полковникомъ. Оттуда ополченіе двинулось къ Лубнамъ. Швець не въ состояніи былъ защищаться, собралъ козаковъ и заранѣе вышелъ; состоятельные люди съ своими пожитками бѣжали во всѣ стороны.

(1) Собр. госуд. грамотъ, IV, № 13.

Только бѣдняки остались въ Лубнахъ и пристали къ дейнекамъ. Ратные люди и дейнеки сожгли Лубны и ограбили мгарскій монастырь, гдѣ нашли деньги, замурованныя въ стѣнѣ, по обычаю того времени; князь Ромодановскій едва удержалъ толпу отъ конечнаго разоренія обители. Изъ Лубень ополченіе двинулось далѣе, разорило Чорнухи, Горошинъ, Пирятинъ; подъ Варвою имѣло незначительную стычку съ Гуляницкимъ. Потомъ князь расположился съ войскомъ подъ Лохвицею на зимнія квартиры. Дейнеки бродили по лѣвобережной Украинѣ, грабили зажиточныхъ, сожигали ихъ домы....

Лохвицкій лагерь князя Ромодановскаго началъ наполняться и великорусскими ратными людьми, и козаками. Прибыли князь Куракинъ, князь Семенъ Пожарскій и Львовъ. Чѣмъ болѣе вѣсть о договорѣ съ Польшею разносилась въ народѣ, тѣмъ охотнѣе простаки, отвращаясь отъ мысли побрататься съ Ляхами, бѣжали къ великороссійскому войску. Къ Ромодановскому явился генеральный судья Безпалый, недавно назначенный въ эту должность. Князь собралъ горсть вѣрныхъ царю козаковъ и предложилъ избрать гетмана; они выбрали Безпалого (1). Новый гетманъ утвердилъ свое пребываніе въ Ромнѣ. Вмѣстѣ съ нимъ назначенъ генеральнымъ эсауломъ Воронокъ (2). Вѣроятно тогда же были избраны новые полковники, вмѣсто отпадшихъ отъ царя приверженцевъ Выговскаго: вмѣсто Швеца избранъ былъ Терещенко (3); у полтавцевъ не долго былъ на полковничьемъ урядѣ Кирикъ Пушкаренко: они избрали Оедора Жученка (4). Въ Украинѣ образовалось два управленія и два гетмана. Но не хотѣлъ сложить съ себя достоинства и третій,—Искра, бунчуковый товарищъ полтавскаго полка. Онъ писалъ въ Москву, ссылался на то, что ему указали гетманское достоинство еще въ Москвѣ, увѣрялъ, что народъ стоитъ за него. Правительство не нашлось сдѣлать ничего лучше, какъ поручить самому Ромодановскому утвердить, по своему усмотрѣнію, кого-нибудь изъ двухъ. Искра явился въ Гадячъ, называлъ себя гетманомъ, собиралъ около себя поспольство, и готовился свергнуть и Выговскаго и Безпалаго. По зову Ромодановскаго, 10 января онъ отправился къ Лохвицѣ, и »такъ«, говоритъ лѣтописецъ, »былъ упоенъ мыслью о предстоявшемъ гетманствѣ, что не побоялся идти въ сопровожденіи незначительнаго отряда, хотя повсей лѣвобережной Украинѣ отряды партіи Выговскаго сражались съ *дейнéками*. За семь верстъ

(1) Лѣт. Велич. I, 339 — 340. (2) Лѣт. пов. о Мал. Рос. II, 9.
(3) Лѣт. Велич. I, 405. (4) Ист. Мал. Рос. II, прим. 14.

отъ Лохвицы, на Искру напали чигиринскіе козаки подъ начальствомъ Скоробагатенка. Искра напрасно просилъ помощи у князя чрезъ гонцовъ. Ромодановскій отговаривался ночнымъ временемъ и послалъ отрядъ тогда уже, когда этотъ отрядъ могъ увидѣть одни трупы. »Угасла искра, готовая блеснуть!« говорили украинцы. Ромодановскій избавился отъ необходимости выбирать одного изъ двухъ (1). Но въ концѣ января, какъ кажется, Ромодановскаго не было уже въ Лохвицѣ: является тамъ главнымъ начальникомъ одинъ князь Ѳедоръ Куракинъ.

Такими стычками ограничивались военныя дѣйствія. Выговскій долго не трогался. Онъ не довѣрялъ своимъ козакамъ, видѣлъ повсемѣстное колебаніе и надѣялся на помощь отъ Крыма и Польши, а между тѣмъ составлялъ наемную дружину изъ Сербовъ, Волоховъ, Нѣмцевъ и Поляковъ: послѣднихъ пришло къ нему три тысячи подъ начальствомъ Юрія Потоцкаго и Яблоновскаго, да два драгунскихъ полка подъ командой Лончинскаго (2). Съ одной стороны онъ выжидалъ, какъ приняты будутъ въ Варшавѣ статьи, постановленныя имъ съ Бенёвскимъ, съ другой заискивалъ расположеніе хана, но въ тоже время показывалъ желаніе оставаться вѣрнымъ царю и отправилъ въ Москву посломъ бѣлоцерковскаго полковника, Кравченка.

Въ концѣ января, Выговскій рѣшился выступить на войну, но не противъ великороссіянъ, а противъ Запорожцевъ: Запорожская Сѣчь объявляла себя рѣшительно противъ намѣреній гетмана. »Хотя мы«, писалъ ему кошевой Гомонъ, »и не противились твоему избранію, надѣясь отъ тебя какого-либо добра отечеству, но надежда насъ обманула. Ваша милость не сохранилъ присяги пресвѣтлѣйшему монарху, отцу нашему и благодѣтелю, преклонилъ сердце свое къ лядскимъ прелестямъ, обратился, какъ песъ на свою блевотину, къ полякамъ отщепенцамъ, отъ которыхъ мы освободились съ такимъ трудомъ и кровопролитіемъ, и разоряешь мать нашу Украину, воздвигшую тебя отъ гноища и удостоившую сидѣть съ князьями. Знай же, что ни ты, ни монархъ твой, король польскій, къ которому возвратился, ничего не сдѣлаете противъ нашего православнаго монарха, при Божіей помощи (3).« Запорожцы, по словамъ современника, ненавидѣли Выговскаго еще сильнѣе послѣ того, какъ онъ побратался съ Татарами и, слѣдовательно, не могъ одобрять обычныхъ запорожскихъ набѣговъ на татарскія поля и Черное море (4).

---

(1) Лѣт. Велич. I, 363 — 364.
(2) Hist. pan. Jan. Kaz. II, 22. — Ann. Pol. Clim. II, 377.
(3) Лѣт Велич. I, 353 — 356. (4) Пам. Кіев. Ком., т. III, 223.

Запорожцы послали на помощь царскому войску сильный отрядъ подъ начальствомъ Силки. Силка явился въ Зѣньковъ и началъ возбуждать восточную Украину противъ гетмана. Противъ этого—то отряда пошелъ Выговскій, стараясь не допустить до соединенія съ лохвицкимъ войскомъ какъ его, такъ и отряды, которые составлялись въ близкихъ мѣстечкахъ. Чтобъ Ромодановскій не ударилъ ему въ тылъ, гетманъ послалъ Немирича безпокоить его.

Немиричъ, 29 января, подошелъ къ Лохвицѣ. Московское войско вышло противъ него, но начальники московской конницы были люди, по увѣренію лѣтописца, неопытные и не могли устоять противъ Немирича. Московитяне заперлись въ Лохвицѣ, и Немиричъ безпокоилъ и удерживалъ ихъ до-тѣхъ-поръ, пока Выговскій расправился съ ихъ союзниками.

4 февраля, Выговскій осадилъ Миргородъ и послалъ въ городъ убѣжденіе отстать отъ Москвы и стоять вмѣстѣ за отечество, и обѣщалъ никому не мстить. Миргородскій протопопъ, по имени Филиппъ, сталъ говорить за Выговскаго и такъ подѣйствовалъ своими рѣчами, что не только убѣдилъ миргородскихъ козаковъ, но и самъ Степанъ Довгаль склонился. Своевольства и грабежи, которые позволили себѣ великорусскіе ратные люди въ городѣ, раздражили миргородцевъ; они отворили ворота и признали власть гетмана. Заклятой врагъ его, котораго взять онъ домогался такъ упорно вмѣстѣ съ другими коноводами противной партіи, явился къ Выговскому, былъ имъ принятъ дружелюбно и повелъ вмѣстѣ съ нимъ своихъ козаковъ далѣе. Великорусскіе ратные люди, находившіеся въ Миргородѣ, были отпущены къ своимъ. Выговскій сталъ обращаться кротко вездѣ, гдѣ слушали его убѣжденій; мѣстечки и села, одно за другимъ, сдавались ему и переходили на его сторону. Великорусскіе воеводы боялись за самого Безпалаго, чтобъ и онъ не отказался отъ своего гетманства и не передался Выговскому. Куракинъ изъ Лохвицы поспѣшилъ послать въ Роменъ отрядъ ратныхъ пѣшихъ людей для защиты этого пункта новаго козацкаго управленія. Въ самомъ дѣлѣ, ставъ подъ Зѣньковомъ, Выговскій посылалъ къ Безпалому увѣщанія отстать отъ Москвы и соединиться для общаго дѣла. Прочнаго и надежнаго не было ничего въ народномъ убѣжденіи: сдавшись легко на убѣжденія Выговскаго, малороссіяне потомъ говорили великорусскимъ ратнымъ людямъ: «Пусть только придетъ сильное царское войско, мы будемъ помогать вамъ противъ Выговскаго.» Зѣньковъ упорствовалъ противъ

гетмана; тамъ засѣли Запорожцы съ своимъ атаманомъ Силкою, и впродолженіи четырехъ недѣль отражали Выговскаго (1). Выговскій сталъ подъ Зѣньковомъ и переговаривался съ Москвичами.

Въ Москвѣ приняли ласково Кравченка и готовы были уже отпустить его съ благосклонною грамотою къ гетману, какъ вдругъ пришла вѣсть, что Скоробагатко уничтожилъ Искру, а переяславскій полковникъ, Тимофей Цыцура, нападалъ на великорусскихъ ратныхъ людей. Кравченка задержали до времени. Московское правительство увидѣло необходимость обращаться съ Выговскимъ, какъ онъ обращался, и не отвергая вовсе его миролюбивыхъ предложеній, собирало на него сильное войско. Главное начальство поручено было боярину князю Алексѣю Никитичу Трубецкому. Сборное мѣсто назначено было въ Сѣвскѣ, куда бояринъ прибылъ 30 января.

И Выговскій, и Безпалый разомъ обращались въ Москву: первый просилъ попрежнему прекратить междоусобія, изъявлялъ желаніе сойтись съ уполномоченнымъ и возобновить согласіе; второй просилъ прислать пороха и свинца. 13 февраля, Трубецкому доставленъ тайный наказъ, гдѣ поручалось ему устроить съ Выговскимъ мировую, а вслѣдъ затѣмъ онъ получилъ восемнадцать экземпляровъ царской грамоты, возбуждающей Малороссіянъ противъ измѣнника и клятвопреступника Выговскаго, и по царскому приказанію, 18 февраля послалъ Безпалому снаряды и ратныхъ людей на помощь. Въ тайномъ наказѣ Трубецкому, отъ 13 февраля, предписывалось ему сойтись съ Выговскимъ и назначить раду въ Переяславѣ, съ тѣмъ, чтобъ на этой радѣ были всѣ полковники и чернь, и эта рада должна была рѣшить споры. До собранія рады, бояринъ уполномочивался сдѣлать Выговскому широкія уступки, если окажется надобность. Бояринъ долженъ былъ снестись съ Выговскимъ, и, прежде всего, по обоюдному согласію съ нимъ, Трубецкому слѣдовало развести своихъ ратныхъ людей, а Выговскому отпустить отъ себя Татаръ. Для предупрежденія, со стороны Выговскаго, недовѣрія, съ обѣихъ сторонъ слѣдовало учинить вѣру. Бояринъ, съѣхавшись съ Выговскимъ, именемъ царя объявитъ ему забвеніе всего прошлаго, и гетманъ покажетъ ему статьи, постановленныя съ Поляками. Бояринъ согласится даровать гетману и всему козацкому войску такія же права и привиллегіи, какія сулили козакамъ Поляки. Должно думать, содержаніе

(1) Лѣт. Велич. I, 365.

гадячскаго договора тогда еще было не вполнѣ извѣстно въ Москвѣ, ибо въ наказѣ дѣлается оговорка, что согласиться на подобный договоръ съ царемъ можно только тогда, когда въ этомъ договорѣ не окажется *высокихъ и затѣйныхъ статей*, которыя *не къ чести государева имени*. Московское правительство знало однако хорошо, какія выгоды вымогалъ отъ Поляковъ, по гадячскому договору, Выговскій лично себѣ и старшинѣ; оно понимало, что главные поводы склоненія къ Польшѣ заключаются въ личныхъ видахъ старшинъ, и потому щедро расточало дары свои. Гетману обѣщали дать прибавку на булаву; соглашались сдѣлать его кіевскимъ воеводою; его родственникамъ и пріятелямъ и вообще полковникамъ и всей старшинѣ рѣшено дать каштелянства и староства; обѣщали удалить Шереметева и не вводить ратныхъ людей въ Украину, а гетманъ долженъ будетъ оставаться въ подданствѣ и прервать союзъ съ Татарами. Всѣ такія обѣщанія, конечно, могли имѣть силу только тогда, когда на радѣ, которую Трубецкой созоветъ въ Переяславѣ, народъ признаетъ гетманомъ Выговскаго; но если произойдетъ иначе, то Трубецкой долженъ былъ вручить булаву тому лицу, кого выберутъ, и новому гетману слѣдовало отдать чигиринское староство, какъ принадлежность гетманскаго уряда.

20 февраля, прибылъ изъ Москвы въ Сѣвскъ подъячій Старковъ съ предложеніями къ Выговскому, и тотчасъ былъ отправленъ въ зѣньковскій лагерь. Вслѣдъ за нимъ, Трубецкой съ войскомъ подвинулся ближе къ предѣламъ Украины и, 1 марта, прибылъ въ Путивль. Съ тѣхъ поръ три недѣли шли переговоры, которыхъ подробности къ сожалѣнію намъ неизвѣстны. Трубецкой писалъ дружелюбныя письма къ Выговскому и уговаривался, какъ уладить мировую, но разсылалъ къ народу воззванія — стоять крѣпко противъ измѣнника *Ивашки* и не склоняться на его прелестныя письма.

24 марта, пріѣхалъ отъ Выговскаго Старковъ съ извѣстіемъ, что Выговскій проситъ Трубецкаго съѣхаться съ нимъ для переговоровъ за десять верстъ отъ Ромна, но въ письмѣ къ Трубецкому не написано было ничего о такомъ свиданіи.

Отпустивъ Старкова въ Москву, Трубецкой, 26 марта, отслужилъ молебенъ *грозному и страшному* Спасу и двинулся со всѣмъ войскомъ въ Украину. Онъ написалъ въ Лохвицу къ Куракину, а въ Роменъ къ Безпалому, чтобъ сходились къ нему. 30 марта, явился Безпалый съ своими полковниками и эсаулами. Трубецкой объя-

вилъ козакамъ, что пришелъ не для войны, а для усмиренія междоусобій и кровопролитія, обнадеживалъ ихъ царскою милостію, и приказывалъ писать въ города и мѣстечки, которые поддались увѣщаніямъ Выговскаго, чтобъ жители раскаялись и, по-прежнему, обратились подъ самодержавную царскую руку. «Учини, гетманъ, крѣпкій заказъ, подъ смертною казнію, своимъ полковникамъ и эсауламъ и всѣмъ козакамъ»,—говорилъ Безпалому Трубецкой,—«чтобъ они не дѣлали ничего дурнаго въ государевыхъ черкасскихъ городахъ, не били людей, не брали ихъ въ полонъ, не грабили и ничѣмъ не обижали, и не дѣлали бы имъ никакихъ насилій и разореній, а государевымъ ратнымъ людямъ нашимъ отъ меня заказано тоже подъ смертною казнію.» Безпалый обѣщалъ, и былъ отпущенъ въ Роменъ снова.

Наступилъ апрѣль. Отъ Выговскаго не было извѣстія. Приведенные въ великорусскій лагерь языки извѣщали, что гетманъ отступилъ отъ Зѣнькова и уѣхалъ въ Чигиринъ; а, между тѣмъ, Гуляницкій съ козаками и Татарами прибылъ въ Конотопъ и оттуда разсылалъ партіи, которыя нападали на великорусскія села около Путивля, Рыльска и Сѣвска, разоряли ихъ, убивали и брали въ плѣнъ людей.

Пріѣхалъ изъ Москвы Кравченко. Трубецкой, призвавъ его къ себѣ, изложилъ ему все поведеніе Выговскаго, и сказалъ:

— Скажи гетману и всѣмъ козакамъ, чтобъ они отстали отъ своихъ неправдъ и остались подъ рукою великаго государя по-прежнему, безо всякаго сомнѣнія; а если они не придутъ въ познаніе и не станутъ бить челомъ государю о своихъ винахъ, то я иду съ ратными людьми, и что надъ ними учинится, то будетъ имъ не отъ меня, а отъ самихъ-себя.

Кравченко поклялся, что будетъ уговаривать гетмана и полковниковъ.

— Мы,—сказалъ онъ,—посыланы къ государю отъ всей черни съ рады, и будемъ по всѣмъ городамъ и мѣстечкамъ выславлять премногую милость и жалованье великаго государя.

Въ концѣ марта, Выговскій возвратился въ Чигиринъ. Наступила Пасха. По тогдашнему обычаю, на праздникъ Пасхи полковники и другіе чиновники съѣзжались къ гетману съ поздравленіемъ. Выговскій, пользуясь этимъ случаемъ, созвалъ ихъ на раду.

Выговскій не довѣрялъ московскимъ предложеніямъ. Въ нихъ полагалось условіемъ—собрать раду: Выговскій опасался, что на этой радѣ стечется много недоброжелателей, выберутъ другаго гетмана, и

бояринъ, который будетъ рѣшителемъ дѣла, нарушитъ всѣ данныя ему обѣщанія. Притомъ же, московское правительство очевидно ему не довѣряло, и предлагая мировую, дѣйствовало противъ него, и соединялось съ его врагами. Онъ представилъ полковникамъ грозящую всѣмъ имъ бѣду, увѣрилъ, что москали ихъ обманываютъ, и по общему приговору, разослалъ по Украинѣ универсалъ. Гетманъ извѣщалъ въ немъ украинскій народъ о причинахъ, которыя побуждаютъ его призывать народъ къ оружію противъ московскихъ войскъ; онъ доказывалъ, что царскіе коммисары на виленской коммисіи 1656 года постановили отдать Украину подъ польское владычество, коль скоро царь получитъ польскую корону; поэтому гетманъ и старшины разсудили, что гораздо лучше соединиться съ Польшею на правахъ вольной націи, чѣмъ быть отданными въ неволю. «Другая причина», писалъ Выговскій, «побуждающая насъ отложиться отъ державы россійской, есть та, что мы освѣдомились несомнѣнно, что его царское величество прислалъ князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому свою высокую грамоту, повелѣвающую истребить гетмана со всею старшиною, уничтожить всѣ права и вольности наши, оставить козаковъ только десять тысячъ, а весь остальной народъ украинскій сдѣлать вѣчными крестьянами и невольниками (1)».

Этотъ универсалъ на первыхъ порахъ перепугалъ Украинцевъ на правой сторонѣ Днѣпра (2); на лѣвой только переяславскій, прилуцкій, нѣжинскій и черниговскій полки держались Выговскаго (3).

Между тѣмъ, Трубецкой, 10 апрѣля, въ Константиновскомъ соборѣ отслужилъ молебенъ грозному и страшному Спасу и двинулся на Конотопъ, и въ то же время написалъ къ Безпалому въ Роменъ, и въ Лохвицу къ Куракину, чтобъ съ обѣихъ сторонъ сходились къ нему для соединенія. 13 апрѣля, на дорогѣ, присталъ къ нему Безпалый съ своими козаками; 16-го, они достигли Конотопа, прогнали отрядъ, наблюдавшій за путемъ; 21-го, явился къ нему князь Ѳедоръ Куракинъ съ Пожарскимъ и Львовымъ и со всѣмъ войскомъ, стоявшимъ въ Лохвицѣ. Малороссійскій лѣтописецъ пишетъ, что прилуцкій полковникъ, Дорошенко, хотѣлъ загородить москвитянамъ дорогу, но товарищъ Ромодановскаго, отважный князь Семенъ Ивановичъ Пожарскій, поразилъ его подъ Срибнымъ. «Дорошенко», говоритъ лѣтописецъ, «словно заяцъ бѣжалъ

(1) Лѣт. Велич. I, 366—367.
(2) ibid. 367.
(3) Лѣт. Сам. 31.—Лѣт. Велич. I, 367, 372.

по болотамъ, спасаясь отъ гибели, а князь Пожарскій приказалъ перерѣзать всѣхъ жителей мѣстечка Срибного (1)».

Въ Конотопскомъ замкѣ было два полковника, нѣжинскій и черниговскій, съ своими полками, всего до четырехъ тысячъ человѣкъ. Прежде приступа, Трубецкой написалъ къ Гуляницкому письмо, извѣщалъ, что присланъ для успокоенія междоусобій и для прекращенія кровопролитія, убѣждалъ вспомнить единую православную вѣру и царскую милость, отстать отъ неправдъ, бить челомъ въ винахъ своихъ и выслать добрыхъ и знатныхъ людей для переговоровъ.

Вмѣсто отвѣта, изъ города раздались выстрѣлы изъ пушекъ и ружей. «Мы сѣли на смерть,» закричали козаки: «не сдадимъ города!»

Тогда Трубецкой приказалъ стрѣлять по городу и въ городъ.

Соединенное великорусское войско принялось осаждать Гуляницкаго. Съ 21 апрѣля до 29 іюня, длилась эта осада; многочисленное великорусское войско, подъ командою Трубецкаго, осаждало четыре тысячи нѣжинцевъ и черниговцевъ и не взяло ихъ. Замокъ былъ окруженъ глубокимъ рвомъ и высокимъ валомъ. Нѣсколько дней безъ умолку гремѣли пушки, летали гранаты въ городъ, ратные люди рыли подкопы; 28 апрѣля, передъ разсвѣтомъ, отпѣвши молебенъ, все войско полѣзло на приступъ. Все было напрасно: не зажигался замокъ отъ гранатъ, перерваны были подкопы; московитяне успѣли-было взобраться на стѣны, но отбитые съ урономъ, возвратились съ приступа, и осажденные съ высокихъ валовъ отвѣчали осаждающимъ ядрами и картечью такъ-мѣтко, что нанесли имъ гораздо болѣе вреда, чѣмъ сами претерпѣли. Московскіе стрѣльцы и пушкари только даромъ тратили «государево зелье», какъ называли они порохъ. Трубецкой задумалъ иной родъ войны: онъ хотѣлъ засыпать ровъ, окружавшій замокъ, но козаки частыми выстрѣлами перерывали работу, дѣлали смѣлыя вылазки, спускались въ ровъ и уносили землю, накиданную туда великороссіянами, на свой валъ: такимъ образомъ, ровъ оставался такъ же глубокъ какъ и прежде, а валъ дѣлался выше, и козацкія ядра поражали осаждающихъ еще удачнѣе. Такъ прошло нѣсколько недѣль (2). Наскучивъ осадою, Трубецкой послалъ Ромодановскаго и Скуратова къ Борзнѣ. 12 мая, московитяне напали на Борзну. Начальствовавшій борзенскими козаками, Василій Золотаренко, шуринъ Богдана Хмельниц-

(1) Лѣт. Велич. I, 372.

(2) Лѣт. Самов. 31.—Ист. Мал. Росс. II, 36—37.

каго, былъ разбитъ; Борзна была взята и сожжена; много жителей истреблено; женъ и дѣтей козацкихъ привели плѣнными подъ Конотопъ и отправили въ Великороссію. 21 мая, по тайному письму неизмѣннаго благопріятеля московской стороны, протопопа Филимонова, Ромодановскій, Куракинъ и козаки, подъ начальствомъ Безпалаго, двинулись къ Нѣжину. Нѣжинцы сдѣлали вылазку; великороссіяне прогнали ихъ въ городъ, но на другой сторонѣ стояло большое войско, состоявшее изъ сербовъ, поляковъ, татаръ; великороссіяне пошли на нихъ, произошелъ бой,—татары отступили; въ плѣнъ попался козацкій предводитель Скоробагатенко, наказный гетманъ. Однако князь побоялся преслѣдовать татаръ, предполагая, что они нарочно заманиваютъ его за собою въ погоню, чтобъ навести на большое войско, и воротился къ Трубецкому вести осаду (1).

Не зная, гдѣ Выговскій и что̀ съ нимъ дѣлается, Трубецкой, 4 іюня, рѣшился еще разъ попытаться прекратить кровопролитіе мирными средствами. Онъ отправилъ отыскивать его донскихъ козаковъ съ письмомъ: по-прежнему, бояринъ предлагалъ мятежному гетману миръ и просилъ прислать трехъ знатныхъ человѣкъ для разговора. До 27 іюня не было ни слуху ни духу отъ Выговскаго.

Выговскій не помогалъ Гуляницкому, потому что дожидался хана; козаковъ, державшихся его партіи, было только шестнадцать тысячъ. Махметъ-Гирей явился не ранѣе 24 іюня, съ тридцатью тысячами ордынцевъ (2). Первое свиданіе его съ гетманомъ было на Крупичъполѣ. Союзники утвердили свою дружбу взаимною торжественною присягою: гетманъ съ старшинами присягнулъ отъ лица всей Украины,—полковники присягали за свои полки, сотники за свои сотни; потомъ ханъ, султаны и мурзы присягали по-своему закону—не отступать отъ козаковъ и помогать противъ московитянъ, пока не изгонятъ изъ Украины московскихъ войскъ (3). У Выговскаго, сверхъ-того, было нѣсколько тысячъ наемныхъ войскъ—сербовъ, волоховъ, но преимущественно—поляковъ (4).

Соединенное козацкое и татарское войско выступило къ Конотопу.

---

(1) Лѣт. Самов., 31.

(2) Ann. Polon. Clim. II, 377.

(3) Лѣт. Самов. 31.—Лѣт. Малор.

(4) Ann. Polon. Clim. II, 377.—Лѣт. Сам. 32.—Лѣт. Велич. I, 373.—Лѣт. пов. о Мал. Рос. II, 20.—Ист. Мал. Росс. II, 38.

Подъ Шаповаловкою встрѣтился съ ними московскій отрядъ, посланный для взятія языковъ. Произошло сраженіе; великоруссы были разбиты на́–голову, и этотъ первый успѣхъ ободрилъ козаковъ (1).

Въ числѣ плѣнниковъ былъ Силка, храбрый защитникъ Зѣнькова, котораго Выговскій приказалъ приковать къ пушкѣ (2).

Плѣнники высказали положеніе войска подъ Конотопомъ и прибавили, что полководцы вовсе не дожидаются прихода непріятелей. Въ самомъ дѣлѣ, воеводы не имѣли никакого свѣдѣнія о томъ, что непріятель былъ такъ близко отъ нихъ (3).

Союзникамъ оставалось до Конотопа пятнадцать верстъ; тутъ надобно было переправляться чрезъ болотистую рѣку Сосновку. Выговскій осмотрѣлъ мѣстность: она показалась ему такова, что сраженіе, данное на ней, могло кончиться совершеннымъ пораженіемъ одного изъ враждебныхъ войскъ. Козаки могли надѣяться на побѣду, потому что у нихъ было время устроить свое войско выгоднымъ образомъ; надобно было только заманить московитянъ.

Выговскій расположилъ свое козацкое войско на широкомъ лугу, въ закрытомъ мѣстѣ (4), и отдалъ начальство надъ войскомъ Стефану Гуляницкому, брату осажденнаго въ Конотопѣ, а самъ, отобравъ себѣ небольшой отрядъ, пригласилъ съ собой султана Нураддина и переправился на другую сторону рѣки Сосновки, съ намѣреніемъ напасть въ тылъ на осаждающихъ, потомъ побѣжать, заманить за собою московитянъ и навести ихъ на оставшееся козацкое войско; ханъ съ ордою отправился вправо на урочище Торговицу, верстъ за десять, съ цѣлью ударить въ другой разъ въ тылъ непріятелю, когда Выговскому удастся его вывести (5).

27 іюня, во вторникъ, Выговскій переправился черезъ рѣку и внезапно ударилъ въ тылъ осаждавшимъ конотопскій замокъ. Неожиданное появленіе непріятеля смѣшало великороссіянъ; въ тревогѣ, они побѣжали, и козаки захватили много лошадей у конницы, которая, впопыхахъ, не успѣла вскочить на нихъ во́–время. Но въ нѣсколько часовъ московитяне поправились. Воеводы замѣтили, что у Выговскаго войска по крайней мѣрѣ въ десять разъ меньше чѣмъ у нихъ. По–

(1) Лѣт. Велич. I, 373.
(2) Лѣт. Самов. 31.—Лѣт. Малор.
(3) Gründliche und wahrhaftige Relation von dem glücklichen Siege, etc. —
(4) Лѣт. Велич. I, 373.
(5) Лѣт Самов., 32.

жарскій ударилъ на козаковъ—они повернули назадъ и убѣжали за Сосновку.

Настала ночь. Нѣсколько козаковъ было взято въ плѣнъ, другіе добровольно явились служить царю.

— Неужели у Выговскаго всего-на-все столько войска, сколько было здѣсь?—спросилъ ихъ Пожарскій.

— Нѣтъ,—отвѣчали козаки.—Не гонись, князь, за нимъ: онъ нарочно заманиваетъ васъ въ засаду. Съ нимъ много козаковъ, и самъ ханъ съ ордою, а съ ханомъ славные воины: султаны Нураддинъ, и Калга, мурзы Дзяманъ-Сайдакъ и Шуринбей.

— Давай ханишку!—закричалъ Пожарскій:—давай Нураддина, давай Калгу, давай Дзяманъ-Сайдака и Ширинбея! Всѣхъ ихъ бодёныхъ матерей вырубимъ и выплѣнимъ!

Напрасно Трубецкой останавливалъ Пожарскаго. Отважный князь не послушался. «Онъ,» говоритъ лѣтописецъ, «слишкомъ вѣрилъ въ свою непобѣдимость послѣ удачи подъ Срибнымъ. 28 іюня, рано, Пожарскій съ тридцатью тысячами переправился за Сосновку (1). Другая половина войска, подъ начальствомъ Трубецкаго, оставалась подъ Конотопомъ; при ней былъ Безпалый съ козаками (2).

Перешедши черезъ Сосновку, московитяне ставили батареи, устраивались въ боевой порядокъ; Выговскій не препятствовалъ имъ. Но въ то время, когда московитяне приписывали это бездѣйствіе козаковъ трусости, пять тысячъ украинцевъ, подъ командой Стефана Гуляницкаго, рыли извилинами ровъ по направленію къ широкому мосту, по которому прошло московское войско. Какъ-только они довели свои работы близко къ московскому войску и могли быть имъ замѣчены, Выговскій сдѣлалъ нападеніе, но послѣ первыхъ отвѣтныхъ выстрѣловъ, побѣжалъ. Пожарскій, увѣренный, что козаки трусятъ передъ его доблестью, бросился за ними. Выговскій отступилъ еще далѣе... Все войско московское снялось съ своей позиціи, съ жаромъ преслѣдовало козаковъ и удалилось на значительное разстояніе отъ моста.

Тѣмъ временемъ, козаки, быстро копавшіе ровъ, очутились въ тылу московскаго войска, бросились на мостъ, изрубили его, и остатками его запрудили мелководную рѣку: вода начала разливаться изъ русла по вязкому лугу. Это неожиданное явленіе подало Гуляницкому мысль не только преградить московитянамъ обратный путь черезъ Сосновку,

(1) **Лѣт. Велич.** I, 374.
(2) **Ист. Мал. Росс.** 38.

но затруднить имъ ходъ по лугу. По его приказанію, козаки разсѣялись по болоту: одни косили траву и камышъ, другіе рубили тальникъ и лозу и бросали въ воду. Въ нѣсколько минутъ рѣка была запружена, и вода разливалась во всѣ стороны.

Увидѣвши позади себя козаковъ, московитяне перестали гнаться за Выговскимъ и обратились назадъ; тогда въ свою очередь погнались за ними бѣжавшіе козаки, и вдругъ московитяне были оглушены страшнымъ крикомъ и свистомъ: орда съ ханомъ и воинственными мурзами порывисто летѣла прямо на лѣвое крыло московскаго войска. Московитяне хотѣли удержать напоръ, но тутъ Выговскій съ козаками и наемнымъ войскомъ ударилъ на нихъ съ правой стороны. Московитяне, стѣсненные съ боковъ, подались назадъ...

Но назадъ имъ не было ходу: вода, разлившись по лугу, превратила его въ болото; не двигались московскія пушки; погрязли по-брюхо московскія лошади; московитяне пустились—было бѣжать пѣшкомъ, но идти было также невозможно (1). «Развѣ тотъ могъ убѣжать», говоритъ лѣтописецъ, «у кого были крылатые кони (2).»

Напрасно рвался изо всѣхъ силъ Пожарскій, напрасно хотѣлъ выбраться на сухое мѣсто (3): тридцать тысячъ вѣрныхъ царю русскихъ погибло въ этотъ ужасный день. Татары не жалѣли ихъ, потому что съ простыхъ нельзя было надѣяться окупа; а козаки были ожесточены противъ этого войска, которое, по увѣренію Выговскаго и старшинъ, приходило будто бы для того, чтобы уничтожить ихъ права и обращать ихъ самихъ въ невольниковъ.

Пожарскій былъ схваченъ и приведенъ къ Выговскому. Князь рѣзко началъ выговаривать ему за измѣну царю, и Выговскій отослалъ его къ хану.

Повелитель правовѣрныхъ сказалъ ему чрезъ толмача:

— Ты слишкомъ безразсуденъ, князь, и легкомысленъ: ты осмѣлился не страшиться нашихъ великихъ силъ и теперь достойно наказанъ, ибо черезъ твое легкомысліе погибло столько храбраго и невиннаго московскаго войска.

Князь Пожарскій, говоритъ лѣтописецъ, не посмотрѣлъ, что былъ въ плѣну, но въ отвѣтъ на ханское замѣчаніе угостилъ ханскую мать

(1) Ann. Pol. Cl. II, 380–381.—Лѣт. Велич. I, 375.—Hist. pan. Jan. Kaz. II, 24.

(2) Лѣт. Велич. I, 375.

(3) Hist. pan. Jan. Kaz. II, 25.

эпитетомъ, неупотребительнымъ въ печатномъ словѣ, и плюнулъ хану въ глаза. Разъяренный ханъ приказалъ отрубить ему голову передъ своими глазами. «Отозвалось ему», говоритъ украинскій лѣтописецъ, «истребленіе невинныхъ жителей Срибнаго (1)». Вмѣстѣ съ нимъ, ханъ въ ярости приказалъ изрубить и другихъ знатныхъ плѣнниковъ; въ числѣ ихъ былъ сынъ знаменитаго Прокопья Ляпунова, Левъ, двое Бутурлиныхъ и нѣсколько полковниковъ. Пожарскій явилъ себя настоящимъ великорусскимъ народнымъ молодцомъ. Народная память оцѣнила это и передала его подвигъ потомству въ пѣснѣ (2).

---

(1) Лѣт. Велич. I, 375.

(2) За рѣкою, переправою, за деревнею Сосновкою,
Подъ Конотопомъ подъ городомъ, подъ стѣною бѣлокаменной,
На лугахъ, лугахъ зеленыихъ,
Тутъ стоятъ полки царскіе,
Все полки государевы,
Да и роты были дворянскія.
А изъ далеча изъ чиста поля,
Изъ того ли изъ раздолья широкаго,
Кабы черные вороны табуномъ табунилися,
Собирались, съѣзжались Калмыки со Башкирцаии,
Напущалися Татарове на полки государевы;
Они спрашиваютъ Татарове
Изъ полковъ государевыхъ себѣ сопротивника.
А изъ полку государева сопротивника
Не выбрали ни изъ Стрѣльцовъ, ни изъ солдатъ молодцевъ.
Втапоры выѣзжалъ Пожарской князь
Князь Семенъ Романовичь,
Онъ бояринъ большой словетъ, Пожарской князь,
Выѣзжалъ онъ на вылазку
Спротивъ Татарина и злодѣя наѣздника;
А татаринъ у себя держитъ въ рукахъ копье острое,
А славной Пожарской князь
Одну саблю острую во рученькѣ правыя.
Какъ два ясные соколы въ чистомъ полѣ слиталися,
А съѣжались въ чистомъ полѣ
Пожарской бояринъ съ Татариномъ.
Помогай Богъ князю Семену Романовичу Пожарскому—
Своею саблей острою онъ отводилъ остро копье Татарское,
И срубилъ ему голову, что Татарину наѣзднику.
А завыли злы Татарове поганые,
Убилъ у нихъ наѣздника, что ни славнаго Татарина.
А злы Татарове Крымскіе, они злы да лукавые,
Подстрѣлили добра коня у Семена Пожарскаго,
Падаетъ его окорачь доброй конь.

29 іюня, вышелъ Гуляницкій, съ своими нѣжинцами и черниговцами, изъ двѣнадцати–недѣльнаго заключенія. Въ отрядѣ его оставалось тогда только двѣ тысячи пять–сотъ человѣкъ (3).

2 іюля, князь Трубецкой сталъ отступать, переправился черезъ рѣку, съ большими неудобствами; многіе утонули во время переправы.

Побѣдители погнались за нимъ, но Трубецкой окопался и отразилъ напоръ непріятеля; самъ Выговскій былъ въ опасности: осколокъ ядра ранилъ его лошадь и задѣлъ ему кафтанъ (4). Трубецкой

Возкричитъ Пожарской князь во полки государевы:
«А и вы солдаты новобранные, вы стрѣльцы государевы!
Подведите мнѣ добра коня, увезите Пожарскаго,
Увезите во полки государевы».
Злы Татарове крымскіе, они злы да лукавые,
А металися грудою, полонили князя Пожарскаго,
Увезли его во свои стени крымскія
Къ самому Хану Крымскому—деревенской шишиморѣ,
Его сталъ онъ допрашивать:
«А и гой еси, Пожарской князь,
Князь Семенъ Романовичь!
Послужи ты мнѣ вѣрою, да ты вѣрою правдою,
Заочью неизмѣною,
Еще какъ ты Царю служилъ, да Царю своему Бѣлому;
А и такъ-то ты мнѣ служи, самому Хану Крымскому,
Я вѣдь буду тебя жаловать златомъ и серебромъ,
Да и женки прелестными: и душами красными дѣвицами».
Отвѣчаетъ Пожарской князь самому Хану Крымскому:
«А и гой еси Крымской Ханъ—деревенской шишимора!
Я бы радъ тебѣ служить, самому Хану Крымскому.
Кабы не скованы мои рѣзвы ноги,
Да не связаны бѣлы руки во чембуры шелковые,
Кабы мнѣ сабелька острая,
Послужилъ бы тебѣ вѣрою на твоей буйной головѣ,
Я срубилъ тебѣ буйну голову».
Скричитъ тутъ Крымской Ханъ,—деревенской шишимора:
«А и вы Татары поганые!
Увезите Пожарскаго на горы высокія, срубите ему голову,
Изрубите его бѣло тѣло во части во мѣлкія,
Разбросайте Пожарскаго подалече чисту полю».
Кабы черные вороны закричали, загайкали,
Ухватили Татарове князя Семена Пожарскаго,
Повезли его Татарове они на гору высокую.
Сказнили Татарове князя Семена Пожарскаго.

(3) Лѣт. Самов. 32.
(4) Gründl. Relation.

дошелъ до рѣки Семи, въ десяти верстахъ отъ Путивля; но далѣе не могъ обороняться, и ушелъ къ Путивлю. Выговскій отказывался преслѣдовать войско московское на московской землѣ. Напрасно поляки, служившіе у Выговскаго на жалованьѣ, изъ мести за Гонсѣвскаго, только-что передъ тѣмъ, въ мирное время, схваченнаго Хованскимъ въ Вильнѣ, упрашивали его; напрасно ханъ убѣждалъ гетмана (5): Выговскій показывалъ видъ, что поднялъ оружіе только для того, чтобъ изгнать изъ Украины московское войско, причиняющее бѣдствія народу и разореніе краю, а вовсе не намѣренъ вести войны

Отрубили буйну голову,
Изсѣкли бѣло тѣло во части во мѣлкія,
Разбросали Пожарскаго подалече чисту полю,
Они сами уѣхали къ самому Хану Крымскому.
Они день другой нейдутъ, никто не провѣдаетъ,
А изъ полку было государевы козаки двое выбрались,
Эти двое козаки молодцы,
Они на гору пѣшкомъ пошли,
И взошли туто на гору высокую,
И увидѣли тѣ молодцы то вѣдь тѣло Пожарскаго:
Голова его по себѣ лежитъ, руки ноги разбросаны,
А его бѣло тѣло во части изрублено.
И разбросано по раздолью широкому.
Эти козаки молодцы его тѣло собрали,
Да въ одно мѣсто складывали;
Они сняли съ себя липовый лубъ,
Да и тутъ положили его,
Увязали липовой лубъ накрѣпко,
Понесли его Пожарскаго Конотопу ко городу.
Въ Конотопѣ городѣ пригодился тамъ епископъ быть,
Собиралъ онъ епископъ поповъ и дьяконовъ
И церковныхъ причетниковъ
И тѣмъ казакамъ удалымъ молодцамъ
Приказалъ обмыть тѣло Пожарскаго.
И склали его бѣло тѣло въ домовище дубовое,
И покрыли тою крышкою бѣлодубовою;
А и тутъ люди дивовалися,
Что его тѣло въ мѣсто сросталося,
Отпѣвавши надлежащее погребеніе,
Бѣло тѣло его погребли во сыру землю,
И пропѣли пѣтье вѣчное
Тому князю Пожарскому (*).

(5) Hist. pan. Jana Kaz. I, 26.—Ann. Polon. Clim. II, 381.

(*) Древн. стих., собр. Киршею Даниловымъ.

съ царемъ и великорусскимъ народомъ. «Вѣроятно,» замѣчаетъ польскій историкъ, «онъ боялся, чтобъ козаки не отпали отъ него, если онъ выйдетъ изъ Украины (1).»

Выговскій отступилъ къ Гадячу (2) и отослалъ къ Іоанну-Казиміру взятое у московитянъ большое знамя, барабаны и пушки (3); потомъ отправился въ Чигиринъ и занялся планомъ изгнанія великорусскаго войска изъ Кіева (4). Ханъ съ татарами удалился въ Крымъ, а нѣсколько татарскихъ *загоновъ* разсыпались по московской землѣ (5).

XIV.

Въ Варшавѣ начался сеймъ. Собранные члены Рѣчи-Посполитой разсуждали о своихъ дѣлахъ и съ нетерпѣніемъ ожидали козаковъ. Явились наконецъ и послы отъ новосозданнаго Великаго Княжества Русскаго. Изъ генеральныхъ старшинъ прибыли Носачъ и Груша, полковникъ Лѣсницкій, опять начальствовавшій миргородскимъ полкомъ; отъ полковъ были присланы по два сотника; сверхъ того, была съ ними толпа знатныхъ козаковъ,—всего человѣкъ до двухъ-сотъ. Юрій Немиричъ, депутатъ отъ Кіева, и Прокопъ Верещага—отъ Чернигова, были на челѣ посольства.

Въ день, назначенный для торжественнаго ихъ пріема въ сенатской залѣ, сидѣлъ король посреди сенаторовъ. Вошли русскіе послы; впереди шелъ Немиричъ, и остановясь, произнесъ рѣчь, въ которой, послѣ реторическаго приступа, говорилъ такъ:

«Мы являемся въ настоящій день предъ престоломъ его королевскаго величества, предъ собраніемъ всей Рѣчи-Посполитой, послами свѣтлѣйшаго и благороднѣйшаго гетмана всего войска запорожскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлаго русскаго народа, признать предъ лицомъ цѣлаго міра, передъ грядущими вѣками, его величество повелителемъ свободныхъ народовъ, Рѣчь-Посполитую и корону польскую нашею отчизною и матерью. Держава вашего величества во всемъ свѣтѣ сла-

(1) Dzieje pan. Jana Kaz. I, 196.
(2) Лѣт. Самов. 32.
(3) Полн. Собр. Зак. I, 498.—Ист. Мал. Рос. II, 38.
(4) Лѣт. Велич. I, 376.
(5) Лѣт. Самов. 32.

вится свободою и подобна царству божію, гдѣ, какъ огненнымъ духамъ, такъ и человѣческому роду, даются божескіе и человѣческіе законы, съ сохраненіемъ ихъ свободной воли безъ малѣйшаго нарушенія, на всѣ времена съ сотворенія міра. Пусть другія государства и державы славятся своимъ теплымъ климатомъ, стеченіемъ земныхъ богатствъ, избыткомъ золота, драгоцѣнныхъ перловъ и камней, роскошью жизни; пусть красуются передъ цѣлымъ свѣтомъ подобно дорогимъ камнямъ, оправленнымъ въ золотые перстни: ихъ народы не знаютъ истинной свободы; забывая, что одарены отъ Бога свободною волею, они живутъ какъ-будто въ золотой клѣткѣ, и должны оставаться рабами чужаго произвола и желанія. Въ цѣломъ свѣтѣ нельзя найти такой свободы, какъ въ польской Коронѣ. Эта неоцѣнимая, несравненная свобода — и ни что другое — привлекаетъ насъ теперь къ соединенію съ вами: мы рождены свободными, въ свободѣ воспитались, и свободно обращаемся къ равной свободѣ. За нее, за честь и достоинство вашего величества, за благосостояніе всеобщаго отечества, готовы положить жизнь нашу. На ней да созиждется наше неразрывное единство, какъ и на сходствѣ религіи, жизни и правъ нашихъ народовъ; свобода и братское равенство да будутъ основою нашего соединенія для потомковъ нашихъ! Государства поддерживаются тѣми же средствами, какими созидаются (nam regna quibus mediis fundantur, iisdem et retinentur). Быть-можетъ, всесильная рука устроила наше соединеніе для того, чтобъ другіе народы. послѣдовавъ нашему примѣру, преклонились предъ вашимъ величествомъ, обняли и облобызали этотъ драгоцѣнный талантъ и клейнотъ польской короны. Да возрастетъ Рѣчь-Посполитая великою и могущественною державою, божіимъ благословеніемъ, счастливымъ царствованіемъ и попеченіемъ вашего величества и благоустройствомъ соединенныхъ земель. Съ нашимъ подданствомъ приносимъ мы вашему величеству, королю и государю, наши просьбы и желанія, въ которыхъ мы не могли быть удовлетворены посредствомъ коммисаровъ; только королевское величество и Рѣчь-Посполитая могутъ дать этому дѣлу совѣтъ, окончательно рѣшить возникшіе вопросы, успокоить озабоченные умы вѣрныхъ подданныхъ его величества, и кроткою королевскою десницею привлечь ихъ всецѣло къ себѣ въ объятія.

«Мы не надѣемся, чтобъ нашелся кто-нибудь въ Рѣчи-Посполитой, кто бы сталъ смотрѣть на насъ съ завистью и недоброжелательствомъ: благородныя души свободны отъ этого порока, а низкія обыкли скрывать свои постыдныя побужденія!»

Собраніе наградило рукоплесканіемъ оратора. Онъ остановился на минуту, потомъ продолжалъ:

«Вотъ блудный сынъ возвращается къ своему отцу... Да приметъ его отецъ поцѣлуемъ мира и благоволенія! да возложитъ золотой перстень на палецъ его, да облечетъ его въ нарядныя одежды, да заколетъ упитаннаго тельца и да возвеселится съ нимъ на зависть другимъ! Обрѣтается потерянная драхма, возвращается огорченной матери, общей отчизнѣ: да веселится матерь сердечною радостью! Заблудшая овца возвращается къ своему пастырю, обрѣтшему ее: да возложитъ онъ ее на рамена свои, и понесетъ, и возрадуется великою радостію! Не тысячи — милліоны душъ стремятся къ подданству его величества и всей Рѣчи-Посполитой! Радуйся, найяснѣйшій король! твоимъ счастьемъ, вѣрностію и трудомъ совершилось это дѣло! Радуйся, найяснѣйшая королева, прилагавшая свою заботу объ этомъ дѣлѣ! Примите эту богатую землю, этотъ плодоносный египетъ, текущій млекомъ и медомъ, обильный пшеницею и всѣми земными плодами, эту отчизну воинственнаго и древлеславнаго на морѣ и на сушѣ народа русскаго! Радостно восклицаемъ отъ полноты души: vivat feliciter serenissimus rex Johannes Casimirus! vivat respublica Polona.»

Эта рѣчь показалась очень мудрою. Оратору отвѣчали:

«Найяснѣйшему королю и всей Рѣчи-Посполитой невыразимо пріятно видѣть васъ, нѣкогда свирѣпыхъ мятежниковъ, нынѣ вѣрныхъ подданныхъ отечества. Благо вамъ, что вы измѣнили старую ненависть къ Польшѣ и желаніе погубить насъ на искреннее расположеніе къ матери вашей—отчизнѣ и желаете снова вступить съ нами въ соединеніе, отъ котораго оторвали васъ старшины.»

Поданы были пункты, и послы были допущены къ рукѣ королевской.

Цѣлый мѣсяцъ послѣ того происходили пренія о гадячскомъ договорѣ, и всеобщій восторгъ уступилъ мѣсто ропоту—и въ сенатѣ, и въ посольской избѣ. Въ статьяхъ, представленныхъ козацкими депутатами, возобновлялись требованія, которыя приводили въ недоумѣніе и коммисаровъ въ Гадячѣ, и были оставлены не совсѣмъ рѣшенными. Требовалось полное уничтоженіе уніи во всей Рѣчи-Посполитой на всемъ пространствѣ, гдѣ только существуетъ русскій языкъ (póki język narodu ruskiego zasięga in genere et in specie): всѣ церкви, монастыри и всѣ заведенія, состоявшія подъ церковнымъ вѣдомствомъ, какъ школы, госпитали, и всѣ имѣнія, если когда-либо они принадлежали къ православной церкви и захвачены уніатами или езуитами,

должны быть возвращены, и при этомъ католической или уніатской сторонѣ не предоставлять права, поднявъ споръ о ихъ принадлежности, удерживать ихъ до рѣшенія суда въ своемъ владѣніи. Для этого слѣдовало назначить коммиссію, составленную изъ депутатовъ трехъ соединенныхъ земель—Польши, Литвы и Руси, а великій инстигаторъ Русскаго Княжества отберетъ все требуемое и отдастъ православной церкви, а потомъ долженъ быть созванъ въ Брацлавѣ сеймъ, и на немъ представлено будетъ донесеніе объ этомъ дѣлѣ. Уніаты и езуиты, коль-скоро станутъ противиться или звать православныхъ къ суду за оскорбленіе святыхъ таинъ, какъ это дѣлалось прежде и составляло обычный предлогъ сдѣлать придирку къ православнымъ, уже за одно упорство и подачу такого позыва должны подвергаться инфаміи (безчестію) и наказанію. Равнымъ образомъ за утайку отъ коммисаровъ чего бы то ни было, что будетъ слѣдовать къ возвращенію православной церкви, инстигаторъ Великаго Княжества Русскаго имѣлъ право звать виновныхъ къ надлежащему суду и требовать наказанія — какъ за нарушеніе правъ личныхъ и по имуществу, присвоенныхъ народу, исповѣдующему греческую вѣру — наказанія, положеннаго вообще за сопротивленіе сеймовымъ и трибунальскимъ опредѣленіямъ (ratione bonorum et personarum et omnium injuriarum ludzi religii greckiéj nie unickiej pro poena contra convulsores decretorum tam comitialium iako tribunalitiorum sancita). Козачество энергически объявляло, что оно твердо рѣшилось не уступать никому всего, что считаетъ церковнымъ достояніемъ на Руси и въ Литвѣ; уніатамъ не слѣдовало позволять быть ни архіепископами, ни епископами, ни архимандритами, ни игуменами, ни священниками; езуитамъ не дозволять пребывать въ Великомъ Княжествѣ Русскомъ. Козаки просили расширенія Великаго Княжества Русскаго и присоединенія къ нему воеводствъ Волынскаго, Подольскаго и Русскаго. Всѣ старóства и русская земля должны быть присоединены къ воеводствамъ и каштелянствамъ русскимъ; а такъ какъ воеводами и каштелянами могли быть только лица греческаго исповѣданія, то тѣмъ самимъ у католиковъ отнималось право на коронныя имѣнія внутри Русскаго Княжества. Чтобъ вознаградить потери пановъ католическаго вѣроисповѣданія, имѣвшихъ имѣнія въ Руси, русскіе просили давать этимъ панамъ первыя вакантныя мѣста въ Польскомъ королевствѣ, а ихъ прежнія имѣнія должны быть отданы туземцамъ. Въ самомъ Великомъ Княжествѣ Русскомъ хотѣли полнаго равенства шляхетскаго сословія, чтобы князья не присвоивали себѣ преимуществъ. Козаки просили

полной вольности не только въ Великомъ Княжествѣ Русскомъ, но и въ Польшѣ и Литвѣ. Гетманъ и старшины хлопотали о себѣ: гетманъ просилъ себѣ судебной власти надъ всѣмъ рыцарствомъ въ Украинѣ, съ правомъ не являться лично ни въ какой судъ ни по какой жалобѣ, а старшины домогались сугубой награды, ссылаясь на то, что̀ имъ обѣщалъ царь московскій. Разныя лица прислали на сеймъ просьбы, и депутаты должны были ходатайствовать за нихъ (1).

«Договоръ этотъ,» говорили сенаторы, «нарушаетъ коренные уставы государства въ духовномъ и мірскомъ отношеніи. Въ духовномъ—потому чго мы должны противъ совѣсти признать равенство восточной вѣры съ римскою, сами должны хулить унію—соединеніе съ нашего собственною религіею. Въ политическомъ отношеніи гадячскій договоръ разрываетъ старинный договоръ Казимира съ русскою землею, уничтожаетъ старое устройство, вводитъ новое: Русь, давняя провинція Рѣчи-Посполитой, договаривается съ нею какъ – будто чужая страна; мы должны допустить изгнаніе изъ Руси старинаго дворянства, для того, чтобъ водворить новое, должны терпѣть холоповъ въ самомъ сенатѣ. Очевидно, что Русское Княжество, котораго они домогаются, будетъ совершенно независимое государство, только по имени соединенное съ Рѣчью-Посполитою. Этого мало: можемъ ли мы надѣяться, чтобъ гетманъ украинскій могъ быть вѣрнымъ слугою короля и Рѣчи-Посполитой, когда онъ будетъ облеченъ почти царской властью и имѣть въ распоряженіи нѣсколько десятковъ тысячъ войска? Конечно, онъ будетъ повиноваться до тѣхъ поръ, пока захочетъ; а не захочетъ, будетъ сопротивляться!»

Противъ этихъ доводовъ возражали такимъ образомъ:

«Намъ необходимъ миръ. У насъ трое непріятелей. Дѣла ихъ перепутались. Козаки хотятъ мириться съ нами потихоньку отъ Москвы; Москва разсорилась съ Шведомъ. Теперь самъ Господь Богъ подаетъ намъ способы: козаки, безъ принужденія нашего, сами къ намъ возвращаются; они увидѣли, что ихъ свобода безъ нашей, а наша безъ ихъ свободы, несостоятельна. Если же мы соединимся, то не только возвратимъ отечеству его блескъ, но и силу. Будемъ съ ними договариваться искренно. Не надобно соблазняться тѣмъ, что они желаютъ самобытности, хотятъ своего правительства; конечно, намъ не желательно разлагаться на народы, но такой союзъ съ козаками не разорветъ

(1) Акты Кіев. Комм. III, 315—328.

Рѣчи-Посполитой. Этотъ союзъ будетъ точно такой, какой уже существуетъ съ Литвою. Пусть народъ надъ народомъ не имѣетъ преимущества: чрезъ то̀ и сохранится наше государство; напротивъ, предпочтеніе ведетъ къ смутамъ. Часто, подъ видомъ свободы, угнетаютъ другихъ, и оттого возникаютъ междоусобія. Равенство безъ всякаго предпочтенія однихъ другимъ есть душа свободы. Не нужно намъ никакихъ чужеземныхъ гарантій нашего союза съ козаками. Чужеземные государи, хотя бы самые честнѣйшіе, всегда будутъ проводить свою пользу и возмущать наше государство; чужеземцы насъ не сохранятъ. Лучшая гарантія будетъ взаимная любовь и довѣріе, безъ всякаго предпочтенія одной изъ сторонъ. Мы будемъ охранять свободу Украины или Руси и ея народа, а козаки— насъ. Свобода козаковъ не можетъ быть безопасна безъ связи съ нами. Опытъ уже научилъ ихъ.———А когда мы будемъ соединены безъ всякихъ внѣшнихъ посредствъ, тогда наша сила будетъ несокрушима. Миръ съ козаками не долженъ насъ ссорить съ Москвою. Напротивъ, соединимся съ козаками съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы послѣ того помириться и съ Москвою. Вѣдь и козаки намѣрены быть въ соединеніи съ Москвою, чтобъ потомъ взаимными силами обратиться къ какому–нибудь великому предпріятію. Надобно представить московскому правительству, что примиреніе съ козаками ему не во вредъ; надобно съ кротостію доказывать ему, что христіанскимъ государствамъ не слѣдуетъ пріобрѣтать оружіемъ то, что̀ можно пріобрѣсть путемъ согласія. Мы не отрекаемся отъ договора о наслѣдствѣ; мы знаемъ, что отъ этого будетъ великая польза всему христіанству. Притомъ же, мы—народы одного племени, и мало различны по языку. Будемъ договариваться прямо, не вымышлять никакихъ невозможныхъ условій, обезпечимъ будущимъ королемъ изъ московскаго дома неприкосновенность религіи, обезпечимъ свободу какъ нашу, такъ и Украины, и право избранія государей, хотя только для предостереженія. Москва не станетъ продолжать войны: она и безъ оружія все пріобрѣтетъ честно и мирно, съ выгодою для своего и нашего народа. Согласіе наше съ козаками покажетъ Москалю нашу силу и побудитъ согласиться на условія. Вѣдь шведскій король дѣлаетъ намъ теперь гордыя предложенія признать его наслѣдникомъ; но если съ кѣмъ–нибудь мириться на условіяхъ наслѣдства, такъ ужъ лучше съ Москвою. Предложеніе московскому государю остановитъ войну и позволитъ намъ раздѣлаться съ Шведами; Шведы должны будутъ помириться, ибо увидятъ иначе свою погибель. Но еслибъ Москва стала посягать на нашу свободу,

то, соединившись съ козаками, мы всегда можемъ взаимными силами охранить ее и воздать за оскорбленіе.»

Другихъ оскорбляло раздаваніе шляхетскаго званія козакамъ. «Умноженіе новыхъ дворянъ унизитъ достоинство стараго дворянства,» говорили они. «Получившіе благодѣяніе будутъ сильнѣе благодѣтелей. Какому благородному сердцу не больно будетъ, когда старинныя почести польской націи будутъ раздаваться презрѣннымъ холопамъ? Дворянское достоинство, эта награда доблестямъ, потеряетъ свою цѣнность, какъ алмазъ въ кучѣ навоза. Несчастенъ нашъ вѣкъ, когда мы принуждены платить почестями за преступленія и награждать злодѣянія! Да и кому дается дворянское званіе? Тѣмъ, которые не умѣютъ цѣнить его высокаго достоинства, тѣмъ, которые дворянскія грамоты почитаютъ дѣтскими игрушками! Были примѣры, что по случаю потери шляхетской чести за преступленіе, козаки въ насмѣшку спрашивали: а дозволено ли ѣсть и пить потерявшимъ дворянское достоинство? Вотъ—какъ они понимаютъ дворянское достоинство! Да и можемъ ли мы расположить къ себѣ этимъ козаковъ? Козаки всѣ равны между собою; если мы возведемъ въ дворянское достоинство только нѣкоторыхъ, то раздражимъ остальныхъ, которые не получатъ этого званія, столь для нихъ ненавистнаго. И, правду сказать, мы болѣе вооружимъ противъ себя огромную толпу, чѣмъ возбудимъ благодарность въ тѣхъ, которыхъ допустимъ въ благородное сословіе. Да, если давать козакамъ дворянство, то давать всѣмъ, а не кому—нибудь, дабы всѣхъ, а не малую часть, преклонить къ повиновенію Рѣчи—Посполитой. Но кто же согласится на такое униженіе, чтобъ кивотъ Рѣчи—Посполитой, хранимый отъ вѣковъ какъ величайшее сокровище, отдать на приманку черни? Нѣтъ! если козаки хотятъ соединиться, пусть идутъ къ намъ добровольно, безкорыстно, а не такъ какъ плотоядныя животныя, которыхъ надобно приманивать пищею!»

Другіе были противнаго мнѣнія. «Достоинство дворянское,» говорили они, «болѣе имѣетъ цѣны, когда пріобрѣтается доблестями, чѣмъ когда получается чрезъ наслѣдство, когда оно—даръ признательности за службу отечеству, а не награда за лежаніе въ колыбели. Кто своими предками тщеславится, тотъ хвалится чужимъ, а не своимъ: пусть же онъ своими дѣлами покажетъ, что достоинъ званія, которое носитъ! Иначе закопченыя изображенія предковъ, висящія по стѣнамъ его дома, его фамильные гербы—все ничто, если онъ даетъ свое имя единственно быкамъ, которыхъ стадами отправляетъ изъ своего

имѣнія на продажу. Въ прошедшія войны много погибло шляхетства; надобно замѣнить убитыхъ; чѣмъ давать шляхетство за деньги, гораздо справедливѣе даровать его козакамъ въ награду за возвращеніе ихъ къ отечеству и за присоединеніе Украины къ Рѣчи-Посполитой, и черезъ то́ мы утвердимъ въ нихъ любовъ къ общему отечеству. Намъ слѣдуетъ даровать какъ-можно-болѣе свободы козакамъ, чтобъ расположить ихъ къ себѣ. — — Нечего бояться образованія Княжества Русскаго: сохраняя свое правильное устройство, подобное великому княжеству Литовскому, оно всегда останется частью Рѣчи-Посполитой. Что́же касается до прежнихъ мятежей, которые козаки поднимали противъ насъ, то надобно все приписать божію наказанію надъ нами и все покрыть полною амнистіею.»

Тогда нѣкоторые шляхтичи съ большимъ жаромъ говорили за козаковъ. «Вотъ,» говорили они, «сбывается предреченіе Стефана Баторія, который говорилъ, что изъ этихъ удальцовъ—козаковъ со временемъ образуется вольная Рѣчь-Посполитая. Козаки никому не кланялись, не выпрашивали шляхетства черезъ поклоны придворнымъ, а добываютъ его мужественнымъ сердцемъ и саблею. Что́ за бѣда, что они были мужики, а теперь шляхтичи? Вѣдь и Македоняне были грубые долопы, и Римляне возникли изъ пастуховъ, и Турки изъ разбойниковъ, и наши Поляки прежде не были шляхтичи, а пріобрѣли шляхетское достоинство кровью и отвагою (1).» При этомъ шляхтичи въ утѣшеніе себѣ приводили на память пѣсенку, сочиненную въ Англіи въ XIV вѣкѣ и потомъ распространившуюся въ Польшѣ: «когда Адамъ копалъ землю, а Ева пряла,—никто никому не служилъ, никто никого не называлъ холопомъ (2).»

Были даже такія, полныя сознанія, рѣчи:

«Не козаки нарушили союзъ, а мы. Гордость наша виновата. Мы съ ними обращались безчеловѣчно. Мы не только унижали ихъ предъ собою, но предъ человѣчествомъ; мы не только лишали ихъ правъ, которыя были ихъ достояніемъ, но отнимали у нихъ естественныя права. Вотъ Господь Богъ и показалъ намъ, что́ и они люди какъ и другіе, и достойно покаралъ наше высокомѣріе. Они болѣе заслуживаютъ нашего уваженія, чѣмъ тѣ, которые раболѣпно отдаются ко-

(1) Лѣтоп. малор.—Лѣт. Велич. I, 337—338.

(2) Hist. panow. Jana Kaz. II, 28.

Jak Ewa kądziel przędła, Adam ziemię kopał—
Nikt nikomu nie służył, ani kogo chłopał.

ролю и чужому государству, не думая расширять свою свободу. Козаки упорно предпочитаютъ лучше погибнуть и исчезнуть, чѣмъ торжествовать безъ свободы. Мы ниже ихъ: они сражались съ нами за свободу, а мы — за безсильное господство!»

Требованіе уничтоженія уніи въ томъ видѣ, какъ хотѣли козаки, не нашло поборниковъ даже между самыми отъявленными защитниками вѣротерпимости и полной свободы совѣсти. Одобряя прежнее обращеніе Поляковъ съ протестантскимъ ученіемъ, когда предоставлялась полная гражданская свобода всѣмъ, независимо отъ вѣрованія, либеральные депутаты говорили:

«Все это относится до еретиковъ, — не относится до Руси. Греческіе обряды, различные отъ римскихъ, не противны религіи, коль скоро догматы вѣры правильны и неизмѣнны. Но уничтоженіе уніи будетъ уже насиліе нашей собственной совѣсти. Унія есть та же католическая вѣра, только съ своими обрядами: какъ же намъ осуждать религію, которую сами исповѣдуемъ? Это было бы крайнее неблагоразуміе, зло и настоящая ересь; это значитъ признавать приговоръ беззаконія надъ собою. Уничтожить унію есть дѣло несовмѣстное съ совѣстью, и нѣтъ никакого способа поставить его такъ, чтобы наша совѣсть осталась спокойна. Конечно, никакъ не слѣдуетъ присоединять греческаго обряда къ римскому; пусть патріархъ, какъ и прежде, правитъ русской церковью, лишь бы догматы вѣры были неизмѣнны; а зависимость приговоровъ отъ единаго главы не выдумана римскою гордостью, какъ нѣкоторые говорятъ: это благоразуміе, установленное отъ самого Бога. Нельзя назвать вселенскою церковью ту, которая зависитъ отъ произвола церковныхъ властей. Слѣдуетъ существовать соборамъ, а рѣшеніе и зависимость исходитъ отъ одного лица: иначе церковь распадается на различныя ученія. Впрочемъ, этотъ вопросъ слѣдуетъ предоставить богословамъ на ихъ конференціи (1).»

Среди разнородныхъ толковъ и споровъ на сеймѣ, возвысилъ тогда предъ сенаторами свой голосъ Казимиръ Бенёвскій, котораго тогда сильно порицали за гадячьскій договоръ.

«Козаковъ,» говорилъ онъ, «такое множество, и такъ они сильны, что надобно радоваться, если они, на какихъ бы то ни было условіяхъ, присоединяются къ Рѣчи-Посполитой; раздражить ихъ въ на-

(1) Польск. ркп. И. П. Б., отд. II, № 15.

стоящее время, какъ дѣлали мы прежде, будетъ величайшимъ безумiемъ; вы сами знаете, въ какомъ теперь состоянiи Рѣчь-Посполитая: съ одной стороны намъ угрожаютъ Шведы, съ другой — Москали; въ нашемъ положенiи, противиться требованiямъ козаковъ значило бы самимъ отвергать помощь, когда она намъ добровольно предлагается. Надобно сначала ласкать козаковъ, и современемъ, когда они обживутся съ нами, чины Рѣчи-Посполитой могутъ измѣнить все на старый ладъ. Что́ жъ такое уничтоженiе унiи? Неужели вы думаете, что козаки большiе богословы и апостолы? Мы теперь должны согласиться для вида на уничтоженiе унiи, чтобъ ихъ приманить этимъ; а потомъ... объявится свобода греческаго вѣроисповѣданiя, отдадутся благочестивымъ церкви и имѣнiя, отобранныя уніатами — это ихъ успокоитъ; потомъ мы создадимъ законъ, что каждый можетъ вѣрить ка̀къ ему угодно: — вотъ и унiя останется въ цѣлости. Отдѣленiе Руси въ видѣ особаго княжества будетъ тоже не надолго: козаки, которые теперь думаютъ объ этомъ, перемрутъ, а наслѣдники ихъ не та́къ горячо будутъ дорожить этимъ, и мало по малу все приметъ прежнiй видъ.»

Пренiя успокоились отъ убѣжденiй человѣка, который самъ заключилъ трактатъ, и самъ теперь представляетъ въ будущемъ надежду нарушить его. Сдѣлали нѣкоторыя смягченiя по вопросу объ уничтоженiи унiи, отвергли присоединенiе остальныхъ воеводствъ къ великому княжеству Русскому, и отправили къ Выговскому. Мы не знаемъ этихъ измѣненiй, ни вообще относительно вопроса объ унiи; они касались, вѣроятно, только подробностей, ибо статья уничтоженiя осталась въ договорѣ. Король самъ писалъ очень любезное письмо къ гетману. Тотъ послалъ свое согласiе, и 6 мая послалъ гонца къ королю, и приказалъ ему ѣхать скоро днемъ и ночью. Гетманъ просилъ какъ-можно-скорѣе утвердить договоръ и прислать обратно депутатовъ для спокойствiя края.

Обѣ Избы утверждали договоръ въ полной увѣренности, что это дѣлается для приманки русскаго народа: представители Рѣчи-Посполитой утѣшали себя тѣмъ, что будутъ имѣть возможность нарушить его.

XV.

По утвержденiи договора на сеймѣ, назначили день торжественной присяги. Это событiе происходило 22 мая. Въ сенаторской Избѣ, посреди всѣхъ собранныхъ духовныхъ и свѣтскихъ членовъ сената и всѣхъ пословъ Рѣчи-Посполитой, приготовленъ былъ великолѣпный

тронъ. Собрались члены засѣданія; въ одиннадцатомъ часу утра явился король и сѣлъ на тронъ. Тогда позвали пословъ Великаго Княжества Русскаго. Они взошли въ парадной процессіи и стали въ рядъ. Канцлеръ коронный во имя короля и Рѣчи-Посполитой проговорилъ красно-сложенную рѣчь: объявлялъ козакамъ и русскому народу совершенное прощеніе и примиреніе, и извѣщалъ, что его величество король соизволилъ утвердить гадячскій договоръ, заключенный Беневскимъ 16 сентября 1658 года. По окончаніи этой рѣчи, примасъ королевства, гнѣзненскій архіепископъ, всталъ съ своего мѣста и подалъ королю написанную присягу. Положа два пальца на евангеліе, Іоаннъ-Казиміръ проговорилъ ее слѣдующимъ образомъ:

«Я, Іоаннъ-Казиміръ, милостію Божіею король польскій, великій князь литовскій, русскій, прусскій, мазовецкій, кіевскій, жмудскій, волынскій, лифляндскій, смоленскій, черниговскій, шведскій, готскій и вандальскій наслѣдственный король, присягаю Господу Богу всемогущему, въ Троицѣ святой сущему, единому, предъ святымъ его евангеліемъ въ томъ, что я принимаю и утверждаю договоръ, заключенный, отъ имени нашего и отъ имени всей Рѣчи-Посполитой, съ Войскомъ Запорожскимъ, и обѣщаю сохранять и исполнять и оберегать этотъ договоръ, ни въ чемъ его не уменьшая, но всячески предохраняя отъ какого бы то ни было измѣненія. Никакія привилегіи, древнія и новыя, никакія сеймовыя конституціи, какъ прошлыя, такъ и будущія, никакія уловки и толкованія никогда во вѣки не будутъ вредить этому договору и всѣмъ пунктамъ его, заключающимъ права и преимущества греческой религіи Великаго Княжества Русскаго и народной свободы. Я и наслѣдники мои обязываемся королевскою присягою хранить этотъ договоръ ненарушимо и неприкосновенно на вѣчные вѣки и оказывать справедливость жителямъ Великаго Княжества Русскаго безо всякой проволочки и лицепріятія, по ихъ правамъ и обычаямъ; и еслибъ я, сохрани Боже, нарушилъ эту мою присягу, то народъ русскій не долженъ мнѣ оказывать никакой покорности: такимъ поступкомъ я увольняю его отъ достодолжнаго повиновенія и вѣрности, причемъ обѣщаюсь не требовать и ни отъ кого не принимать разрѣшенія этой моей присяги. Да поможетъ мнѣ Господь Богъ и святое его евангеліе. Аминь.»

За королемъ присягали отъ лица всего римско-католическаго духовенства архіепископъ гнѣзненскій — примасъ духовенства въ королевствѣ Польскомъ, и епископъ виленскій — главное духовное лицо

въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Архіепископу гнѣзненскому читалъ присягу канцлеръ. «Клянусь,» гласила присяга, «что ни я, ни преемники мои не станемъ нарушать ни въ чемъ гадячской коммиссіи и не будемъ допускать къ нарушенію оной ни его королевское величество, ни кого бы то ни было въ королевствѣ Польскомъ и великомъ княжествѣ Литовскомъ, ни явными, ни тайными средствами, ни протестаціями, ни клятвами, ни порицаніями.»

Присягнули гетманы коронный и литовскій за все войско. «Обѣщаемся,» говорили они, «не нарушать гадячской коммиссіи и не допускать къ нарушенію ни совѣтомъ нашимъ, ни войскомъ, и если бы кто хотѣлъ ее нарушить, того мы обязываемся укротить войскомъ нашимъ.»

Присягали канцлеры и подканцлеры королевства Польскаго и великаго княжества Литовскаго. «Обязываемся,» говорили они, «никакихъ грамотъ, указовъ, привилегій, завѣщаній, противныхъ гадячской коммиссіи, заключенной съ Войскомъ Запорожскимъ и совсѣмъ народомъ русскимъ, не выпускать и не дозволять выпускать изъ нашихъ канцелярій.»

Присягнулъ Янъ Гнѣнскій, маршалъ Посольской Избы, отъ лица всѣхъ представителей Рѣчи-Посполитой. «Мы и наслѣдники наши,» говорилъ онъ, «обязываемся и присягаемъ хранить гадячскую коммиссію, заключенную именемъ короля и всей Рѣчи-Посполитой съ Войскомъ Запорожскимъ и со всѣмъ народомъ русскимъ, ни въ чемъ ее не нарушать и всегда препятствовать нарушать оную; равнымъ-образомъ, не требовать ни отъ кого и не принимать разрѣшенія нашей присяги.»

По окончаніи присяги всѣхъ чиновъ Рѣчи-Посполитой, слѣдовала присяга со стороны представителей Великаго Княжества Русскаго. Кіевскій митрополитъ принесъ евангеліе, окованное золотомъ, и распятіе, и положилъ на столѣ. Начальные люди изъ козацкихъ пословъ произносили присягу сначала по одиночкѣ, поднявъ вверхъ пальцы, и по окончаніи рѣчи цѣловали евангеліе; потомъ, по два человѣка разомъ, присягали—атаманы, есаулы и сотники; а наконецъ, когда эта церемонія показалась слишкомъ длинною, всѣ остальные стали на колѣни и подняли вверхъ два пальца. Генеральный писарь, Груша, читалъ за всѣхъ присягу и, по окончаніи, всѣ цѣловали евангеліе и крестъ. Присяга русскихъ пословъ была такова:

«Мы, послы русской націи, отъ имени ея присягаемъ Богу всемогущему, во святой Троицѣ сущему, въ томъ, что отъ сихъ поръ мы пребудемъ вѣрны его величеству государю своему Іоанну-Казиміру,

королю польскому и шведскому и великому князю литовскому, и его законнымъ наслѣдникамъ и польской Рѣчи-Посполитой, обѣщаемъ во всякое время охранять ихъ своимъ тѣломъ, кровію, жизнью и имуществомъ противъ всякаго врага, при всякомъ случаѣ; отрекаемся отъ всякихъ союзовъ, прежде нами заключенныхъ съ иными, и отъ сношенія съ чужими государствами, особливо съ царемъ московскимъ; обѣщаемъ не принимать и не посылать посланниковъ и ни съ кѣмъ не переписываться безъ вѣдома его величества или наслѣдниковъ его ивсей Рѣчи-Посполитой; въ случаѣ безкоролевья, участвовать въ избраніи королей купно со всею Рѣчью-Посполитою и ничего не постановлять безъ позволенія Рѣчи-Посполитой; не начинать бунтовъ, но укрощать всякое малѣйшее покушеніе къ онымъ, коль скоро оно сдѣлается намъ извѣстнымъ; во всемъ сообразоваться съ волею его величества и Рѣчи-Посполитой и споспѣшествовать всему, что́ къ пользѣ его величества и цѣлой короны польской служить можетъ. Если же, сохрани Богъ, кто-нибудь изъ насъ дерзко станетъ дѣйствовать вопреки сему, то мы свидѣтельствуемъ предъ Богомъ, что насъ никто отъ этого грѣха разрѣшить не можетъ, ни патріархъ, ни митрополитъ, ни другое какое-либо лицо.»

Въ другомъ экземплярѣ, подробнѣйшемъ, и вѣроятно, написанномъ уже послѣ обряда, конецъ этой присяги таковъ: «Если же мы, съ гетманомъ и со всѣмъ Войскомъ Запорожскимъ, кромѣ бунтовщиковъ, которыхъ обѣщаемся истреблять, окажемся противными гадячской коммиссіи, то теряемъ всѣ права и вольности, намъ данныя.»

По окончаніи присяги послы были допущены къ королевской рукѣ, и все собраніе торжественнымъ шествіемъ отправилось въ церковь св. Іоанна, гдѣ отправлено было благодарственное богослуженіе. Едва только хоръ окончилъ «Te Deum laudamus», какъ въ то же мгновеніе пошелъ дождь; «этотъ дождь,» говоритъ современникъ, «былъ теплый и плодотворный дождь, и вслѣдъ за нимъ послѣдовала прекрасная, свѣжая погода. Поляки принимали это явленіе за счастливое прообразованіе: ка́къ этотъ дождь приноситъ свѣжесть и плодородіе, та́къ возстановленный миръ да обогатитъ благословеніемъ и даруетъ процвѣтаніе Рѣчи-Посполитой!»

Послѣ того, знатнѣйшіе сановники приглашали пословъ Великаго Княжества Русскаго на пиршества, принимали ихъ съ знаками любви и уваженія; козаки показывали большую привязанность къ королю и Рѣчи-Посполитой. «Мы теперь желаемъ одного,»—говорили они,—

«чтобъ насъ послали противъ Москалей или Шведовъ, дабы доказать, какъ охотно готовы мы принесть свою жизнь за его величество. Въ-случаѣ, если Шведъ откажется заключить честный миръ, мы съ большими силами вторгнемся въ Ливонію, даже въ сердце самой Швеціи, чтобъ возвратить нашему государю права, данныя ему Богомъ и справедливостію.» Они, дѣйствительно, отправили грека Ѳеодосія въ Швецію съ извѣстіемъ, отъ имени всей русской націи, что русская нація заключила съ королемъ и Рѣчью-Посполитою вѣчный миръ, и поэтому нетолько должны прекратиться всѣ прежніе договоры съ Швеціею, но если шведскій король не вознаградитъ польскаго короля за всѣ потери, которыя нанесъ ему во время войны, то они вторгнутся въ Швецію и въ принадлежащія ей земли (1).

Такъ совершилось это громкое и—безплодное дѣло. Король и чины Рѣчи-Посполитой произносили свою страшную присягу въ полной увѣренности, что измѣнятъ ей. Козаки, несмотря на свои увѣренія, мало въ сущности подавали надежды: если они за пять лѣтъ передъ тѣмъ присягали въ вѣрности московскому государю, а теперь присягали королю, то и послѣдняя присяга ихъ могла подвергнуться участи первой. Прибывшіе козаки произведены были въ шляхтичи, но навѣрно не всѣ, ибо о Носачѣ послѣ говорено было, что онъ остался неудовольствованъ, въ то время, когда давали дворянство слугамъ Выговскаго (2). Тогда же Поляки съ неудовольствіемъ замѣтили, какъ одинъ какой-то весельчакъ, изъ произведенныхъ въ шляхтичи, спросилъ своего товарища:

— А что, братъ, не сдѣлалась ли тѣнь моя больше, когда я сталъ дворяниномъ (3)?

Обласканные, они возвратились въ свое Великое Княжество Русское, и Великое Княжество Русское пало при самомъ своемъ основаніи.

XVI.

Мы уже видѣли, какъ много было враговъ у Выговскаго и его партіи, и какъ удобно могли они найти себѣ опору въ народной массѣ. Гадячскій трактатъ грозилъ Украинѣ утвержденіемъ шляхетскаго

(1) Umständliche Relation. — Присяги при спискахъ гадячскаго договора.
(2) Пам. Кіев. комм. III, 3. 427.
(3) Ann. Pol. Cl. II, 394.

порядка, ненавистнаго черни. То, чего народъ такъ боялся, теперь совершалось. Еще смыслъ новозаключеннаго союза съ Польшею не былъ вполнѣ извѣстенъ народной массѣ; но для народа было уже достаточно того, что Украина соединялась съ Польшею: это соединеніе, въ какой бы формѣ оно ни являлось, было ненавистно при слишкомъ свѣжихъ воспоминаніяхъ о прошедшемъ.

По возвращеніи изъ Варшавы, Немиричь принялъ начальство надъ *затяжнымъ* войскомъ, и разставилъ его въ Нѣжинѣ, Черниговѣ, Борзнѣ и другихъ мѣстахъ. *Консистенція* (квартированіе) затяжнаго войска всегда была самымъ тягостнымъ для народа обстоятельствомъ и одною изъ важнѣйшихъ причинъ ненависти къ польскому владычеству. Народъ, не зная и не понимая сущности договора съ Польшею, видѣлъ въ этомъ появленіи войска въ Украинѣ возвращеніе къ старымъ временамъ. Легко могли тогда воспользоваться недовольствомъ народа враги Выговскаго и честолюбцы, увидавшіе въ его низверженіи возможность подняться самимъ. Протопопъ Филимоновъ усилилъ свою работу. Въ Нѣжинѣ присталъ къ нему Василій Золотаренко, шуринъ Богдана Хмельницкаго. Онъ надѣялся сдѣлаться гетманомъ. Въ Переяславѣ, полковнику Тимоѳею Цюцюрѣ пришла тоже мысль достичь гетманства услугами московскому правительству. Двѣ соперничествующія стороны на-время дѣйствовали, пока, заодно. Между-тѣмъ, другіе внушили Юрію Хмельницкому притязаніе искать гетманства, какъ своего права, уже дарованнаго ему народомъ на радѣ. Юрій отправилъ слугу своего отца, Ивана Мартыновича Бруховецкаго, въ Запорожье: храбрый Иванъ Сѣрко, Кальницкій полковникъ, бывшій въ Сѣчѣ, принялъ его сторону, и Сѣчь провозгласила его гетманомъ. Сѣрко съ Запорожцами шелъ на города, призывая подъ свои знамена козаковъ именемъ Хмельницкаго. Цюцюра, чтобъ выслужиться скорѣе, рѣшился на смѣлое дѣло: въ послѣднихъ числахъ августа, онъ началъ призывать къ себѣ значныхъ козаковъ Переяславскихъ, сотника Стефана Северина, нѣкоторыхъ изъ знатныхъ и богатыхъ фамилій, каковы были—Сулимы, Лободы и другія. Каждаго призывалъ онъ по одиначкѣ и склонялъ ихъ принять сторону Москалей и пригласить князя Трубецкаго съ войскомъ; каждый отвергалъ предложенія, и каждаго Цюцюра приказывалъ связывать и потомъ убивать. Такъ погибалъ каждый, добровольно приходя на смерть, не зная, что́ сдѣлалось съ тѣмъ, кто являлся къ Цюцюрѣ прежде. Гонецъ поскакалъ къ Трубецкому съ извѣстіемъ, что враги царя истре-

блены, и съ просьбою скорѣе двинуться къ Переяславу. 1 сентября присланы были изъ Переяслава отъ Цюцюры козаки въ Нѣжинъ. Въ городѣ стояли затяжные жолнеры; полковника Гуляницкаго не было въ городѣ. Золотаренко, вмѣсто его начальствовавшій въ Нѣжинѣ, оставилъ ворота безъ стражи; козаки вошли ночью, и крикнули: *бійте Ляхівъ*! Посполитые пристали къ козакамъ, и въ теченіе одного часа перебили всѣхъ жолнеровъ безъ разбора: пять *хоругвей* ихъ погибло, говоритъ современникъ; никого не щадило поспольство, потому–что не хотѣло давать *стаціи* (содержанія) жолнерамъ. По примѣру Нѣжина, и въ другихъ сосѣднихъ городахъ и мѣстечкахъ начали избивать жолнеровъ. Ихъ *реймептарь* — Немиричъ бѣжалъ; козаки поймали его за Кобизчею, близь села Свѣдовца, и изрубили въ куски.

Выговскій, услыхавъ о возмущеніи, убѣжалъ изъ Чигирина, по собственнымъ словамъ его, верхомъ, въ одной *сукманкѣ* (1), и назначилъ раду подъ Германовкою (2). Онъ приказалъ Верещакѣ и Сулимѣ читать предъ собраніемъ Гадячскій договоръ, и собирался объяснить выгоды, какія получитъ отъ этого отечество, и разсѣять возникшіе толки. Но въ собраніи поднялся шумъ и крикъ. Обвиняли гетмана за разореніе мѣстечекъ и селъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, за жестокія казни надъ своими врагами; нѣкоторые говорили, что гетманъ продаетъ Украину крымскому хану и хочетъ возстановить Астраханское царство; укоряли его, что онъ оклеветалъ московскаго государя и взвелъ на него такіе умыслы, о которыхъ царь и не думалъ (3). Многихъ пугала возрастающая власть Выговскаго, который, изъ избраннаго и зависящаго отъ собранія предводителя, дѣлался воеводою и княземъ русскимъ (4). Его возвышеніе вооружало противъ него и старшинъ, прежнихъ соучастниковъ его замысловъ,—однихъ— по зависти, другихъ — по причинѣ личнаго его высокомѣрія и вражды: такимъ–образомъ, онъ раздражилъ Носача, который былъ хуже другихъ вознагражденъ на сеймѣ; раздражилъ Ковалевскаго, умышляя тайно на жизнь его въ Чигиринѣ (5). Но болѣе всего воружились противъ Гадячскаго договора козаки, не попавшіе въ дворянство

(1) Пам. кіевск. комм. III, 325.
(2) Пам. кіевск. комм. III, 377.
(3) Лѣт. малоросс.
(4) Пам. кіевск. ком. III, 425.
(5) Пам. кіевск. ком. III, 3, 430.

и завидовавшіе тѣмъ, которые получили его (¹). Они были увѣрены прежде, что Гадячскій договоръ дастъ имъ всѣмъ шляхетское право, но потомъ увидѣли, что только немногимъ оно досталось, по произволу гетмана, и для того, чтобъ властвовать надъ остальными. Рада превратилась въ неистовую междоусобную драку. Верещака и Сулима были изрублены въ куски; самъ Выговскій избѣжалъ смерти, оттого, что его закрыло наемное войско — польскій отрядъ въ тысячу человѣкъ, убѣжавшій вмѣстѣ съ нимъ изъ разъяреннаго собранія. «И бѣжалъ онъ»,—говоритъ украинскій лѣтописецъ,—«какъ бѣжитъ обожженный изъ пожара».

XVII.

Нѣкоторые пріятели совѣтовали Выговскому бѣжать въ степь къ хану. Посланникъ турецкій предъ тѣмъ только пріѣзжалъ къ нему, съ готовностью, отъ имени Порты, защищать его и толковалъ, что Турція давно уже имѣетъ право на Украину, потому-что одиннадцать лѣтъ охраняетъ ее своимъ оружіемъ отъ разныхъ непріятелей. Выговскій отвергъ это предложеніе, несмотря на то, что жена его находилась въ Чигиринѣ, и вмѣстѣ съ Андреемъ Потоцкимъ, отправился въ Бѣлую-Церковь.

Толпа козаковъ послѣдовала за нимъ, и недалеко отъ Бѣлой-Церкви, въ Взиньи, собралась снова рада. На этой радѣ Выговскій былъ отрѣшенъ отъ гетманства и гетманомъ провозглашенъ Юрій Хмельницкій. Къ Выговскому явились посланцы и требовали, чтобъ онъ пріѣхалъ на раду и торжественно сложилъ булаву. Выговскій не поѣхалъ. Тогда снова явились къ нему каневскій полковникъ Лизогубъ и миргородскій-Лѣсницкій и требовали, чтобы Выговскій, если самъ не хочетъ ѣхать, то прислалъ бунчукъ и булаву. При этомъ они обратились къ начальнику вспомогательныхъ польскихъ войскъ, Андрею Потоцкому, просили его склонить гетмана и увѣряли, что Войско Запорожское желаетъ оставаться въ вѣрности и подданствѣ короля. Выговскій еще сопротивлялся, но разсудилъ, что противъ воли цѣлаго козачества нельзя удерживаться, и сказалъ: «Я отдаю бунчукъ и булаву, но съ тѣмъ условіемъ, что Войско Запорожское останется въ непоколебимой вѣрности королю».

Полковники обѣщали.

(¹) Hist. pan. Jana Kaz. II, 483, 102.

Выговскій вручилъ свою булаву и бунчукъ брату своему, Данилу, и вмѣстѣ съ послами отправилъ его на раду.

Андрей Потоцкій послалъ съ ними польскаго полковника, Корчевскаго, съ тремя пунктами: во-первыхъ, чтобъ козаки дали присягу въ вѣрности королю, чтобъ ввели дворянство въ имѣнія и выпустили жену Выговскаго и другихъ людей, находящихся въ Чигиринѣ, для чего дали бы заложниковъ въ вѣрности.

На дорогѣ, эти послы встрѣтили козацкое войско. Козаки грозили силою схватить Выговскаго, показывали длинное обвиненіе, написанное на радѣ, и требовали, чтобъ Поляки его оставили. «Каждый изъ насъ»,—отвѣчалъ Корчевскій,—«лучше радъ—и не разъ, а нѣсколько разъ — умереть, нежели постыдно оставить усерднаго слугу короля».

Но козаки успокоились, когда узнали, что Выговскій добровольно отказывается отъ гетманства. Бунчукъ и булава положены были на радѣ.

Козаки радостными окликами провозгласили Юрія Хмельницкаго гетманомъ.

Взявши булаву, Юрій спросилъ: — кого желаете признать государемъ: — польскаго короля или московскаго царя? —

Старшины и простые козаки закричали, что они желаютъ короля. Но на этой радѣ было немногочисленное собраніе: черезъ нѣсколько дней оказалось, что большинство было вовсе не на сторонѣ короля.

«Благодарю васъ за вѣрность,» — сказалъ Корчевскій, и подалъ имъ другіе два пункта.

На выпускъ жены Выговскаго козаки согласились. Что же касается до требованія ввести шляхту въ имѣнія, то они — говоритъ Андрей Потоцкій въ своемъ донесеніи — отложили разсужденіе объ этомъ на дальнѣйшее время, а исполненіе будетъ развѣ въ день судный.

По окончаніи рады, обозный Носачъ, полковники Гуляницкій и Дорошенко, прибыли въ Бѣлую Церковь и дали Выговскому подписку гетмана и всѣхъ старшинъ въ томъ, что они доставятъ ему жену и поляковъ изъ Чигирина ([1]).

([1]) Пам. Кіевск. Комм. III. З. 378—382.

Такъ окончилось гетманство Выговскаго; съ нимъ кончилось и Великое Княжество Русское. И Украинцы и Поляки были не въ состояніи — первые — понять этотъ плодъ созданія головъ, стоявшихъ не въ уровнѣ съ народомъ, вторые — съ честію и прямотою сохранить данное слово.

Эти междоусобныя смуты разстроили Украину нравственно и физически. «Сила козаковъ ослабѣла въ буряхъ междоусобныхъ», — писалъ Выговскій къ королю (1): «громаднѣйшіе полки: Полтавскій, гдѣ было сорокъ тысячъ населенія, Миргородскій, гдѣ было тридцать тысячъ, Прилуцкій и Ирклѣевскій, погибли въ конецъ; города и села заростаютъ крапивою. Здѣсь страшное вавилонское столпотвореніе,— говоритъ Полякъ современникъ, описывая междоусобія при Выговскомъ (2): мѣстечко воюетъ противъ мѣстечка, сынъ грабитъ отца, отецъ — сына. Цѣль ихъ — чтобы не быть ни подъ властію короля, ни подъ властію царя; и они думаютъ этого достигнуть — ссоря и стращая короля — царемъ, а царя — королемъ. Благоразумнѣйшіе молятъ Бога, чтобъ кто нибудь — король ли, царь ли — скорѣе забралъ ихъ въ крѣпкія руки, и не допускалъ безумной черни своевольничать.»

Н. Костомаровъ.

Январь 1861.

---

(1) Пам. Кіевск. Ком., III. 3. 405.

(2) Пам. Кіевск. Ком., III. 3. 302, 300.

БАЙКИ.

I.

ВОВКЪ ТА ЯГНЯ.

На свíті вже давнó ведéтця,
Що ни́жчий передъ ви́шчимъ гнéтця,
А бíльший мéнчого тусáе та ще й бьé,—
За-тимъ, що си́ла е...
Приміръ не дóвго-бъ показáти,—
Та—цуръ ёму!—на щó чіпáть...
А все щобъ прáвди не ховáть,
Я хóчу бáйку росказáти.

У-лíтку, сáме середъ днá,
Пустýючи, дурнé Ягнá
Самó забúлося до рíчки—
Напúтися водúчки.
Отъ, чи пилó, чи нí,—гледить—
Ажъ сýне Вовкъ—такúй страшéнний
Та здоровéнний!
Та такъ прямíсінько й бíжúть
До бíдного Ягняти.
Ягняти нíкуди тікáти:
Стоíть, сердéшне, та дрижúть...
А Вовкъ, ненáче комисáръ, кричúть
(Вінъ, щобъ присікатьця, знайшóвъ причúну):
«На щó се ти, собáчий сúну,
Тутъ каламýтишъ бéрегъ мій

Та ква́пишъ нісъ пога́ний свій
У чи́стую оцю́ю во́ду?
Та я тобі за сю́ю шко́ду—
Ти зна́ешъ—що́ зроблю?..
Якъ му́ху задавлю!»
— «Ні, па́ночку...» Ягня́ ёму́ мовля́е:
«Води́ці я не зколоти́въ,
Бо ще й не пивъ;
А хочъ би й пи́въ, то шко́ди въ тімъ нема́е,
Бо я сто́ю зовсімъ не тамъ,
Де́ тре́ба пи́ти вамъ,
Та ще й вода́ одъ васъ сюди́ збіга́е».—
«Такъ се-бъ то я брешу́?» тутъ Вовкъ ёму́ гукну́въ.
«Чи бачъ! іще й базікать ста́ло...
Тако́го ще пога́ньця не бува́ло?..
Здае́тця, ти й позато́рікъ тутъ бувъ
Та ка́пості мині робивъ.... Трива́й-же!
Ти ду́маешъ, що я забу́въ?...
— «Поми́луйте!» ёму́ Ягня́тко ка́же:
«Я на́ сві́ті ще й го́ду не прожи́въ».
«Такъ братъ твій бувъ».—«Нема́ братівъ».—
«Такъ, мо́же, ба́тько,
Коли́ не дя́дько...
Або́ жъ хто-не́будь зъ ва́шихъ бувъ...
Хіба́ не зна́ю я, не чувъ,
Що ви усі мене́ бъ иззі́ли,
Якъ-би вловили?
Соба́ки й вівчарі твоі,
Усі ви—вороги́ моі;
Одъ васъ мині життя́ нема́е...
Ще́ ма́ло я терпівъ?»
— «Такъ чимъ же я вамъ досади́въ?»
Ягня́тко, пла́чучи, пита́е.
«Цить, ка́постне! либо́нь не зна́е...
Ще й огриза́етця, щеня́!
Що́ ти за пти́ця?! ти—Ягня́!
Якъ сміло ти мене́ пита́ти?

Вовкъ, може, їсти захотівъ!..
Не вамъ про тéе, дýрнямъ, знáти!»

И—Вовкъ Ягнáтко задавúвъ...
На щó ёмý про тéе знáти,
Що, мóжé, плáче бідна мáти,
Та побивáється якъ рúбонька объ лідъ:
Вінъ вовкъ, вінъ панъ... ёмý не слідъ....

Л. Глѣбовъ.

II.

ЛЕВЪ ТА МИША.

Старéнька Мúша горювàла—
Ій бíдній, нігде булó жить,
Головоньки на старість прихилúть:
Самá-собі по свíтові блукáла...
Дітóкъ нема: булú колúсь,
Тепéрички по світу розбрелúсь...
Одúнъ-одúна зостáлась мáти! —
Отъ и пішлá вонá звичáйненько прохáти,
Щобъ Левъ въ дуплí дозволивъ ій,
Самóтній и старій,
Хазяйство завестú малéньке,
Билá *їхъ мúлости* блúзéнько:
«Хочъ сúла всімъ страшнá твоя,
Хочъ панъ ти, (кáже), міжъ панáми,
Та, хтó зна, щó ще бýде зъ нáми?
Въ пригóді, мóже, стáну й я...»
— Хтó? ти? — Левъ заревівъ: — такá погáна,
Менé, такóго пáпа —
Сюдú задýрювать прийшла?..
Пішлá!!
Бачъ, теревéні роспустúла!
Тікáй, поки ще цілá! —
Злякáлась Мúша, та притьмóмъ,
Поміжъ травбю, лопушкóмъ,

Зъ перепóлоху почухрáла —
Туди́-сюди́ — й зъ очéй пропáла.
А Левъ пішовъ пожи́ви розглядáть, —
Та у тенéта, якось, и́ піймáвся.
Рвону́въ вінъ разъ — тенéта не тріщáть;
У-дру́ге, въ-трéте — ні!.. Вже якъ не силкувáвся,
Якъ не ревівъ,
И не вертівъ,
А все-таки́ но вивертівсь: зостався!
Прибігли люде, — у́зяли́,
Звязáли бідного, та й повезли́,
По ярмаркáмъ въ залізній клітці,
На ди́во світові всёму́
(Мабуть були́ німéцькі ми́тці!)
Прийшлося гірко бідному ёму...
Згадáвъ про Ми́шу, що́ вонá казáла,
Та и́ ду́ма, плáчучи: «якъ-би вонá булá,
Загину́ти бъ мині, дурнóму, не далá, —
Тенéта бъ всѝ попрогризáла...
И я бъ гуля́въ, оцé, въ зелéному гаю́,
Мовъ у раю...»
А самъ, сердéшний, слізонькѝ ковтáе:
Е каяттє, та вороття́ немáе!

Скажу́ я, лю́де дóбрі й вамъ:
(До кáзки прѝказка годи́тця, —
Хочъ и панамъ —):
Не плюй въ колóдізь: — пригоди́тця, —
Води́ напи́тьця...

Л. Глѣбовъ.

III.

ЛИСИЦЯ И БАБАКЪ.

«Куди такъ, кумо, удираешъ?»
Питáвъ Лисѝцю кумъ Бабакъ.

— Охъ, ку́моньку-голу́бчику, хібажъ не знаешъ?
Терплю не знать за що́, а такъ —
Напа́ли, да й напа́ли,
Да, будьсімъ-то, за хабарі й прогна́ли.
Ти звісенъ, міжъ курми́ су́ддéю я була:
Ні іла, ні пила́,
И нічки не доспа́ла,
И тільки те й роби́ла,
Що все куре́й суди́ла;
И скі́лькі-то мого́ здоро́вьячка пропа́ло!
Ще́ жъ за те и въ бідоньку попа́ла;
А все дурнісінько... Що́ будешъ вже каза́ть,
Якъ нападу́ть, да візьмутця бреха́ть?
Отсебъ я хабарі брать заходи́лась?
Неха́й Богъ ми́лує... хіба бъ скози́лась!
Я зда́мся, ку́ме, на тебе́: чи ска́жешъ ти,
Щобъ я на гріхъ такий задумала пійти́?
Подумай-лишъ, да погада́й пильненько. —
«Ні, ку́монько... а ба́чивъ я часте́нько,
Що коло те́бе пірьячка рясненько...»

Такъ инчий при суді зідха́е,
Мовъ хлібъ останній доідае́;
Да що й казать? Уся́къ те зна,
Що у ёго́ худібчини катъ-ма́,
Да и за жінкою не взявъ,
А ди́вився — хоро́ми спьявъ;
Хочъ грошей, ка́же, и голо́,
Однакъ за віщось-то купивъ село...
Тепе́ръ неха́й розу́мний пощита́е,
Що напере́дъ въ ёго́ було,
И що тепе́рéньки вінъ мае.
Воно-то, бачъ, и не дока́жешъ
Съ чого вінъ те́е все громи́ть;
А вже хочъ гріхъ, хочъ два, а ска́жешъ
Що и въ ёго́ на пи́ці пірьячко стреми́ть.

Р. Витавсьский.

КРАТКОЕ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ КРАЯ,
НАСЕЛЕННАГО ЮЖНОРУССКИМЪ (УКРАИНСКИМЪ ИЛИ МАЛОРОССІЙСКИМЪ) НАРОДОМЪ.

II.

Край, населяемый южнорусскимъ народомъ, *въ отношеніи лѣсовъ*, можетъ быть раздѣленъ на три части: страну *лѣсную*, безлѣсную или *степную*, и *переходную*. Лѣсная страна съ степною нигдѣ не сходится близко, а напротивъ, онѣ разграничены переходными полосами, т. е. такими, въ которыхъ жители хотя не богаты лѣсами, однако еще не ощущаютъ въ нихъ сильнаго недостатка. Обильны лѣсами слѣдующія полосы: гребень, сѣверныя покатости и часть южныхъ склоновъ Карпатскихъ горъ; сѣверовосточная часть Люблинской губерніи; все Полѣсье, начиная отъ долины западнаго Буга до береговъ Днѣпра, и сѣверная часть Черниговской губерніи. Къ степной полосѣ можно причислить, по правую сторону Днѣпра, все пространство между нижнимъ теченіемъ Днѣстра, на сѣверъ, почти до г. Балты, а оттуда, на востокъ, до г. Черкасъ при Днѣпрѣ, съ юга ограниченное берегами Чернаго моря. По лѣвую сторону Днѣпра, степная полоса захватываетъ всю Полтавскую губернію, три южныхъ уѣзда Черниговской, южную часть Курской, Харьковскую, Екатеринославскую и Таврическую губерніи (за исключеніемъ Крымскихъ горъ) и Земли Войска Донскаго и Черноморскаго. Мы не говоримъ, что въ этой степной полосѣ вовсе нѣтъ лѣсовъ, но лѣса тутъ болѣе или менѣе рѣдки. Наконецъ, къ переходной полосѣ принадлежатъ всѣ остальныя части края.

Въ Галиціи, Буковинѣ и Сѣверной Венгріи лѣса находятся и въ долинахъ, и вообще вся страна, населенная Русинами на западѣ не нуждается въ лѣсѣ. Въ горахъ растетъ сосна, ель, береза и—на высшихъ точкахъ—pinus cembra—дерево, сравниваемое, по крѣпости его, съ тиковымъ деревомъ, растущимъ въ Остъ-Индіи; оба эти рода безопасны отъ чревоточины. Въ долинахъ преобладаютъ дубъ и букъ, а около селеній—пирамидальный тополь. Во всей Люблинской губерніи считается лѣсовъ 797 тысячъ десятинъ, а какъ восточная половина губерніи, населенная русинами, болѣе лѣсиста, чѣмъ западная, то и можно положить на эту половину $^2/_3$ всего количества лѣсовъ, что показываетъ избытокъ въ нихъ. И дѣйствительно, въ весеннее полноводье, по всѣмъ притокамъ Буга и Вепржа, лѣсъ сплавляется въ Вислу въ значительномъ количествѣ. На сухихъ мѣстахъ, на песчаномъ грунтѣ Люблинской губ., растутъ лѣса игольчатые, какъ-то: сосна, ель, пихта и, весьма рѣдко, лиственница. Въ черноземной же полосѣ лѣса смѣшаные, изъ деревъ игольчатыхъ и изъ вербы, березы, ольхи, дуба, бука, граба, явора, ясеня, клена, вяза и липы. Кустовыя же и малыя деревья здѣсь произрастаютъ всѣхъ родовъ, свойственныхъ умѣренному климату. Полѣсье обильно по преимуществу елью и сосною. Но лѣсъ, растущій въ Полѣсьѣ, по причинѣ болотистаго грунта и влажнаго климата, не проченъ и не въ цѣнѣ; и какъ по этой причинѣ, такъ и по неимѣнію дорогъ, деревья здѣсь часто пропадаютъ на корнѣ; притомъ же, изо всего количества лѣсовъ въ Полѣсьѣ, и половина деревьевъ не достигаетъ хорошаго роста. Однако есть пространства, составляющія какъ бы острова, въ которыхъ сосна достигаетъ и полнаго роста и полнаго объема. Лѣса Черниговской губерніи не тянутся сплошь, какъ въ Полѣсьѣ, а растутъ отдѣльно большими пространствами. Остерскій уѣздъ—самый обильный лѣсами въ этой губерніи, а Козелецкій—самый бѣдный. За исключеніемъ этого и Нѣжинскаго уѣздовъ, принадлежащихъ къ степной полосѣ, въ Черниговской губерніи подъ лѣсами 770 т. десятинъ, т. е. $^1/_6$ часть всего пространства. Породы деревъ въ этихъ лѣсахъ тѣже, что и въ Люблинской губ., съ тою разницею, что въ сѣверной части Черниговской губ. преобладаетъ сосна и ель, а въ южной—лиственныя породы. Въ Волынской губерніи, изъ 640 т. десятинъ всей земли, подъ лѣсами 2700 дес. Эти лѣса принадлежатъ болѣе къ Полѣсью, или къ сѣвернымъ уѣздамъ; южные же или малолѣсны, или не имѣютъ вовсе лѣсовъ, какъ напр. Старо-Константиновскій, въ которомъ

лѣса занимаютъ только $^1/_{29}$ часть всего пространства. Въ Кіевской губерніи только одинъ Радомыслькій уѣздъ принадлежитъ къ лѣсной полосѣ, и мѣстность чѣмъ ближе къ югу, тѣмъ открытѣе, но безлѣсныхъ уѣздовъ вовсе нѣтъ, а потому ее можно причислить къ лѣсной переходной полосѣ. Подольская губернія принадлежитъ также къ этой полосѣ, потому что лѣса занимаютъ въ ней менѣе $^1/_5$ части всего пространства. Больше лѣсовъ въ Ольгопольскомъ, менѣе всѣхъ въ Проскуровскомъ уѣздѣ. Игольчатыхъ деревъ здѣсь весьма мало; лиственныя же принадлежатъ къ родамъ, растущимъ обыкновенно въ умѣренномъ климатѣ; между ними дубъ здѣшній отличнаго качества.

Въ Херсонской губ. лѣса занимаютъ только $^1/_{45}$ часть пространства; изъ этого количества только $^1/_2$ строеваго. Есть полосы въ нѣсколько сотъ верстъ, на которыхъ не встрѣчается ни малѣйшей рощи; кое-гдѣ только въ полѣ одиноко ростутъ дикія яблони и груши, да по селамъ, въ садахъ, фруктовыя деревья. Воронежская и Курская губ. хотя и причисляются къ степнымъ губерніямъ, но въ первой подъ лѣсами находится $^1/_{10}$, а во второй почти $^1/_7$ часть всего пространства. Сплошныхъ лѣсовъ въ этихъ губерніяхъ почти нѣтъ, а существуютъ отдѣльныя рощи. Въ Харьковской губ. лѣса разбросаны рощами и почти равномѣрно распредѣлены по всѣмъ уѣздамъ, составляя $^1/_{40}$ часть всего пространства. За исключеніемъ Переяславскаго и Прилуцкаго уѣздовъ, Полтавская губ. бѣдна лѣсами, такъ-что подъ ними находится только $^1/_{30}$ часть общаго пространства, въ вышесказанныхъ же двухъ уѣздахъ $^1/_{10}$ часть. Вся Екатеринославская и сѣверная часть Таврической, равно и степь полуострова Крыма почти безлѣсны, въ нихъ только $^1/_{60}$ заняты лѣсами. Горы же, тянущіяся по южному берегу полуострова, покрыты большими лѣсами. Наконецъ, въ Землѣ Войска Донскаго лѣса занимаютъ только $^1/_{40}$ часть всего пространства, а округъ Черкасскій имѣетъ всего три рощи въ 560 десятинъ дровянаго лѣса, что̀ составитъ двухтысячную часть пространства округа.

Описываемый нами край не богатъ *дорогами*, столь необходимыми для развитія промышленности: на всемъ пространствѣ только одна *желѣзная дорога*, по которой открыта ѣзда; это дорога изъ Кракова чрезъ Львовъ въ Черновицъ; проходитъ по Австрійской Галиціи и Буковинѣ. Въ южнорусскихъ нашихъ предѣлахъ, желѣзная дорога существуетъ лишь въ предположеніи.

Предположеній о постройкѣ *шоссе* есть нѣсколько; готовы же слѣдующія линіи: 1) изъ Варшавы чрезъ Люблинъ, Хелмъ до Грубешова,

2) отъ этой отдѣляется вѣтвь на югъ чрезъ Красноставъ, кр. Замосць до м. Томашева; 3) изъ Люблина идетъ на западъ въ г. Радомъ. Эти дороги лежатъ въ Царствѣ Польскомъ. Въ Галиціи самое длинное шоссе отъ г. Бродъ въ Львовъ, оттуда чрезъ г. Перемышль, Ярославъ, Бохню въ Краковъ. Это шоссе есть первое, устроенное въ Германіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія, а по прочности и искуству считается однимъ изъ лучшихъ въ Европѣ. 2) Изъ Бохни въ м. Дуклу, потомъ переваливается чрезъ Карпатскій хребетъ и идетъ въ Эперьесъ (въ Венгрію.) 3) Изъ Перемышля круговое шоссе въ Дуклу же, идущее сперва на югъ, потомъ на западъ. 4) Изъ Львова на югъ чрезъ горы въ Венгрію до кр. Мункачь, и 5) Изъ Львова на сѣверъ до границъ Польши. Въ Русскихъ предѣлахъ устроены шоссе: 1) изъ кр. Бреста-Литовскаго въ кр. Бобруйскъ, вдоль Полѣсья, по малонаселенному краю; оно продолжается до Москвы. 2) Изъ Кіева въ Черниговъ, откуда чрезъ Могилевъ на С. Петербургъ; 3) изъ Орла чрезъ Курскъ въ Бѣлгородъ; 4) изъ Кіева чрезъ Житомиръ, Новоградъ-Волынскій, Ровно, Дубно въ Радзивиловъ, что̀ на границѣ Австріи, и 5) изъ Симферополя круговое шоссе, идущее по южному берегу Крыма въ Севастополь. Шоссе, на которыхъ производятся работы: 1) изъ Ровно на Владиміръ-Волынскій, для соединенія съ Грубешовымъ, 2) изъ Ровно въ Брестъ, 3) отъ Брестъ-Бобруйскаго шоссе на югъ чрезъ Припеть, на соединеніе съ Радзивиловскою дорогою, 4) изъ Бобруйска на югъ чрезъ Мозырь въ Житомиръ и 5) продолженіе шоссе изъ Задонска на Тулу. Шоссе, предполагаемыя къ постройкѣ: 1) изъ Житомира на югъ, чрезъ Брацлавъ, Балту въ Одессу, 2) изъ Кіева, по лѣвому берегу Днѣпра на Кременчугъ, Елисаветградъ въ Николаевъ и оттуда въ Одессу, 3) изъ Николаева, чрезъ Херсонь, Перекопъ въ Симферополь, и 4) изъ Харькова чрезъ Полтаву къ Кременчугу, составляющее продолженіе окончепнаго Бѣлгородскаго шоссе. Кромѣ указанныхъ имѣется въ виду соединеніе городовъ Новочеркаска съ Херсономъ, чрезъ Бердянскъ и Бериславъ.

Почва Южнорусскаго края (1). Подъ именемъ почвы разумѣется верхній слой земли, изъ котораго земледѣлецъ добываетъ разныя

1) Говоря о почвѣ нашего края со стороны геологической и сельско-хозяйственной, нельзя избѣжать многихъ научныхъ терминовъ. Такъ-какъ эти термины могутъ быть незнакомы нѣкоторымъ читателямъ, то мы признали полезнымъ предпослать объясненіе устройства коры земнаго шара,—впрочемъ, въ возможно-сжатомъ видѣ.

растительныя произведенія;—почвою называютъ также и извѣданные слои земли на извѣстной глубинѣ коры земнаго шара.

1.

Нынѣ всѣ ученые геологи согласны, что земной шаръ состоитъ изъ ядра, находящагося въ огне–расплавленномъ состояніи, и скорлупы, окружающей это ядро. Земной шаръ имѣетъ въ поперечникѣ 12 тысячъ верстъ, тогда–какъ скорлупа его толщиною около 50 верстъ, что составляетъ только 240 часть поперечника.

Эта скорлупа, или твердая кора земнаго шара, гдѣ она не покрыта водою, была изслѣдована на незначительную глубину; но и этого достаточно было, для довольно вѣрнаго заключенія объ образованіи земной коры посредствомъ огня и воды, которые и до сихъ поръ остаются главными дѣятелями при измѣненіи земной поверхности. Изслѣдованія эти показали, что теплота земли увеличивается пропорціонально глубинѣ, и, что на извѣстной глубинѣ отъ поверхности, примѣрно въ 1000 футовъ, температура земли достигаетъ 10 градусовъ (стоградуснаго термометра) постоянной теплоты, тогда–какъ на поверхности она измѣняется отъ температуры воздуха. Такимъ образомъ, на 50-верстномъ разстояніи вглубь, температура должна возвыситься до 1750 градусовъ жару, слѣдовательно — тамъ металлы уже въ расплавленномъ состояніи. При изслѣдованіи твердыхъ частей земной коры найдено, что онѣ состоятъ: изъ камней кристаллическихъ породъ, выдвинутыхъ изъ нѣдръ земли на ея поверхность, для произведенія которыхъ необходимъ былъ сильный жаръ; изъ камней и другихъ матеріаловъ, лежащихъ слоями одинъ на другомъ, которые показываютъ, что они нѣкогда находились въ жидкомъ состояніи и постепенно осѣли въ разныя времена; и наконецъ, изъ легкихъ матеріаловъ, перенесенныхъ съ одного мѣста на другое.

Сообразно этимъ положеніямъ геологи причислили первый разрядъ къ *огненному* (*плутоническому*) происхожденію, второй—*осадочному* (*нептуническому*) и третій—*наносному* происхожденію.

Для образованія плутоническихъ породъ, безъ сомнѣнія, не требовалось много времени; въ соприкосновеніи съ воздухомъ онѣ должны были остыть и, вмѣстѣ съ тѣмъ, окрѣпнуть. Совсѣмъ другое было съ породами нептуническаго происхожденія: можетъ-быть сотни вѣковъ прошли отъ начала первыхъ осадковъ до новѣйшаго образованія земной поверхности.

Минералы огненнаго происхожденія всегда бываютъ кристалличе-скіе, какъ граниты, сіениты, порфиры, мраморы и др.; они выхо-дятъ рѣдко на поверхность, а залегаютъ вообще подъ осадочными почвами и потому ихъ считаютъ самыми древними, первозданными. За ними слѣдуютъ кристаллическія же породы, но которыя лежатъ пла-стами, слоями, какъ-то: гнейсы и разнаго рода сланцы; потомъ бли-же къ поверхности земли лежатъ, въ видѣ камней, или земель — известь и известняки, глины, песчаники, гипсы, каменные угли и каменная соль. Въ иныхъ мѣстахъ пластовыя, или нептуническія, по-роды, въ непосредственномъ прикосновеніи съ огненными были, прока-лены ихъ жаромъ и измѣнены въ составѣ и сложеніи, а потому на-званы *измѣненными* (*метаморфическими*).

Нептуническія почвы отличаются отъ плутоническихъ преимущест-венно остатками окаменѣлыхъ животныхъ и растеній; въ плутониче-скихъ—окаменѣлостей не бываетъ; а въ метаморфическихъ онѣ попа-даются весьма рѣдко, какъ исключенія.

Нептуническая осадочная почва произошла, какъ надобно полагать, въ то время, когда земной шаръ былъ частями покрытъ водою, и это покрытіе продолжалось значительное время, такъ-что органическіе остатки, находимые въ одномъ изъ пластовъ, уже рѣдко попадаются въ другихъ, или попадаются измѣненными. Замѣчено, чѣмъ пластъ образовался ближе къ нашему времени, тѣмъ животныя въ немъ со-вершеннѣе. Окаменѣлостей же человѣка не найдено ни въ одной изъ осадочныхъ почвъ. По различнаго рода и вида окаменѣлостямъ по-знается степень древности осадочныхъ почвъ, которыя геологами на-зываются *формаціями*. Частныя названія имъ даны отъ мѣстностей, въ которыхъ найдены первые полные признаки формацій, или отъ на-званія окаменѣлостей, въ нихъ преобладающихъ.

Главныя формаціи, покрывающія первозданныя породы, суть: *самыя древнія*: *силлурійская, девонская, каменноугольная и пермская*; *вторичныя: тріасовая, юрская и мѣловая, и третичныя: эоценовая и неогеновая* формаціи, съ подраздѣленіями.

Къ новѣйшему образованію земной коры, кромѣ вулканическихъ изверженій, землетрясеній и медленныхъ вздутій земли, принадлежатъ измѣненія отъ моря, прѣсныхъ водъ и атмосферы. Море производитъ осадки, береговыя террасы, дюны, рифы и коралловые острова. Такъ называемыя прѣсноводныя измѣненія состоятъ: изъ осадковъ, наносовъ, заносныхъ камней и торфяниковъ. Атмосфера образуетъ вѣчные снѣ-

га и ледники и переноситъ легкія земли и разрушенныя ею частицы минераловъ.

Не надобно однакожъ думать, что осадочныя почвы лежатъ правильно одна на другой. Многія мѣста земнаго шара вовсе не покрыты ими и состоятъ изъ первозданныхъ породъ, какъ, напримѣръ, пики альпійскихъ, пиренейскихъ и другихъ горъ, выдвинутыхъ силою подземнаго огня и которыя, не бывъ потомъ покрыты водами, остались обнаженными по настоящее время. Въ другихъ мѣстахъ, на первозданной почвѣ-залегаетъ одна какая-нибудь формація, а въ иныхъ—нѣсколько почвъ одна надъ другою. Осадочныя почвы рѣдко находятся въ горизонтальномъ положеніи, а чаще пласты ихъ лежатъ наклонно, а иногда и отвѣсно. Такое разнообразное положеніе ихъ произошло, безъ сомнѣнія, отъ внутренняго, подземнаго и понынѣ дѣйствующаго огня, который продолжаетъ измѣнять поверхность земли. Мы здѣсь укажемъ на нѣсколько данныхъ въ доказательство этихъ измѣненій. Въ Финляндіи, на восточномъ берегу Ботническаго залива нѣкоторыя селенія, лежавшія 200 лѣтъ тому назадъ у самаго берега моря, теперь удалены отъ него на цѣлую милю, и болѣе. Въ окрестностяхъ Неаполя въ Пуццоли сохранились три колонны, которыя, безъ сомнѣнія, были поставлены на сушѣ, но потомъ опустились вмѣстѣ съ горизонтомъ земли въ море, а нынѣ вновь видны съ своими пьедесталами. Что колонны эти были подъ водою значительное время, доказывается тѣмъ, что, футовъ на 15 отъ земли, на нихъ видны углубленія, выдолбленныя моллюсками. Это показываетъ, что берегъ неаполитанскаго залива, въ этомъ мѣстѣ, то возвышался, то понижался надъ уровнемъ моря. Вулканическія изверженія производятъ также важныя измѣненія на земномъ шарѣ. Самый разительный примѣръ этому показываетъ огнедышущая гора *Хорулло*, которая образовалась въ 1759 году. Мѣстность, ею занимаемая, до изверженія была равнинная, послѣ же изверженія явилась гора въ 4335 футовъ.

Всѣ горы и возвышенности земнаго шара образовались отъ внутренняго огня, находящагося подъ земною корою. Но одна и та же причина не придала горамъ одинаковой формы, что зависѣло отъ большей, или меньшей силы дѣйствія огня. По формамъ, горы дѣлятся: 1) на *первородныя*, образовавшіяся изъ матеріаловъ расплавленнаго зерна, выдвинувшихся на поверхность земли и тамъ застывшихъ. Горы эти состоятъ изъ пиковъ и трещинъ, образуемыхъ гнейсами, а также и первородными сланцами и нигдѣ непокрытыхъ осадочными

пластами; 2) на *поднятыя*, формировавшіяся иногда послѣ покрытія земли осадочными почвами, но всегда выдвинутыя внутреннимъ огнемъ на поверхность земли, отчего осадочные пласты дали трещины и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ открыли кристаллическія породы; 3) на *складочныя*. Онѣ выдвинуты также внутреннимъ огнемъ, но дѣйствія его были здѣсь слабѣе, такъ-что первородныя породы на поверхность не вышли, а видны только въ трещинахъ и по берегамъ текучихъ водъ; 4) на *вылившіяся* изъ нѣдръ земли огненно-расплавленными массами; представителями такихъ горъ суть: трахиты и базальты; и 5) на *вулканическія* горы, образующіяся и донынѣ отъ изверженій огненныхъ матерій, которыя въ составѣ своемъ отличаются отъ первозданныхъ породъ. Знаменитый Гумбольдтъ справедливо назвалъ вулканы отдушинами земли; дѣйствительно, въ окрестностяхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они существуютъ, бываютъ часто землетрясенія, которыя прекращаются, когда вулканъ начинаетъ изверженія. Они выбрасываютъ каменья, пепелъ, шлакъ, грязь, пемзу, лаву и воду. Огнедышущія горы, хотя бы совершенно погасшія, познаются по конусообразной ихъ формѣ, болѣе или менѣе вверху усѣченной, а также и по составу матеріаловъ ихъ покрывающихъ. Обыкновенно нижній слой состоитъ изъ плотной лавы, похожей на трахитъ, или базальтъ; чѣмъ лава ближе къ поверхности земли, тѣмъ она губчатѣе, легче; пемзу и обсидіанъ находятъ въ самыхъ верхнихъ слояхъ. Отъ вулканическихъ изверженій въ морѣ образуются цѣлые острова. 6) *Высокія страны и углубленія*, которыя, вѣроятно, также подняты, или опущены дѣйствіемъ подземнаго огня, потому-что приписывать поднятіе первыхъ осадочнымъ почвамъ невозможно, по значительной ихъ высотѣ, какъ наприм., Тибетъ имѣетъ среднюю высоту надъ поверхностію океана въ $7^1/_2$ тысячъ футовъ. Углубленіе—особенно-замѣчательное по пространству—Каспійское море, ниже поверхности Чернаго на $82^1/_2$ ф., а по глубинѣ—Мертвое море, которое ниже Средиземнаго на 1230 футовъ.

Перейдемъ теперь къ краткому обозначенію нѣкоторыхъ примѣтъ осадочныхъ почвъ (формацій):

1) *Силлурійская*, называемая также *грауваковою*, по преобладанію въ ней сѣрой ваки. Отличительныя окаменѣлости въ этой почвѣ находящіяся суть: унгулиты—маленькія раковины, похожія на ноготь; трилобиты—изъ класса раковъ, которые весьма рѣдко попадаются еще въ девонской формаціи и никогда въ слѣдующихъ затѣмъ

почвахъ; нѣкоторые кораллы, простѣйшія растенія, отпечатанныя въ известнякахъ, и множество слизняковъ. Въ этой формаціи верхняя почва состоитъ преимущественно изъ известняковъ, и вода, ниспадающая сверху, обыкновенно уходитъ чрезъ трещины въ землю; поэтому болотъ въ ней мало, а озеръ еще менѣе.

2) *Девонская* или *краснопесчаниковая* почва, распространенная въ Россіи на 7000 квадр. миль. Въ ней, между окаменѣлостями, находится много раковъ и рыбъ; но тамъ, гдѣ имѣются въ большомъ количествѣ рыбы, мало раковъ, и наоборотъ.

Въ этой формаціи много рыхлаго песчаника, глины и мергеля, которые, не пропуская внутрь земли атмосферныхъ водъ, образуютъ озера, большія болота и даютъ начало значительнымъ рѣкамъ.

3) *Каменноугольная* формація получила названіе отъ каменнаго угля, въ ней находящагося. Періодъ образованія этой почвы былъ необыкновенно-богатъ растительностію, которую можно отчасти сравнить съ нынѣшнею растительностію экваторіальныхъ странъ; растенія того времени принадлежали къ древеснымъ хвощамъ, гигантскимъ папоротникамъ и плаунамъ и мхамъ.

Изъ этихъ породъ и трфяниковъ образовались нынѣшніе пласты каменнаго угля, по занесеніи ихъ землею, вслѣдствіе жара изъ внутренности земли и сильнаго давленія верхнихъ пластовъ. Пласты эти иногда простираются на значительное пространство, какъ напр. бассейнъ Пенсильваніи, Огіо и Виргиніи занимаетъ собою около 63000 квадр. миль. Толщина пластовъ весьма разнообразна; изъ разработываемыхъ есть въ два дюйма, есть и въ 40 футовъ; нѣкоторые достигаютъ и до 250 ф. толщины. Угольные пласты лежатъ иногда въ одинъ только рядъ, а существуютъ и такія копи, въ которыхъ насчитываютъ до 150 рядовъ. Изъ окаменѣлостей въ этой почвѣ болѣе другихъ примѣчательны раковины. Кромѣ того, въ каменноугольной формаціи найдено множество растеній папоротниковыхъ породъ и хвощей, которые хорошо сохранились, хотя и окремнились.

4) *Пермская* почва, весьма схожая по органической жизни съ предъидущею, но всегда на ней сверху лежащая. Она отличается своимъ руднымъ богатствомъ и бѣдностію окаменѣлостей. Желѣзныя, мѣдныя и другихъ металловъ руды, сѣра, гипсъ, каменная соль здѣсь находятся въ изобиліи. Какъ на отличающія ее окаменѣлости можно

указать: на продуктъ комочій (морская раковина) и палеонискъ (рыба)—еще съ несимметрическимъ хвостомъ.

5) Въ *юрской* почвѣ, на равнинахъ и на плато, пласты залегаютъ горизонтальнѣе, чѣмъ въ прочихъ формаціяхъ. Въ ней найдены разнаго рода амфибіи, рыбы, сходныя съ нынѣшними, и летучія мыши. Изъ амфибій пящеровъ, которые были тогда главными обладателями земли, примѣчательны: птеродактиль, съ огромною головою и рядомъ длинныхъ зубовъ; видно, что это животное ползало по сушѣ, летало по воздуху и плавало въ водѣ. Ихтіосавръ до 20 фут. длиною. Плесіосавръ, длиною въ 10 фут.; тонкая его шея съ маленькой головкой была равна длинѣ всего туловища съ хвостомъ. Изъ рыбъ этой эпохи находятъ: Тетрагоноленидъ уже съ симметрическимъ хвостомъ, нѣсколько похожъ на нашего карася и аспидорнихъ остроносый, отчасти подобный нынѣшней стерляди.

6) *Мѣловая* формація, состоящая изъ плотныхъ известняковъ, мергелей и мѣлу, не находится въ холодныхъ странахъ; такое географическое положеніе ея показываетъ, что въ эпоху ея образованія земной шаръ въ различныхъ своихъ поясахъ имѣлъ уже различный климатъ. Въ этотъ періодъ число рыбъ увеличилось, въ особенности акулъ, кругочешуистыхъ и гребенчато-чешуистыхъ; появились лиственныя и хвойныя деревья, которыхъ въ древнѣйшихъ почвахъ не замѣчено; безчисленное множество мельчайшихъ животныхъ, инфузорій, служатъ матеріаломъ толщамъ изъ мѣлу.

7) Въ *третичныхъ* формаціяхъ органическія животныя становятся болѣе и болѣе похожи на нынѣшнія, но все еще разнятся отъ нихъ. Такъ, аноплотерій, въ эоценовой формаціи, видомъ и величиною подобный ослу, но разнится отъ него устройствомъ хвоста. Въ *неогеновой* почвѣ попадаются исполинскія животныя.

Что касается до новѣйшаго образованія коры земнаго шара, то мы укажемъ только на нѣкоторыя измѣненія въ его поверхности.

Наносы, образующіеся изъ раздѣльныхъ, мелкихъ частей песку, глины, мергеля, разрушенныхъ горныхъ породъ, которые, частію силою движущагося атмосфернаго воздуха и большею частію потоками воды переносятся съ одного мѣста на другое. Эти наносы, состоя изъ матеріаловъ, вблизи находящихся, называются *наплывными* (*аллювіальными*); наносы же, происшедшіе въ давнія времена и лежащіе толстыми слоями на большомъ пространствѣ, носятъ названіе *потопныхъ* (*диллювіальныхъ*). Первые мы встрѣчаемъ повсемѣст-

но; происхожденіе вторыхъ приписываютъ сильнымъ земнымъ переворотамъ, сопровождаемымъ большими потоками воды. Въ диллювіальныхъ наносахъ находятъ остатки слоновъ, носороговъ, львовъ, гіенъ и другихъ звѣрей жаркаго климата, хотя наносы эти находятся и въ холодныхъ странахъ, какъ напр. на берегахъ Ледовитаго моря, въ Сибири. Въ нихъ попадаются также первородные слоны, или мамонты, отлично сохранившіеся, и исполинскіе мастодонты, достигавшіе ростомъ $25^1/_2$ ф. Потоки водъ передвигаютъ и каменья, разумѣется не значительной величины; большіе же камни, видимые на равнинахъ и состоящіе изъ горныхъ породъ, вовсе ненаходящихся въ почвѣ этихъ равнинъ, вѣроятно были перенесены издали на льдинахъ, послѣ какого либо могущественнаго переворота. Процесъ перенесенія камней съ одного мѣста на другое, посредствомъ льда, совершается и по настоящее время съ горныхъ ледниковъ въ долины. Камни, перенесенные изъ дальнихъ странъ и непринадлежащіе по составу къ почвѣ, на которой они лежатъ, называются *валунами*; ими покрыта вся сѣверная и средняя европейская Россія и сѣверная Германія, а происхожденіе ихъ относятъ къ скандинавскому хребту и финдлиндскимъ горамъ. *Дюны* суть тѣ же наносы; онѣ образуются на плоскихъ морскихъ берегахъ отъ вѣтровъ, часто дующихъ съ моря, которые наносятъ песчаные холмы вдоль береговъ, пологіе со стороны моря и обрывистые со стороны суши.

Кромѣ вулканическихъ острововъ, выдвигаемыхъ изверженіями подземныхъ огней на поверхность моря въ короткое время, и острововъ, отдѣлившихся отъ континента какимъ-либо переворотомъ, въ океанахъ существуютъ острова и рифы, которые строятся весьма медленно полипами.

Торфяники суть болота, поросшія вглубь растеніями, остатки коихъ составляютъ турфъ (торфъ). Главное условіе существованія торфяниковъ есть стоячая вода. Иногда они образуются изъ потонувшаго лѣса, но такіе, одинъ разъ вынутые, не возобновляются; поросшіе же мхами, травами и другими небольшими растеніями, иногда бываютъ неистощимы. Глубина торфяниковъ весьма различна, начиная отъ 2 футовъ; бываютъ массы торфа въ 40 и даже 50 футовъ. Торфяники могутъ существовать только въ такомъ климатѣ, въ которомъ бываютъ и лѣто и зима: первое способствуетъ произрастанію отпрысковъ, вторая останавливаетъ развитіе корней.

По устройству земной коры и на основаніи постоянныхъ физиче-

скихъ законовъ, геологи составили довольно вѣроятную гипотезу, что вся твердая земля вначалѣ представляла расплавленную массу и, вслѣдствіе постояннаго охлажденія, получила настоящій свой видъ. Какъ жидкость, она приняла форму шара. Постепенное охлажденіе образовало кору изъ твердыхъ, порвозданныхъ породъ, которая постепенно утолщалась и наконецъ закрыла расплавленную массу до того, что поверхность земли охладилась до температуры не превышающей кипѣнія воды, отчего эта послѣдняя и образовалась. Тогда къ внутреннему жару земли присоединилось дѣйствіе воды; она то растворяла нѣкоторыя твердыя части и увлекала ихъ въ своемъ теченіи, то осаждала ихъ на поверхности. Внутренній же огонь продолжалъ дѣйствовать и производилъ трещины, извергалъ огнежидкую массу, которая, по охлажденіи, превращалась въ плутоническія породы, какъ гранитъ, порфиръ, діоритъ и проч. Вода, продолжая производить осадки, утолщала земную кору до такой степени, что масса осадковъ начала производить на нижніе слои сильное давленіе, отъ котораго, съ помощію внутренняго жара, образовались пласты горно-каменныхъ породъ, нѣсколько разнствующихъ отъ плутоническихъ, хотя состоящихъ изъ однихъ съ ними матеріаловъ. Покрывала ли потомъ вода одновременно земную поверхность повсемѣстно—это неизвѣстно, но что въ разныя времена частями земля наша находилась подъ водою, доказывается повсюду лежащими осадочными пластами. Охлажденіе земли продолжается и по настоящее время, хотя такъ медленно, что въ продолженіе 2000 лѣтъ, она не охладилась даже на $^{59}/_{10\cdot000}$ градуса стоградуснаго термометра. Населеніе земнаго шара началось только со времени первыхъ осадковъ, что́ доказывается нахожденіемъ первыхъ животныхъ въ древнѣйшей, силлурійской, почвѣ. До сихъ поръ въ осадочныхъ почвахъ даже третичнаго образованія не найдено никакого остатка человѣка, поэтому появленіе его относятъ только къ позднѣйшимъ временамъ.

2.

За исключеніемъ Донецкаго каменноугольнаго бассейна, южнорусскій край, въ геологическомъ отношеніи, изслѣдованъ весьма мало, меньше Уральскаго и даже Алтайскаго хребтовъ.

Воспользуемся тѣмъ, что́ до сихъ поръ извѣстно.

Карпатскія горы, на большей части своего протяженія, принадлежатъ къ системѣ складочныхъ и частію поднятыхъ горъ, образо-

вавшихся, по всей вѣроятности, послѣ юрской и даже мѣловой формацій, которыя здѣсь непосредственно налегаютъ на горнокаменныхъ, кристаллическихъ породахъ. Слѣдовъ вулканическихъ изверженій здѣсь нигдѣ не замѣчено. Первозданныя породы находятся на крайнемъ западѣ, въ *Татрахъ*, и при поворотѣ горъ на юговостокъ. Юрская почва покрываетъ незначительную часть Галиціи, по сѣверному склону горъ; вся же западная часть этой провинціи верхнюю почву имѣетъ мѣловую, за исключеніемъ пространства между Краковомъ, Дуклою и Кашау, гдѣ залегаетъ такъ-называемая Карпатская соляная формація, причисляемая къ третичнымъ почвамъ, а частію и къ новымъ осадкамъ. Сѣверная часть Буковины также покрыта соляною формаціею. Западная часть Карпатовъ весьма богата металлами; серебро и мѣдь тамъ разработываются въ большомъ количествѣ; есть также желѣзо и золото; возлѣ Эперьеса найдены отличные опалы. Мѣловая почва изъ Галиціи вдается клиномъ на сѣверъ въ Царство Польское и идетъ также на востокъ, въ Волынскую и Подольскую губерніи. Холмы сѣверной Галиціи состоятъ изъ пластовъ глины, мергелей, песчаниковъ и глинистыхъ сланцевъ; на гребнѣ же Карпатовъ преобладаютъ граниты,—на южныхъ покатостяхъ—трахиты и гнейсы, а на сѣверныхъ, въ незначительномъ количествѣ—порфиры.

Въ Люблинскую губернію Царства Польскаго, какъ мы говорили выше, входитъ мѣловая почва, клиномъ, основаніе котораго на югѣ, а верхъ на сѣверѣ. На западъ къ р.р. Таневу и Вислѣ и на востокъ — къ р. Бугу залегаютъ новѣйшія почвы, которыя оканчиваются наносами нынѣшняго образованія. Сѣверъ губерніи покрытъ валунами, — полагаютъ — изъ скандинавскихъ горъ. Въ сѣверо-восточной части есть торфяныя болота, но торфа, по изобилію лѣсовъ, здѣсь не добываютъ.

Изъ Галиціи мѣловая формація входитъ въ русскіе предѣлы, касается сѣверо - западной части Подольской губерніи и покрываетъ южную полосу Волынской. Эта почва покоится на гранитѣ, который выходитъ на поверхность весьма рѣдко, а видѣнъ въ обрывахъ береговъ р.р. Тетерева, Случи и Корчика. Граниты здѣсь обыкновенно кристаллическаго сложенія, за исключеніемъ находящихся на р. Каменкѣ, въ которыхъ преобладаетъ слюда; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ найдена фарфоровая глина, происшедшая отъ разрушенія изъ гранитовъ полеваго шпата. Въ здѣшней же мѣловой формаціи находится мѣлъ, гипсъ и плиты литографическаго камня, а пласты ея состоятъ изъ песча-

наго мергеля, песчаника и известняка, наполненнаго множествомъ раковинъ. Сѣверная полоса губерніи покрыта наносными почвами, перемѣшанными съ турфяниками и представляетъ равнину, имѣющую самый слабый склонъ къ востоку, въ которой попадается болотная желѣзная руда, добываемая туземцами.

Въ Каменецъ-Подольской губерніи гранитъ болѣе обнаженъ, чѣмъ въ Волынской; въ Кременецкомъ уѣздѣ онъ выходитъ на поверхность и, подъ третичными формаціями, простирается отъ Днѣстровскихъ до Днѣпровскихъ пороговъ. Мѣловая формація залегаетъ въ сѣверной полосѣ губерніи, не достигнувъ береговъ Южнаго Буга. Въ Подольской губерніи, по лѣвому берегу Днѣстра и по нѣкоторымъ его притокамъ залегаетъ островъ силлурійской формаціи, длиною на 150 и шириною не болѣе 50 верстъ. Минералами эта губернія весьма бѣдна; можно указать только на гипсъ, алебастръ и мѣловой камень въ Каменецкомъ и на литографическій камень въ Могилевскомъ уѣздахъ; металловъ здѣсь вовсе не найдено.

Мѣловая почва прекращается въ Волынской и Подольской губерніяхъ; въ Кіевской же на поверхность выходитъ только островомъ по берегу Днѣпра между м. Трактоміровымъ и г. Черкасами; все же остальное пространство этой губерніи покрыто формаціями новѣйшаго образованія, которыя лежатъ на кристаллическихъ породахъ. Наилучшія обнаженія гранитовъ находятся по берегамъ р.р. Тетерева, Ирши, Гнилопяти, Роси и Соби. Въ Черкасскомъ уѣздѣ залегаютъ сіениты, около с. Каменнаго-Брода въ Радомысльскомъ уѣздѣ лабрадоръ превосходнаго качества, который нынѣ дѣятельно разработывается. Кіевская губернія заключаетъ въ себѣ много земель, полезныхъ для промышленности: фаянсовая глина отличной доброты въ окрестностяхъ Межигорской фабрики, близъ Кіева, гидравлическая известь въ Радомысльскомъ и суконовальная глина въ Черкасскомъ уѣздахъ. Въ наносной почвѣ сѣверной части находятся желѣзныя руды; замѣчательнѣйшія изъ нихъ лежатъ по р.р. Иршѣ, Здрывлѣ, Бѣлкѣ и Тетереву; впрочемъ, добываніе желѣза здѣсь въ младенчествѣ. Турфяниковъ весьма много на низменностяхъ Радомысльскаго уѣзда, но торфъ употребляется только для удобренія полей, а не какъ топливо.

Херсонская губернія составляетъ плоскость покатую на югъ къ Черному морю и состоитъ изъ двухъ полосъ: сѣверная есть продолженіе гранитнаго образованія Подольской и Кіевской губерній; южная-известковая третичныхъ и новѣйшихъ формацій. Къ послѣдней при-

надлежатъ Херсонскій, Одесскій, Тираспольскій и полуденныя части Бобринецкаго и Ананьевскаго уѣздовъ. На югозападѣ губерніи находятся солончаки новѣйшаго образованія. Кромѣ известковаго камня, употребляемаго на постройки, въ губерніи находятся ископаемые янтари по берегамъ Днѣпра, аспидный сланецъ въ сѣверовосточномъ углу Херсонскаго уѣзда, фарфоровая глина въ Александрійскомъ и торфъ, какъ въ этомъ, такъ и въ Бобринецкомъ уѣздахъ.

На всемъ пространствѣ отъ запада Галиціи на востокъ до Днѣпра, мы видимъ, что кристаллическія породы проходятъ, съ запада на востокъ, то закрытыя осадочными почвами, то открытыя выходятъ на поверхность земли. Изъ древнѣйшихъ формацій, только силлурійская залегаетъ на небольшомъ пространствѣ; — изъ вторичныхъ преобладаетъ мѣловая; третичныя же и новѣйшаго образованія покрываютъ югъ и западъ этого пространства. Здѣсь находимы были остатки животныхъ уже исчезнувшихъ съ этой полосы, какъ-то: слоновъ, носороговъ, гіенъ и др.. Осадочныя же формаціи опредѣлены ископаемыми окаменѣлостями, ихъ характеризующими.

Полоса Малороссіи, лежащая по восточную сторону Днѣпра, нѣсколько богаче минералами, чѣмъ западная, въ-особенности каменнымъ углемъ, который добывается хотя не въ такомъ изобиліи, какъ въ Англіи, Франціи и въ Бельгіи, однако, при бо́льшемъ стараніи въ разработкѣ его, могъ бы составить богатство края.

Каменноугольный бассейнъ, тянущійся по р. Донцу, и оттого получившій названіе донецкаго, лежитъ между $47^1/_2$ и $49^1/_2$ гр. сѣвер. широты и между 36 и $41^1/_2$ гр. вост. долготы.—Наибольшая длина его простирается на 345, а ширина не менѣе 150 верстъ; общая же поверхность занимаетъ около 24 тыс. квадр. верстъ.

На этомъ пространствѣ залегаютъ богатыя копи каменнаго угля, который хотя и разработывается, но къ сожалѣнію, по небрежности производства, не даетъ потребнаго количества угля южному краю; по неисправности же сообщеній и, вслѣдствіе-того, дорогой доставки—каменный уголь продается въ портахъ Чернаго и Азовскаго морей и за Днѣпромъ дороже привознаго изъ Англіи. Здѣшняя каменноугольная формація, изслѣдованная по обрывамъ рѣкъ и рѣчекъ и колодцами, рытыми горнымъ вѣдомствомъ, на сѣверѣ прикрыта мѣловою, а отчасти и юрскою почвами; на югѣ же она отдѣлена отъ моря узкою полосою мѣловой и частію третичными осадочными формаціями.

На югозападѣ каменноугольный бассейнъ касается полосы кри-

сталлическихъ породъ, приходящей изъ-за Днѣпра и кончающейся на берегахъ р. Кальміуса, которая и отдѣляетъ его отъ третичныхъ почвъ полуострова Крыма. Кристаллическая формація характеризуется здѣсь чрезвычайнымъ разнообразіемъ породъ, какъ по составу, такъ и по различію цвѣтовъ, хотя строеніе ихъ состоитъ изъ простыхъ минераловъ, преимущественно—обыкновеннаго шпата, кварца и амфиболя, къ которымъ иногда присоединяются слюда и альбитъ и нѣкоторые другіе. Главнѣйшія же кристаллическія породы составляющія этотъ кряжъ суть: пегматиты, встрѣчаемые большими массами и въ весьма разнообразныхъ смѣшеніяхъ; діориты, изъ которыхъ примѣчательны зеленовато-сѣраго цвѣта; многочисленныхъ оттѣнковъ порфиры; сіениты въ значительныхъ накопленіяхъ по р. Калміусу, близъ Ласпи; рѣже другихъ встрѣчаются граниты, а еще того рѣже—гнейсы.

Породы, составляющія каменноугольную донецкую формацію, и въ особенности — известняки, заключаютъ весьма много органическихъ остатковъ, которые указываютъ на характеръ здѣшней почвы древнѣйшаго каменноугольнаго образованія.

Пласты каменнаго угля залегаютъ въ здѣшней формаціи весьма неправильно; горизонтальныхъ почти не существуетъ; часто одинъ и тотъ же слой лежитъ горизонтально, наклонно и отвѣсно; иногда такой слой разрывается на нѣсколько частей въ видѣ ступеней. Такое положеніе пластовъ показываетъ, что на этомъ пространствѣ происходилъ какой-либо земной переворотъ, или сотрясеніе, позднѣе образованія каменнаго угля. Общее направленіе этихъ слоевъ лежитъ на сѣверо-западъ, хотя въ частностяхъ оно и измѣняется.

Толщина слоевъ каменнаго угля здѣсь незначительна; до-сихъ поръ найденъ только одинъ слой около 7 футовъ толщиною, большая же часть ихъ бываетъ около двухъ футовъ. Число слоевъ угля въ этой формаціи нигдѣ не превышаетъ десяти, а почти повсемѣстно уголь залегаетъ въ одинъ слой.

Мѣсторожденій каменнаго угля въ донецкомъ бассейнѣ насчитывается до ста, которыя разрабатываются въ 250 мѣстахъ. Въ 1839 году они давали слишкомъ 900 тыс. пудовъ; количество это увеличивается годъ отъ году и въ 1850 году общая добыча угля составляла уже 3,540 тысячъ пудовъ. Мѣсторожденія можно соединить въ слѣдующія группы: группа Верхняго Донца, около с. Петровскаго даетъ до 100 тысячъ пудовъ. Группа Лисичьей Балки, между с. с. Привольнымъ и Верхнимъ Бѣлинькимъ, въ которой добывалось, въ 1839

году, до 450 тыс. пудовъ, въ 1850 добыто только 340 тыс.; группа р. Лугани даетъ 250 тыс. пудовъ; въ пріискѣ Анненскомъ этой группы получается превосходный уголь. Группа р.р. Луганчика и Каменки, разработывавшаяся до 1840 года только мѣстными поселянами въ ничтожномъ количествѣ, нынѣ даетъ около $1^1/_2$ милліона пудовъ. То же самое можно сказать и о группѣ р. Каменки, въ которой уголь дурнаго качества; она дала въ 1850 году слишкомъ 700 тысячъ пудовъ. Группа Нижняго Донца, пересѣкаемая этою рѣкою и нѣкоторыми притоками Дона, дававшая только до 21-й тыс. пудовъ угля, нынѣ производитъ болѣе 2,320 тыс. пудовъ. Группа р. р. Міуса и Кринки, лежащая въ южной части бассейна, даетъ около милліонна пудовъ угля, который въ Краснокутскомъ мѣсторожденіи отличнаго достоинства. На западѣ бассейна лежитъ группа р.р. Кальміуса и Торца; заключаетъ уголь довольно хорошій и въ ней находится на р. Кальміусѣ самый толстый слой въ 7 футовъ; добыто въ 1850 году въ немъ угля до 300 тыс. пудовъ. Хотя теперь, по лѣвой сторонѣ Донца весьма мало разработокъ, но такъ-какъ каменноугольная формація здѣсь подходитъ подъ мѣловую, то, по истощеніи копей на правой сторонѣ рѣки, необходимо будетъ добывать уголь на лѣвой подъ мѣловой почвою, хотя бы глубина копей при этомъ была значительнѣе.

Мѣловая формація по лѣвую сторону Днѣпра есть преобладающая; на правой же сторонѣ она залегаетъ: отъ сліянія Донца съ Дономъ до р.р. Міуса и Кринки; къ югу отъ Лугани отдѣльными толщами, доходящими иногда до 700 футовъ глубины; и сверхъ того, по берегамъ рѣчекъ, впадающихъ въ Донецъ (Дубовой, Глубокой и др.). Въ окрестностяхъ Изюма, на р. Донцѣ, находятся небольшіе острова юрской формаціи, которая подходитъ подъ мѣловую. Эта послѣдняя распространяется по Харьковской и Курской губерніи, только пласты ея здѣсь тоньше. Отъ Харькова же на западъ и сѣверо-западъ, въ Полтавскую губернію простирается почва, въ которой до-сихъ-поръ не найдено никакихъ органическихъ остатковъ. Французскій ученый, Лепле, назвалъ её *Бахмутскою*, *рухляковою*, *формаціею*; но онъ изслѣдовалъ только ея южную часть и нашелъ даже въ красныхъ рухлякахъ массу, слѣпленную изъ мелкихъ раковинъ, обнаруживающихся въ отпечаткахъ, или слѣпкахъ. Къ сѣверу отъ Бѣлгорода показываются вновь толщи мѣла и известь съ разными окаменѣлостями, которыя и доходятъ на сѣверъ до Курска и на сѣверо-западъ до Нов-

города-Сѣверскаго и, по р. Деснѣ, до Кролевца. На Дону, мѣловая формація также распространена значительно, начиная отъ Воронежа, гдѣ она покрываетъ Девонскую почву пластами около 70 футовъ, она доходитъ до крутаго поворота, образуемаго Волгою на востокъ; наконецъ, эта же почва залегаетъ по сѣвернымъ покатостямъ кавказскихъ и крымскихъ горъ. Подъ мѣловою формаціею этихъ горъ лежитъ юрская почва, которая выходитъ на поверхность, мѣстами, южнѣе кристаллической днѣпровской полосы. Самый же хребетъ кавказскій состоитъ преимущественно изъ трахита и другихъ кристаллическихъ породъ, которыя продолжаются на западъ и выказываются вновь въ крымскомъ кряжѣ. Какъ одинаковый геологическій составъ, такъ и общее обоихъ хребтовъ направленіе, показываютъ, что крымскія горы составляютъ продолженіе кавказскихъ, и что, быть, можетъ, въ древнія времена онѣ составляли одно цѣлое.

Все южное степное пространство, по сѣвернымъ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, между Дунаемъ и Дономъ, нѣкоторые геологи относятъ къ особенной третичной формаціи и называютъ её *третичною формаціею Понтійской степи.* Господствующую породу этой почвы составляетъ ячеисто-раковистый известнякъ, большею частію цвѣта желтоватаго, или красновато-бѣлаго. Этотъ известнякъ весьма мягокъ, такъ-что можно его рѣзать; но попадаются также и твердые известняки, какъ, напримѣръ, таганрогскій, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть известняки, проникнутые кремнистымъ цементомъ. Въ особенное отличіе этой формаціи ставятъ раковины: кардіумъ съ выдающимся хребтомъ, митилисъ и дрейссена.

Въ южной части донецкаго кряжа, въ восточномъ полуостровѣ Крыма и на Тамани находятся желѣзныя руды. Часто можно встрѣтить глинистые и песчаные слои, пропитанные желѣзнымъ окисломъ; нѣкоторые даютъ до 12 проц. этого металла. Выгодныя же, для добыванія руды, мѣсторожденія суть: въ окрестностяхъ казеннаго Луганскаго завода: около с. Закатино даетъ до 50 проц. чугуна; въ долинахъ р. р. Луганчика, Бѣлой, Азовой и Каменки; близъ с. Извольнаго. Около Камышъ–Буруна въ Крыму 13 мѣсторожденій, дающихъ отъ 36 до 58 проц. чугуна и близъ Тамани, гдѣ руды хорошаго качества.

Вообще, опредѣленіе третичныхъ системъ Южной Руси еще весьма неполно; можно только сказать слѣдующее: эоценовая формація найдена въ небольшой части Подольской и южнѣе гранитной оси Херсонской гу-

берніи; нуммулитовая, опоясывающая собою значительную часть Средиземнаго моря, лежитъ на южномъ берегу Крыма на мѣловой формаціи, а міоценовые осадки опредѣлены отъ Гродно по направленію къ Кіеву и нѣкоторые ихъ острова въ Бессарабіи.

На востокъ отъ устья Дона до Аральскаго моря, по ископаемымъ остаткамъ, въ-особенности — по раковинамъ, можно заключить, что въ послѣосадочную эпоху — Черное, Каспійское и Аральское составляли одно море; впослѣдствіи, чрезъ поднятіе Усть-Урта, Аральское отдѣлилось отъ Каспійскаго, а потомъ, посредствомъ новаго поднятія, и Каспійское отдѣлилось отъ Азовскаго. Упомянутыя раковины, найденныя на вновь поднятыхъ материкахъ, тождественны съ раковинами живущими въ этихъ трехъ моряхъ въ настоящее время.

Кромѣ обыкновенныхъ наносовъ, производимыхъ рѣками и господствующими вѣтрами, косъ и плотинъ, образующихъ лиманы на берегу Чернаго моря, примѣчательны дюны, лежащія между Перекопомъ и устьемъ Днѣпра, въ окрестностяхъ м. Алешекъ. Онѣ состоятъ изъ холмовъ зыбучаго песку, наносимаго съ моря. Песокъ этотъ, при каждомъ вѣтрѣ, измѣняетъ свое положеніе и засыпаетъ большую, гладкую степь, такъ-что на ней видны теперь цѣлыя деревни, занесенныя пескомъ. Степь же представляетъ безжизненную пустыню, на которой не прозябаетъ ни малѣйшее растеніе. Березовый лѣсъ, посаженный вдали отъ берега, удерживаетъ нынѣ распространеніе дюновъ, и за нимъ уже появляется растительность.

Вся земля Черноморскаго Козачьяго Войска принадлежитъ къ новѣйшему образованію. На Тамани почва вулканическая, но вулканы не извергаютъ твердыхъ матеріаловъ, а только грязь и воду, и потому мало измѣняютъ поверхность этого плоскаго полуострова. Впрочемъ, южный его берегъ возвышенъ надъ поверхностію Чернаго моря, хотя образованіе его относятъ къ новому времени.

И. М.

(*Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ*).

ОБЩЕСТВЕННЫЯ БИБЛІОТЕКИ НА ЮГѢ.

Въ предъидущей книжкѣ *Основы*, мы представили краткій очеркъ женскихъ гимназій и народныхъ школъ — воскресныхъ и сельскихъ, а теперь обратимъ вниманіе на другіе пути, избранные обществомъ къ распространенію образованія.

Вмѣстѣ съ развитіемъ образованія, естественнымъ образомъ является потребность чтенія; книги у насъ вообще очень дороги и доступны только достаточнымъ людямъ; люди безъ значительныхъ средствъ должны поневолѣ оставаться безъ удовлетворенія своему желанію — дополнить чтеніемъ то, чего не успѣли узнать въ школахъ. Съ цѣлью доставить возможность дешеваго и разнообразнаго чтенія всѣмъ, въ послѣднее время начали открывать публичныя библіотеки въ губернскихъ и многихъ уѣздныхъ городахъ; слѣдовательно, эти библіотеки вызваны насущною потребностью. Насколько онѣ могутъ удовлетворить этой потребности, какіе результаты принесли онѣ въ короткое время своего существованія и въ какой степени вызывали сочуствіе того общества, среди котораго появлялись, мы увидимъ ниже изъ обзора ихъ открытія.

Какъ при открытіи школъ, такъ и при заведеніи библіотекъ, — наряду съ сочувствіемъ къ столь важному дѣлу, — бывали явленія, поражающія своей дикостью и показывающія совершенное равнодушіе къ просвѣщенію со стороны нѣкоторыхъ, привыкшихъ считать себя образованными.

Публичныя библіотеки начинали открываться у насъ преимущественно съ половины прошлаго 1860 года; впрочемъ и раньше этого существовала мысль о такихъ библіотекахъ, а въ нѣкоторыхъ городахъ были даже и самыя библіотеки. Такъ, въ *Кіевскомъ Телеграфѣ* 1859 года, мы читаемъ: «до насъ дошли слухи, что въ Кіевѣ въ скоромъ времени откроется городской кабинетъ для чтенія. Мысль

объ этомъ кабинетѣ давно уже была выражена однимъ изъ профессоровъ нашего университета въ проэктѣ, который онъ сообщилъ многимъ изъ своихъ знакомыхъ; но недостатокъ средствъ мѣшалъ до сихъ поръ исполненію этой мысли. Теперь, какъ мы слышали, В. А. Кокоревъ, сочувствуя этому предпріятію, предложилъ съ своей стороны средство для его осуществленія. Онъ уже купилъ мѣсто для постройки дома, въ коемъ будетъ помѣщаться библіотека и удобныя комнаты для занятія пріѣзжихъ художниковъ.» Дальнѣйшихъ извѣстій объ этомъ кабинетѣ не встрѣчается; библіотека, которая доставляла бы возможность имѣть дешевое чтеніе, — для такого города, какъ Кіевъ, гдѣ такъ хорошо пошли воскресныя школы и гдѣ, судя по сообщаемымъ свѣдѣніямъ, нѣтъ хорошихъ книжныхъ магазиновъ,—очень необходима. При Кіево-Подольской воскресной школѣ, вскорѣ послѣ ея открытія, начала устраиваться библіотека изъ пожертвованій, но, нельзя думать, чтобы она достигла значительныхъ размѣровъ, къ тому же она имѣетъ своею цѣлью служить помощью только для этой школы, слѣдовательно, считать ее публичною нельзя. Къ числу весьма полезныхъ учрежденій, основанныхъ въ послѣднее время въ Кіевѣ, должно отнести открытый при университетѣ кабинетъ чтенія для студентовъ; польза его огромна, потому что студенты, несмотря на существованіе при университетѣ большой библіотеки, всегда ощущали недостатокъ въ книгахъ.

Городовъ, въ которыхъ библіотеки существовали прежде, чѣмъ онѣ начали открываться повсемѣстно, немного, всего два: *Керчь* и *Одесса*. Въ первомъ городѣ библіотека была открыта въ началѣ 1858 года; сначала она имѣла довольно скромные размѣры, но современемъ, при сочувствіи общества, которое видѣло въ ней явную пользу,—она приобрѣла достаточныя и, главное, постоянныя средства. Объ этой библіотекѣ, въ Книжномъ Вѣстникѣ (1861 № 4) помѣщено слѣдующее извѣстіе: «Съ окончаніемъ 1860, окончился третій годъ существованія въ г. Керчи (12, 787 ж.) библіотеки. Существованіе это въ настоящее время можно считать почти обезпеченнымъ при тѣхъ средствахъ, какими она располагала и располагаетъ теперь, и которыя дали возможность дирекціи значительно пополнить въ 1860 г. каталогъ библіотеки, бывшій до этого года довольно скромнымъ.» Затѣмъ, въ этомъ же извѣстіи, вотъ-что говорится о самыхъ средствахъ библіотеки: «Средствамъ этимъ много содѣйствовали здѣшніе г.г. солепромышленники, согласившись, при отправкѣ черезъ Керченскій

портъ соли, взноситъ 15 к. съ каждой тысячи пудовъ, что̀ доставило библіотекѣ дохода до 350 руб. и этимъ дало возможность уплатить бывшіе на ней долги и пріобрѣсти почти большую часть сочиненій русскихъ авторовъ по части беллетристики, а это послѣднее обстоятельство было причиною, что доходъ отъ частныхъ подписчиковъ противъ 1859 г. удвоился. Въ 1860 г. поступили въ библіотеку слѣдующія суммы: бывшіе въ остаткѣ къ 1-му январю 26 р. 50¼ к. взятые заимообразно на выписку 200 р., однопроцентнаго сбора съ жалованья г.г. чиновниковъ и офицеровъ—298 р. 17½ к., отъ частныхъ подписчиковъ 40 р., отъ солепромышленниковъ 339 р. 50¾ к., отъ содержателя клуба, за занавѣсы, принадлежавшія библіотекѣ—13 р., итого 917 р. 27½ к. Далѣе приводится расходъ по библіотекѣ,—составляющій вмѣстѣ съ жалованьемъ библіотекарю, платою за наемъ помѣщенія, выпискою и переплетомъ книгъ и другими издержками, всего 894 р. 89 к.,—а книгъ въ 1860 г. было выписано 198 названій, въ 311 томахъ. Для перваго времени существованія подобныя цифры довольно значительны и надо надѣяться, что впослѣдствіи и книгъ будетъ выписываться больше и расходы уменьшатся,—потому что «съ декабря мѣсяца,—говорится въ томъ же извѣстіи,—библіотекѣ, по распоряженію керчь-еникольскаго градоначальника, отведено постоянное безплатное помѣщеніе въ бесѣдкѣ городскаго садика.» По всему видно, что керченская библіотека будетъ существовать и улучшаться—,сочувствія къ ней достаточно,—средствъ тоже пока довольно,—между прочимъ, приведенный нами отрывокъ изъ краткаго отчета о ея средствахъ, указываетъ на ихъ разнообразіе. Во многихъ городахъ, многія полезныя предпріятія не осуществляются за неимѣніемъ будто бы средствъ, но — по примѣру г. Керчи—можно почти въ каждомъ городѣ найти ихъ; была бы охота и желаніе устроивать что̀-нибудь болѣе полезное, чѣмъ *общественныя* танцовальныя собранія съ исключительнымъ правомъ входа въ нихъ только благороднорожденныхъ особъ.

Одновременно съ открытіемъ библіотеки въ Керчи, была открыта для публики библіотека въ Одессѣ. И эта библіотека, поддерживаемая какъ общимъ сочувствіемъ, такъ и пожертвованіями частныхъ лицъ, тоже можетъ служить доказательствомъ, что для учрежденій подобнаго рода надо только горячее желаніе сдѣлать, а средства для дѣла найдутся. «Одесская городская публичная библіотека» (сказано въ Кн. Вѣстникѣ 1861 г., № 3,) «пользуется живымъ сочувствіемъ

ученыхъ и литераторовъ, что̀ дѣлаетъ честь ея распорядителю. Во второй половинѣ 1860 года, также какъ и въ первой, поступило много пожертвованій, изъ которыхъ самыя капитальныя: 1482 томовъ и брошюръ медицинскихъ книгъ и періодическихъ изданій на латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, отъ общества Одесскихъ врачей; 496 томовъ книгъ, преимущественно на французскомъ языкѣ, относящихся до исторіи, географіи, политической экономіи и комерціи, отъ Хр. К. Сикарда; 23 тома англійскихъ книгъ, по географіи, естественной исторіи, математикѣ и механикѣ отъ Смитсоніанскаго ученаго учрежденія въ Вашингтонѣ, и 68 даровыхъ журналовъ и газетъ.» Относительно того, что̀ стоила эта библіотека городу, въ *Книжномъ Вѣстникѣ* сказано, что съ начала 1858 года, при нынѣшнемъ управленіи библіотеки, она пріобрѣла добровольными пожертвованіями 6,636 томовъ книгъ и періодическихъ изданій, на сумму 7,678 р. 55 к. Если вычесть, отпущенныя за эти три года изъ городскихъ доходовъ: на жалованье служащимъ, отопленіе, покупку, переплетъ книгъ и проч. 3450 р., то окажется, что библіотека нетолько ничего не стоила городу Одессѣ, но еще *увеличила его имущество на 4188 р. 55 коп.*, не говоря о пользѣ, доставленной всему населенію города, предоставленіемъ безплатнаго чтенія 22,264 томовъ, состоящихъ нынѣ на-лицо книгъ и періодическихъ изданій, 17,736 посѣтителямъ.» Это могло бы повториться въ каждомъ городѣ, и говоритъ само за себя.

Въ половинѣ 1860 года, необходимость и польза публичныхъ библіотекъ была сознана ясно; и онѣ начали открываться, при содѣйствіи образованныхъ людей; но такъ—какъ образованность и пониманіе выгодъ умственнаго развитія пока удѣлъ меньшинства, то появленіе библіотекъ въ иныхъ мѣстахъ сопровождалось странными явленіями, а въ другихъ и самое существованіе ихъ довольно сомнительно.

Объ открытіи библіотекъ въ послѣднее время, мы можемъ сообщить слѣдующія свѣдѣнія:

«Въ г. Екатеринославѣ учреждена публичная библіотека. Въ ней выписываются всѣ русскія газеты и журналы и нѣсколько иностранныхъ.» Это краткое извѣстіе К. Т-фа (1860 г. № 26) довольно утѣшительно, но мы имѣемъ причину сильно бояться за безбѣдное существованіе этой библіотеки. Въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. (1860 г. августъ) помѣщена статья «о состояніи Екатеринославскаго уѣзднаго училища и находящихся въ вѣдѣніи его народныхъ училищъ за

1859—60 академическій годъ:» изъ нея видно полнѣйшее равнодушіе Екатеринославскаго городскаго общества къ дѣлу образованія. «До 1860 г., городское общество »—говорится въ этой статьѣ—« еще принимало въ училищѣ нѣкоторое участіе: оно давало на жалованье приходскому учителю 100 р. с., деньги, которыми трудно, конечно, удовлетворить въ настоящее время потребностямъ самаго невзыскательнаго человѣка; расходы же на прочіе предметы уѣздное училище вынуждено было производить изъ своихъ, и безъ-того ограниченныхъ, средствъ; но съ 1860 года, Екатеринославское городское общество прекратило совсѣмъ отпускъ даже и тѣхъ ничтожныхъ денегъ, которыя оно прежде отпускало. Никакія усилія училищнаго начальства, ни даже распоряженія начальника губерніи, а также и Новороссійскаго генералъ-губернатора, до сего времени не могли подвинуть городское общество къ поддержанію училища, учрежденнаго для обученія дѣтей торговаго и ремесленнаго сословія. Оно *съ какимъ-то недоброжелательствомъ упорствуетъ въ своемъ предубѣжденіи* къ училищу.» Воскресная школа также бѣдствуетъ: въ 1860 г. она поддерживалась кое-какими пожертвованіями *частныхъ* лицъ... чего же послѣ этого ожидать и публичной библіотекѣ? Но, можетъ быть, ей больше посчастливилось?.. желали бы узнать правду...

Равнодушіе общества къ полезному учрежденію — хотя грустное, но весьма естественное явленіе тамъ, гдѣ общество долго было погружено въ апатію и жило, не имѣя разумныхъ интересовъ. Выходя изъ апатіи, оно смотритъ на многое недовѣрчиво и не все принимаетъ; вводить и поддерживать полезныя учрежденія выпадаетъ, въ такихъ случаяхъ, на долю отдѣльныхъ, передовыхъ личностей. Но и дѣятельность подобныхъ личностей часто не приноситъ пользы или по причинѣ того же общаго равнодушія, или же, при сочувствіи общества, вслѣдствіе примѣси стремленій и цѣлей постороннихъ прямому и открытому дѣлу образованія, а иногда и вслѣдствіе подозрительности и непониманія со стороны такихъ лицъ, которыхъ главная обязанность содѣйствовать общей пользѣ.

Грустная исторія случилась съ проэктомъ публичной библіотеки въ г. Житомирѣ. Въ началѣ 1860 года, было напечатано въ *Кіевскомъ Телеграфѣ*, а потомъ перепечатано и въ другихъ журналахъ и газетахъ, слѣдующее письмо графа В. Платера къ Волынскому губернскому предводителю дворянства:

«М. г.! Съ нѣсколько-необыкновенною просьбою я обращаюсь къ

вамъ; но мысль, постоянно меня занимающая, ревностное желаніе сдѣлать добро для своего края, заставляютъ меня вѣрить, что мое настоящее намѣреніе найдетъ у васъ и покровительство, и сочувствіе. Давно уже я намѣревался собрать разныя пособія для научныхъ занятій въ пользу нашего края. Просвѣщеніе въ странѣ есть первый и единственный двигатель для развитія моральныхъ силъ въ цѣлой массѣ; пока оно задержано, пока не вполнѣ развилось, до тѣхъ поръ всѣ усилія нѣсколькихъ человѣкъ не могутъ разбудить остальныхъ отъ бездѣйствія. Понимая эту простую мысль, и зная, что только настоящее образованное общество можетъ оставить неизгладимое вліяніе на своей эпохѣ, — я посылаю вамъ планъ публичной библіотеки. Надѣюсь, что мысль моя не останется заброшенною, и я встрѣчу къ ней доброе вниманіе ваше. Нашъ Императоръ милостиво заботится о распространеніи просвѣщенія; мы постоянно видимъ новыя учрежденія; замѣтки въ русскихъ газетахъ указываютъ на проектированныя библіотеки по всѣмъ городамъ имперіи (Петербургскія вѣдомости № 185–й 1859 г.). Ужели одни мы должны отступать и исчезать въ тѣни? Считая, что тридцатилѣтнее существованіе есть наименьшая проба для убѣжденія въ пользѣ извѣстнаго учрежденія (потому что только по прошествіи этихъ лѣтъ можно сказать, что оно годится и должно существовать, или же рука основателей отшатнется отъ него, какъ отъ дѣла пустаго и—чего не дай Богъ–безплоднаго), я желалъ бы, чтобы сдѣлали тридцатилѣтнюю складку на публичную библіотеку въ Житомирѣ.

«Я полагаю, что 3,500 р. въ годъ (т. е. 3,000 съ губерніи и 500 съ города) достаточны на усовершенствованіе и постоянное ея содержаніе (наемъ дома, отопленіе, библіотекарь и его помощникъ, прислуга); эти 3,500 руб., кажется, не большая сумма на 1300 кв. миль губерніи; если отнимемъ отъ этой цифры казенныя имѣнія, все–таки на остальное 3,000 не много. Въ случаѣ какихъ нибудь неожиданныхъ перемѣнъ или распоряженій правительства, складка прекращается теперь же, или по истеченіи нѣкотораго времени, а пріобрѣтенныя вещи могутъ быть проданы въ пользу общества или съ благотворительною цѣлью. Но, желая поскорѣе видѣть начало этого учрежденія (котораго будущую судьбу предоставляю вашему покровительству), я отдаю во временное владѣніе библіотеки, послѣ первой складки, часть моей библіотеки, 7,000 томовъ. Если состояніе ея упрочится, я охотно увеличу свой вкладъ; но въ случаѣ какихъ нибудь пе-

ремѣнъ или по прошествіи тридцати лѣтъ, я хочу, чтобы начальники края дали мнѣ ручательство, что книги будутъ мнѣ возвращены въ цѣлости. Я полагаю, что и другіе не отказались-бы способствовать основанію библіотеки одолженіемъ книгъ лѣтъ на десять, на пятнадцать, или по желанію вкладчика,—по истеченіи которыхъ онѣ должны быть возвращены къ прежнему владѣльцу, его роднымъ или наслѣдникамъ. Гг. Левковичи обѣщали даже подарить библіотекѣ собраніе картинъ, а я предлагаю только одолженіе на время. Нѣкоторые менѣе важные вопросы по этому предмету легко можно бъ было уяснить потомъ. Теперь прошу васъ покорнѣйше, м. г., чтобы извлеченіе изъ моего письма или цѣлое письмо разослать гг. уѣзднымъ предводителямъ дворянства и другимъ помѣщикамъ, извѣстнымъ по благороднымъ стремленіямъ и благоразумнымъ намѣреніямъ. Ваше сочувствіе и участіе можетъ довольно скоро привести дѣло къ окончанію, а наше правительство теперь вѣрно препятствовать не будетъ. Свѣтлую и дорогую память оставили бы вы, м. г., въ краѣ, осуществивъ мое скромное намѣреніе, которое чрезъ нѣсколько лѣтъ могло бы принять бо́льшіе размѣры; покрайней мѣрѣ прошу васъ дать ходъ этой мысли».

Сочувствуя мысли гр. Платера, многіе изъявили готовность пожертвовать, для общественной пользы, свои библіотеки, музеи, картины; г. Зб..... предложилъ свои естественныя колекціи, собранныя имъ, во время путешествій по востоку. Ровенскій предводитель дворянства, г. Заленскій и студенты Кіевскаго университета, выразивъ сочувствіе, изъявили готовность содѣйствовать словомъ и дѣломъ. Значитъ, и начало было, и сочувствіе общества... и все-таки библіотека не состоялась, — благородная мысль осталась неосуществленною, потому что встрѣтила въ тѣхъ, кому сначала была предложена, — странное непониманіе и даже недоброжелательство. «Дворянскій предводитель Житомирскаго уѣзда, — писали въ *Кіевскомъ Телеграфѣ* (1860 г., № 55), — г. Невмѣжицкій, взявшійся сначала охотно помогать дѣлу, съ каждымъ днемъ терялъ этотъ искуственный огонь и наконецъ назвалъ мысль основанія публичной библіотеки: *пустякомъ*. Примѣръ, разумѣется, шелъ свыше: губернскій Волынскій предводитель, г. Микуличъ, никогда не увлекался особеннымъ сочувствіемъ къ библіотекѣ,—не сообразивъ вѣроятно, что на предводителѣ дворянства лежитъ священная обязанность и примѣромъ и средствами подвинуть общество по пути прогресса.» Библіотека не состоялась, и

гг. Невмѣжицкій и Микуличъ могутъ утѣшать себя тѣмъ, что имена ихъ долго не забудутся и въ Житомирѣ и въ литературѣ.

Въ 1860-мъ году была открыта публичная библіотека въ г. Сумахъ, Харьковской губерніи, стараніями штатнаго смотрителя тамошняго уѣзднаго училища, г. Андреева и уѣзднаго судьи, г. Солецкаго, при дѣятельномъ содѣйствіи Н. К. Алчевскаго, которые собрали для этой цѣли по подпискѣ 600 р. ср. Изъ первыхъ подпишавшихся были—уѣздный предводитель дворянства и градской голова; мѣстное купечество выразило особенное участіе къ начатому полезному дѣлу. «Но въ то время, какъ на собранныя деньги нанято уже было помѣщеніе, выписаны журналы и газеты, и библіотека ожидала только для своего открытія полученія разрѣшенія отъ начальства, въ городѣ, въ ожиданіи разрѣшенія, составилась опозиція противъ учредителей библіотеки, въ главѣ которой стояли никогда не читающіе ничего печатнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ, значительные мѣстные жители (Ж. М—ва Н. Пр. 1860 г., октябрь).» Г. Копѣйчиковъ, сообщившій объ открытіи этой библіотеки въ С. Пб. Вѣдомостяхъ (№ 205),—пишетъ, что «одинъ изъ нихъ говорилъ даже своимъ знакомымъ, что если онъ захочетъ, то разоритъ всю библіотеку, а читателей побьетъ.» Очень жаль, что имена подобныхъ замѣчательныхъ людей, этихъ героевъ мрака и кулака, остаются въ большей части случаевъ неизвѣстными; а они весьма заслуживаютъ извѣстности. Несмотря на такую фанатическую ненависть къ чтенію одного изъ «значительныхъ мѣстныхъ жителей,» — библіотека все-таки была открыта и помѣщена въ каменномъ двухъ-этажномъ домѣ, стоящемъ въ центрѣ города. Она занимаетъ весь верхній этажъ; самый кабинетъ для чтенія состоитъ изъ двухъ большихъ комнатъ, убранныхъ со вкусомъ. — Библіотека выписываетъ почти всѣ журналы и газеты, издаваемыя въ Россіи,—многіе въ 4 экземплярахъ. Годовая подписная плата 10 р. ср., но для лицъ недостаточнаго состоянія она понижается до 3 р. Учители уѣзднаго и приходскаго училища имѣютъ право пользоваться книгами изъ библіотеки безплатно. Любопытно было бы знать, сколько подписчиковъ въ этой библіотекѣ, какую пользу приноситъ она городу и насколько доступна всѣмъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ, библіотеки, вскорѣ послѣ своего открытія, обращались въ мѣсто, куда сходились преимущественно для игры въ карты люди «высшаго общества,» присутствіе которыхъ, какъ извѣстно, сильно стѣсняетъ «низшихъ» и даже «средняго рода» людей; сверхъ того, важный недостатокъ въ этихъ библіо-

текахъ (впрочемъ, почти неустранимый, пока библіотека находится въ небольшихъ размѣрахъ), тотъ, что книгъ, въ особенности — журналовъ, обыкновенно малое число экземпляровъ; они выдаются на домъ, и хотя срокъ возврата книгъ въ библіотеку опредѣленъ, но для «значительныхъ мѣстныхъ жителей» дѣлаются, обыкновенно, исключенія; это бываетъ причиною, что «незначительные» должны долго томиться ожиданіемъ, пока получатъ желанную книгу. — Разумѣется, впослѣдствіи времени всѣ эти недостатки въ библіотекахъ устранятся: — и экземпляровъ будетъ больше и въ карты будутъ играть гдѣ – нибудь въ болѣе приличныхъ мѣстахъ;—а до тѣхъ поръ—постараемся быть довольны и тѣмъ, что открываются хоть какія–нибудь библіотеки.

Въ этомъ отношеніи уѣздные города идутъ впереди многихъ губернскихъ и даже такихъ, въ которыхъ есть университеты; напр.— въ Харьковѣ, до сихъ поръ нѣтъ городской библіотеки, если не считать книжнаго магазина г. Сакмейера, при которомъ находится библіотека съ 87–ю подписчиками,—хотя, какъ сообщаетъ *Кн. Вѣстникъ*, «Харьковскую университетскую библіотеку уже много лѣтъ собираются сдѣлать публичною.» Желательно, чтобы это предположеніе скорѣе осуществилось; открытіе университетской библіотеки для всѣхъ принесло бы великую пользу, потому что въ библіотекѣ, по словамъ Книжн. Вѣстн., до 70,000 томовъ книгъ, кромѣ драгоцѣнныхъ собраній рисунковъ, старинныхъ журналовъ и даже рукописей, но, какъ слышно, библіотеки не открываютъ, потому, «что все еще не составленъ каталогъ.» Послѣднее обстоятельство достойно удивленія, если взять во вниманіе, что библіотека существуетъ давно,—что при ней, съ первыхъ дней существованія, былъ библіотекарь и, вѣроятно, не одинъ, что библіотека была открыта для очень небольшаго числа читателей, слѣдовательно было и время и возможность, составить каталогъ самый полный. Должно сказать, что библіотеки и другихъ университетовъ, пока, мертвый капиталъ, и что обращеніе ихъ въ публичныя было бы весьма благодѣтельною мѣрою для споспѣшествованія просвѣщенію. Мы знаемъ, что еще недавно одна университетская библіотека, вмѣщающая въ себѣ до 90 т. томовъ, была мало доступна и мало посѣщаема даже студентами. Въ 1856 г. одно важное правительственное лицо, обозрѣвая университетъ, осматривало и эту библіотеку. На вопросъ, обращенный къ сопровождавшимъ его студентамъ, какъ часто они посѣщаютъ библіотеку, одинъ изъ нихъ отвѣчалъ: «въ первый разъ». И это было почти справедливо.

Въ такомъ сравнительно богатомъ и многолюдномъ городѣ, какъ Харьковъ, публичная библіотека, намъ кажется, могла бы образоваться, не дожидаясь открытія университетской библіотеки;—тѣмъ болѣе, что въ Харьковскомъ дворянскомъ собраніи (Харьк. губ. вѣдомости 1861 г. № 1) «нѣкогда уже существовала публичная библіотека»—и *на чердакѣ* дворянскаго собранія находится *3000 томовъ*, пользующихся правомъ полной неприкосновенности.» Какъ пособіе къ этому, могли бы служить, если ужъ такъ трудно въ Харьковѣ найти средства для хорошаго дѣла, на первое время, журналы и газеты, выписываемые дворянскимъ клубомъ...

Въ 1860-мъ году была открыта публичная библіотека въ Кишиневѣ (Бессарабскій области). Г. библіотекарь Беллеръ, въ статьѣ своей «Годъ библіотеки» въ Кишиневѣ, (Бесс. обл. вѣдом., 1861 г.) сообщаетъ о ней нѣкоторыя свѣдѣнія, и между прочимъ,—что читателей въ ней, въ продолженіи года, было 700, — и они посѣтили библіотеку 8000 разъ. Г. Беллеръ находитъ эту цифру недостаточною на 80,000 населенія и жалуется, что посѣщавшіе библіотеку читали преимущественно политическія извѣстія и статьи журналовъ и газетъ,—также беллетристическія произведенія, мало интересуясь «серьезными» книгами. По этому поводу, Кн. Вѣстникъ (1861 г. № 4.) замѣчаетъ: «Для чтенія *серьезной* книги или статьи нужно размышленіе, уединеніе, свобода, спокойное, удобное, сообразное привычкамъ читателя, тѣлесное положеніе, а возможно ли это въ общей комнатѣ, наполняемой людьми самыми разнообразными? Давайте книги на домъ—и не одна серьезная книга или статья будетъ прочтена съ пользою. Мы и не понимаемъ, почему обыкновенная книга, въ которой нуждаются многіе, не должна во вѣки вѣковъ выходить изъ своихъ четырехъ стѣнъ, немогущихъ помѣстить въ себѣ всѣхъ нуждающихся съ надлежащимъ удобствомъ.»

Въ томъ же, 1860 году, предложено было открыть публичную библіотеку въ г. Тирасполѣ Херсонской губ.,—но это предположеніе начало осуществляться только въ настоящемъ году. «Недавно,»—сообщаетъ Кн. В. (1861 г. № 4),—нѣсколько лицъ, собравшись въ одномъ домѣ провести вмѣстѣ вечеръ, вспомнили о библіотекѣ и, не долго думая, тотчасъ же и составили подписку. Въ настоящее время въ списки внесены уже имена болѣе 20 лицъ, жертвующихъ въ пользу библіотеки minimum по 10 р., а г. предводитель дворянства тираспольскаго уѣзда предназначилъ для помѣщенія библіотеки

во вновь устроенномъ домѣ дворянскаго собранія одну комнату, для меблированія которой пожертвовалъ весьма значительную сумму. Опредѣлительнаго устава для библіотеки еще не составлено, но на первомъ совѣщаніи подписчиковъ предположено тотъчасъ же приступить къ выпискѣ нѣкоторыхъ журналовъ и современныхъ русскихъ сочиненій.»

Въ концѣ прошлаго года, правительство тоже изъявило желаніе принять участіе въ открытіи библіотекъ въ уѣздныхъ городахъ и результатомъ этого было разрѣшеніе министерства народнаго просвѣщенія, послѣдовавшее 18-го ноября 1860 года,—«открывать библіотеки уѣздныхъ училищъ въ городахъ харьковскаго учебнаго округа по *мѣрѣ возможности* и *надобности*, для чтенія жителямъ тѣхъ городовъ, гдѣ находятся училища. Чтобы дать правильное устройство этимъ библіотекамъ, бывшій министръ, г. Ковалевскій, утвердилъ особое положеніе,—которое, между прочимъ, предоставляетъ окружному начальству право допускать *измѣненія, какія надобность укажетъ*, по его усмотрѣнію. Относительно денежныхъ способовъ, это положеніе дозволяетъ единовременныхъ расходовъ на библіотеки по 300 р. сер. изъ свободныхъ училищныхъ суммъ,—гдѣ это позволятъ средства и *«не окажется возможности обратить такой расходъ на другіе способы.»*—«Радостно привѣтствуемъ,—говоритъ Кн. Вѣстникъ.,—это разрѣшеніе и будемъ ждать съ нетерпѣніемъ извѣстій, какимъ образомъ воспользуются имп училища харьковскаго округа. Просимъ ихъ не упустить изъ виду соображенія, что если библіотеки должны расчитывать на сильную и даже исключительную поддержку мѣстнаго общества, то послѣднее должно быть допущено къ участію во всѣхъ интересахъ библіотекъ, безъ чего онѣ не будутъ общественными и прочность и успѣхъ ихъ будутъ вполнѣ зависѣть отъ лицъ и ихъ произвола: если лицо и произволъ его хороши — библіотеки будутъ процвѣтать и приносить надлежащую, весьма важную пользу; если нѣтъ,—изъ библіотеки ничего не выйдетъ. Общество же никогда не можетъ проявить вреднаго для себя произвола, въ особенности подъ руководствомъ людей образованныхъ, каковыми представляется прежде всего училищное сословіе.»

Въ настоящемъ году, открыта библіотека въ Новгородѣ Сѣверскомъ, или въ Новогродкѣ, Черниговской губ.; объ открытіи ея помѣщено въ Черниг. губ. вѣд. 1861 № 5-й объявленіе, изъ котораго мы приведемъ нѣкоторыя извлеченія: «На основаніи распоряженія высшаго начальства, библіотека Новгородсѣверскаго уѣзднаго училища открыта для

публики на слѣдующихъ основаніяхъ: Библіотека Новгородсѣверскаго уѣзднаго училища, оставаясь собственностью этого заведенія, открывается для пользованія лицамъ всѣхъ сословій, за опредѣленную плату. Библіотека состоитъ въ завѣдываніи одного изъ учителей уѣзднаго училища, на полной его отвѣтственности. Онъ выдаетъ и принимаетъ книги и наблюдаетъ за сохранностью ихъ; онъ же принимаетъ отъ подписчиковъ деньги за чтеніе книгъ, выдаетъ имъ билеты, и деньги, по запискѣ въ особую книгу, представляетъ штатному смотрителю ежемѣсячно. Въ домѣ, занимаемомъ училищемъ, комната библіотеки открывается ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, утромъ съ 8 часовъ до 1 часу и послѣ обѣда съ 3 до 8 часовъ вечера, а въ воскресные и праздничные дни только послѣ обѣда съ 3 до 8 часовъ. Желающіе читать книги вносятъ: 1) за чтеніе на дому: за годъ 6 руб., зя полгода 3 р. 50 к., за три мѣсяца 2 р, и за одинъ мѣсяцъ 75 к., и 2) за чтеніе въ библіотекѣ: за годъ 3 р., за полгода 2 р., за три мѣсяца 1 р. и за одинъ мѣсяцъ 35 коп. Деньги вносятся при самой подпискѣ, впередъ, за все время абонимента. Списокъ книгъ и періодическихъ изданій (которыя предполагается выписать) утверждается директоромъ, по разсмотрѣніи его въ педагогическомъ совѣтѣ гимназіи. Если подписка составитъ болѣе 100 р. въ годъ, то изъ нихъ 20% обращаются на вознагражденіе завѣдывающаго библіотекою и освѣщеніе оной во время вечернихъ чтеній. Вновь полученные журналы и газеты находятся въ библіотекѣ на столѣ открытыми для всѣхъ: журналы 7 дней, а газеты до полученія новыхъ нумеровъ съ слѣдующею почтою. Затѣмъ, какъ журналы, такъ и газеты обращаются къ подписчикамъ для чтенія на дому, для чего составляется списокъ подписчиковъ по порядку подписки. Книга можетъ находиться у подписчика на дому не болѣе 10 дней, журналъ не болѣе 7, и газета не болѣе однѣхъ сутокъ. Библіотека ревизуется на законномъ основаніи, два раза въ годъ въ іюнѣ и въ декабрѣ.»

Послѣ открытія библіотеки въ Новгородѣ-Сѣверскомъ, — открылась другая библіотека въ Черниговской губерніи, въ г. Глуховѣ, выписывающая 17 газетъ и журналовъ. Цѣна за годовое пользованіе въ ней книгами—5 р. сер. Подписчиковъ очень не много «отчасти потому, что цѣну эту находятъ высокою, а отчасти и потому, что въ библіотекѣ нѣтъ повѣстей сладкорѣчиваго Марлинскаго, краснорѣчиваго Загоскина и многорѣчиваго Дюма..» (такъ сказано въ Книжномъ Вѣстникѣ). Изъ этого можно заключить, что въ Глуховѣ еще не ясно

сознана потребность образованія. Что́ же касается до выбора книгъ, то было бы неблагоразумно вовсе не примѣняться къ желанію большинства: тамъ гдѣ *зло* неустранимо,—ничего другаго не остается, какъ предпочесть меньшее зло—большему: лучше пусть читаютъ что-нибудь, чѣмъ ничего.

При Хотинскомъ уѣздномъ училищѣ, по словамъ Современной Лѣтописи Русск. Вѣстн., открыта публичная библіотека, въ которой приняли живое участіе помѣщики и чиновники Хотина, такъ что библіотека въ нынѣшнемъ году выписываетъ 22 періодическія изданія.

Въ *Одесскомъ Вѣстникѣ* напечатано извѣстіе, что въ Бобринцѣ (Херсонской губерніи) открыта при тамошнемъ уѣздномъ училищѣ публичная библіотека, въ которой находится весьма значительное число томовъ; эта библіотека имѣетъ много русскихъ журналовъ, газетъ и новыхъ книгъ.

Къ числу библіотекъ, существующихъ пока въ проэктѣ, — относится предполагаемая библіотека въ Сорокахъ (Бесарабской области). Тамо́шнее общество намѣрено вскорѣ приступить къ устройству библіотеки для чтенія при уѣздномъ училищѣ. Нѣкоторые уже подписались на журналы, другіе жертвуютъ свои собственныя книги и, кромѣ того, общество рѣшилось дать нѣсколько представленій легкихъ водевилей, потребующихъ особыхъ декорацій и затѣйливыхъ костюмовъ, съ тѣмъ, чтобы вырученныя деньги обратить на пріобрѣтеніе книгъ (Кн. Вѣстникъ 1861 г. № 3).

Должно сказать, что мысль—открыть библіотеки уѣздныхъ училищъ для городскихъ жителей—есть одна изъ счастливыхъ мыслей. Это можетъ быть полезно и для общества и для училища. Общество за небольшую плату можетъ пользоваться значительнымъ количествомъ книгъ; оно будетъ читать нетолько вновь выписываемыя книги, но и старыя, на пріобрѣтеніе которыхъ должно было бы жертвовать капиталомъ. Съ другой стороны, училища получаютъ новыя средства увеличить свои библіотеки, которыя до сихъ поръ были крайне бѣдны. Можно также надѣяться, что открытіе училищныхъ библіотекъ для публики сблизитъ ее съ училищемъ и возбудитъ ея вниманіе къ образованію молодаго поколѣнія. Поэтому должно желать, чтобы мысль эта нашла повсемѣстное примѣненіе.

Изъ нашего — хотя, вѣроятно, не полнаго — обзора, видно, что какъ школы, такъ и библіотеки обязаны своимъ открытіемъ преимущественно частной дѣятельности немногихъ лицъ, — которые вызывали остальное общество на пожертвованія; такимъ образомъ, хотя об-

щество въ иныхъ мѣстахъ и принимало, повидимому, самое живое участіе въ дѣлѣ образованія, — выражавшееся сочувствіемъ и денежною помощью, но инициатива дѣятельности все-таки принадлежала отдѣльнымъ личностямъ. Это естественное слѣдствіе въ обществѣ, непривыкшемъ къ самодѣятельности и единодушію въ стремленіи къ опредѣленной цѣли.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ, КАСАЮЩІЯСЯ ЮЖНОРУССКАГО КРАЯ.

Существуетъ законъ, что «невѣдѣніемъ закона никто не можетъ отговариваться.» Между-тѣмъ, ни что такъ-мало намъ непзвѣстно изъ всего того, что́ насъ касается, какъ наши законы. Это и понятно, если взять во вниманіе ту степень *общественности*, на которой до сей поры мы стояли. Знаніе законовъ есть признакъ возмужалости народа, результатъ его общественной дѣятельности, а мы едва только начинаемъ думать о томъ, какимъ путемъ удобнѣе достигнуть общественнаго благосостоянія. Равнодушіе общества съ этой стороны, разумѣется, непростительно; но—нельзя не принять во вниманіе и того, откуда бы оно могло и научиться законамъ. — —

Если утвержденіе закона въ народномъ сознаніи обусловливается развитіемъ общественной жизни, то несомнѣнно и то, что общественность въ свою очередь развивается по мѣрѣ сознанія обществомъ своихъ правъ и обязанностей, по мѣрѣ познанія и пониманія своихъ законовъ, уразумѣнія ихъ смысла и вліянія ихъ на общественное благосостояніе. Одна изъ главныхъ причинъ общественныхъ недостатковъ, отъ которыхъ мы терпимъ, заключается и въ томъ, что общество наше почти незнакомо съ законами, не выработало общаго о нихъ понятія и такимъ-образомъ не опредѣлило, въ какой мѣрѣ тотъ или другой законъ полезенъ обществу. — —

Кажется, однакожъ, что наше общество вступаетъ въ новый періодъ развитія, въ тотъ періодъ, когда вопросы о гражданскомъ устройствѣ начинаютъ занимать всѣхъ. То, что́ еще недавно считалось особою принадлежностью нѣкоторыхъ, дѣлается теперь предметомъ любо-

знательности, изученія и разговоровъ всего образованнаго общества, и уже нѣкоторые члены его призывались даже къ участію, посредствомъ своихъ мнѣній и познаній, въ нѣкоторыхъ правительственныхъ постановленіяхъ. При такомъ настроеніи, общество все больше и больше чувствуетъ потребность слѣдить за вновь издаваемыми законами, въ которыхъ желаетъ видѣть разрѣшеніе того или другаго вызваннаго жизнью вопроса.

Главнѣйшимъ, существеннѣйшимъ вопросомъ общественной жизни, который разрѣшался законодательствомъ въ первую половину текущаго года, было, безъ сомнѣнія,—крестьянское дѣло. Въ законодательствѣ, какъ и въ жизни народа, иногда проходятъ цѣлые десятки лѣтъ, въ теченіи которыхъ не появляется ничего особенно-замѣчательнаго и характеризующаго общественное направленіе. Но наступаетъ иногда, хотя очень рѣдко, время, когда втеченіе одного года совершаются перемѣны, представляющія собою итогъ долгой жизни народа и дающія направленіе его будущему. Къ подобнымъ годамъ принадлежитъ и 1861. Къ такому году, къ такому законодательному акту, какъ положеніе объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, жизнь ведетъ въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ. Положеніе 19 февраля улучшаетъ бытъ цѣлой трети населенія; оно даетъ крѣпостнымъ крестьянамъ гражданскія права и полагаетъ начало свободѣ экономической. Конечно, всё это только начало, всё это еще должно перейти изъ области закона въ жизнь; но разъ совершенное въ этомъ смыслѣ преобразованіе требуетъ уже настоятельно дальнѣйшаго *развитія*, но не *повторенія* законодательной мѣры: жизнь пойдетъ впередъ сама-собою, не останавливаясь, и довершитъ то, чего не дано предвидѣть никакому законодателю. Многое должна осуществить практика, опытъ; многое предстоитъ еще совершить Главному Комитету, котораго труды должны обнять устройство всего сельскаго населенія, подвѣдомственнаго нынѣ нѣсколькимъ, отдѣльнымъ одно отъ другаго, управленіямъ. Соединеніемъ всего сельскаго населенія въ одно цѣлое устранится раздробленность, вообще характеризующая доселѣ наше общественное устройство.

Въ предлагаемомъ перечнѣ постановленій и распоряженій правительства, заключаются всѣ важнѣйшіе для южнорусскаго края законы, изданные въ первые шесть мѣсяцевъ текущаго года. На будущее время мы намѣрены представлять отчетъ о новыхъ законахъ за каждый мѣсяцъ.

ОБЩІЯ
ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

1) *Благоустройство.*

При указѣ Правительствующаго Сената, распубликовавшемъ 10 марта, разосланы для повсемѣстнаго обнародованія и должнаго исполненія: I. Высочайшій Манифестъ о дарованіи крѣпостнымъ людямъ правъ состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей и объ устройствѣ ихъ быта, II. Именный Высочайшій указъ, данный, Правительствующему Сенату объ учиненіи надлежащаго распоряженія къ приведенію въ исполненіе Высочайше утвержденныхъ положеній и правилъ о крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости; III. Высочайше утвержденныя 19 февраля 1861 года положенія: 1. Общее положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости: 2. Положеніе объ устройствѣ дворовыхъ людей, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости; 3. Положеніе о выкупѣ крестьянами, вышедшими изъ крѣпостной зависимости, ихъ усадебной осѣдлости и о содѣйствіи правительства къ пріобрѣтенію сими крестьянами въ собственность полевыхъ угодій; 4. Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ; 5. Правила о порядкѣ введенія въ дѣйствіе положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости; 6. Мѣстное положеніе о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ въ губерніяхъ великороссійскихъ, новороссійскихъ и бѣлорусскихъ; 7. Мѣстное положеніе о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ въ губерніяхъ малороссійскихъ: Черниговской, Полтавской и части Харьковской; 8. Мѣстное положеніе о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ, въ губерніяхъ: Кіевской, Подольской и Волынской; 9. Мѣстное положеніе о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ, въ губерніяхъ: Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и части Витебской; 10. Дополнительныя правила объ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ въ имѣніяхъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и о пособіи симъ владѣльцамъ; 11. Дополнительныя правила о приписанныхъ къ частнымъ горнымъ заводамъ людяхъ вѣдомства министерства финансовъ; 12. Дополнительныя правила о крестьянахъ и работникахъ, отбывающихъ работы при Пермскихъ частныхъ горныхъ заводахъ и соляныхъ промыслахъ; 13. Дополнительныя правила о крестьянахъ, отбывающихъ работы на помѣщичьихъ фабрикахъ; 14. Дополнительныя правила о крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ землѣ войска Донскаго. 15. Дополнительныя правила о крестьянахъ и дворовыхъ людахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ Ставропольской губерніи; 16. Дополнительныя правила о крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ Сибири, и 17. Правила о людяхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ Бессарабской области. IV. Высочайше утвержденное 19 февраля 1861 года мнѣніе государственнаго совѣта относительно отчужденія, передачи по наслѣдству и отдачи въ залогъ и аренду населенныхъ помѣщичьихъ земель и имѣній по изданіи положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, и V. Высочайшее повелѣніе 19 февраля

1861 года, объ исполненіи послѣдовавшаго въ государственномъ совѣтѣ мнѣнія о распространеніи на дворовыхъ людей въ Оренбургскомъ и Уральскомъ казачьихъ войскахъ правилъ, изложенныхъ въ положеніи объ устройствѣ дворовыхъ людей, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости (Сен. вѣд. 10 марта № 20).

19 февраля послѣдовалъ Высочайшій указъ о учрежденіи Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія. (Въ Сен. вѣд. 10 марта №20).

5 марта послѣдовали Высочайшіе указы министрамъ государственныхъ имуществъ и Императорскаго двора и удѣловъ о составленіи предположеній къ примѣненію началъ положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости къ крестьянамъ государственнымъ, водвореннымъ на земляхъ казенныхъ а также государевыхъ и дворцовыхъ имѣній и о предоставленіи имъ нынѣ же нѣкоторыхъ облегченій. (Сен. вѣд. 10 марта 1861 г. № 20).

8 марта послѣдовалъ Высочайшій указъ Правительствующему Сенату о приведеніи въ исполненіе положенія о горнозаводскомъ населеніи казенныхъ горныхъ заводовъ вѣдомства министерства финансовъ. (Сен. вѣд. 10 марта 1861 г. № 20).

8 марта послѣдовалъ Высочайшій указъ министру Императорскаго двора о дарованіи облегченій и преимуществъ горнозаводскимъ людямъ вѣдомства кабинета Его Величества (Сен. вѣд. 10 марта 1861 г. № 20).

Высочайшимъ указомъ, Сенату объявленнымъ 16 марта, распространено на посессіонныхъ крестьянъ дѣйствіе правилъ о крестьянахъ, отбывающихъ работы на помѣщичьихъ фабрикахъ. (Сен. вѣд. 21 марта 1861 г. № 23).

— Предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ финансовъ, назначать пострадавшимъ отъ пожаровъ и наводненій пособія изъ государственнаго казначейства, доводя лишь о томъ до свѣдѣнія комитета министровъ, въ размѣрѣ до 15,000 руб. сер. по каждому отдѣльному случаю, на основаніи особыхъ правилъ, изъ которыхъ главнѣйшія слѣдующія: 1, по полученіи ходатайства о необходимости пособія и ссудъ погорѣльцамъ, министерство внутреннихъ дѣлъ входитъ въ разсмотрѣніе обстоятельствъ изложенныхъ въ представленіяхъ и соображенія свои съ заключеніемъ о томъ, какую сумму необходимо назначить въ ссуду или безвозвратно, сообщаетъ министерству финансовъ. 2. Пособія опредѣляются въ ссуду преимущественно при пожарахъ недвижимаго, а безвозвратно при потери одного движимаго, не застрахованнаго имущества. 3. Ссуды выдаются въ размѣрѣ не свыше $^1/_3$ части убытковъ въ недвижимомъ, а безвозвратныя пособія въ размѣрѣ $^1/_{10}$ части убытка въ движимомъ имуществѣ; притомъ послѣднія не болѣе 100 р. сер. на одно лицо, и только тѣмъ, кои находятся въ совершенной крайности; такимъ образомъ безвозвратныя пособія лицамъ купеческаго сословія вообще не назначаются, въ томъ вниманіи, что они могли сохранить капиталы. 4. Изъясненный размѣръ для ссудъ въ $^1/_3$ части и безвозвратныхъ пособій въ $^1/_{10}$ части потерь, можетъ быть уменьшаемъ по соображеніямъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. 5. Обезпеченіемъ выданныхъ ссудъ служитъ все имущество погорѣльцевъ, а гдѣ возможно и круговое ручательство сихъ лицъ. 6. Для возврата ссудъ назначаются сроки, смотря по положенію погорѣльцевъ, но не далѣе 15-ти лѣтъ, съ платежемъ ежегодно по равной части. 7. На тѣхъ же основаніяхъ назначаются пособія и лицамъ, пострадавшимъ отъ наводненій, коимъ доселѣ выдавались пособія наравнѣ съ погорѣльцами. (Полож. Ком. Мин. 7-го февр. 1861 г. въ Сен. вѣд. 8-го марта, № 25).

— Въ видахъ образованія возможно-большаго числа фельдшеровъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, 12 января 1861 г., разрѣшилъ пріемъ вольнослушателей въ подвѣдомственныя приказамъ общественнаго призрѣнія фельдшерскія школы.

— Циркулярнымъ предписаніемъ министра внутреннихъ дѣлъ 17 января 1861 г. разрѣшена выдача пособій воспитанникамъ приказовъ, окончившимъ курсъ въ высшихъ врачебно-учебныхъ заведеніяхъ.

— Главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія, для ближайшаго опредѣленія способа покрытія расходовъ на содержаніе губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, между прочимъ постановилъ: Впредь до составленія и утвержденія смѣтъ и раскладокъ сбора на содержаніе губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій и на другія издержки, опредѣленные въ положеніяхъ о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, разрѣшается отпускъ на этотъ предметъ суммъ, заимообразно, изъ состоящаго въ государственномъ казначействѣ особаго крестьянскаго капитала. При раскладкѣ же сего сбора можетъ, въ случаѣ необходимости, быть допущено отступленіе отъ постановленнаго въ пунктѣ 14 прил. къ ст. 537 Уст. о Зем. пов. т. IV правила, по коему поземельный сборъ не долженъ превышать 3 коп.

— 31-го марта 1861 года Высочайше утверждены, въ видѣ опыта на три года, правила для найма рабочихъ для казенныхъ, общественныхъ или государственныхъ работъ.

Согласно этимъ правиламъ, наемъ рабочихъ, какъ крестьянъ всѣхъ наименованій, такъ и лицъ прочихъ сословій, производится артелями, заключающими въ себѣ не свыше 100 человѣкъ и по одиначкѣ, причемъ условія найма артелью обозначаются въ контрактахъ, а одиночнаго записываются въ расчетныя книжки, какъ тѣ, такъ и другія по установленнымъ формамъ. Во время работъ артели состоятъ подъ вѣдѣніемъ и въ повиновеніи выбранныхъ ими старшинъ и выборныхъ, которые наблюдаютъ за исполненіемъ своихъ обязанностей и за непарушеніемъ условій контракта и разбираютъ споры рабочихъ между собой.

Въ случаѣ неудовольствія рабочихъ на подрядчика или его повѣреннаго, старшины и выборные объявляютъ претензіи свои подрядчику; но если не получатъ отъ него удовлетворенія, то обращаются къ начальнику полицейскаго управленія при работахъ, или къ начальнику строительной дистанціи или же наконецъ къ мѣстной полиціи.

Артель, заявивъ свою жалобу, отнюдь не должна до разрѣшенія оной уклоняться отъ работъ; въ случаѣ же замедленія разрѣшенія, артель можетъ послать отъ себя не болѣе 3-хъ довѣренныхъ, для объясненія жалобы своей мѣстному начальнику губерніи или начальнику строительнаго округа, если работы производятся подъ вѣдѣніемъ округа. Подрядчику и назначаемымъ отъ него прикащикамъ, десятникамъ и нарядчикамъ вмѣнено въ обязанность обращаться съ рабочими справедливо и кротко; причемъ подрядчикъ долженъ немедленно удалять отъ работъ тѣхъ изъ десятниковъ и нарядчиковъ, которые будутъ изобличены въ дурномъ обращеніи съ рабочими, или на коихъ будутъ поступать частыя жалобы рабочихъ.

Къ непосредственнымъ обязанностямъ подрядчика относятся: 1) помѣщеніе рабочихъ въ здоровыхъ и помѣстительныхъ жилищахъ; 2) снабженіе рабочихъ свѣжею, здоровою и обильною пищею и здоровою водою; 3) леченіе

больныхъ въ ближайшей къ мѣсту работъ больницѣ, или если рабочихъ болѣе 1000, то въ особо для сего устроиваемыхъ лазаретахъ; 4) призрѣніе увѣчныхъ, подвергшихся сему на работахъ, вознагражденіемъ его выдачею двойной за весь наемный срокъ платы, а въ случаѣ смерти рабочаго отъ ушиба или полученной раны, выдачею такого же вознагражденія его семейству и наконецъ погребеніе на свой счетъ умершихъ рабочихъ. (Полож. Ком. Мин, 31-го марта, 1861 г. въ сен. вѣд. 26-го мая, № 42).

— Прекращено назначеніе крестьянъ въ служительскія должности при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ, а находящіеся нынѣ при оныхъ служители оставлены въ этомъ званіи на установленный Высочайше утвержденнымъ 19 февраля 1861 года положеніемъ о дворовыхъ людяхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, двухлѣтній срокъ для обязательной ихъ службы. Въ замѣнъ же назначенія служителей, отпускать архіерейскимъ домамъ и монастырямъ особыя суммы, для чего и опредѣлено ежегодно 307,850 рублей. Расходъ этотъ обратить въ Европейской Россіи на общественные сборы съ государственныхъ крестьянъ, увеличивъ сей послѣдній по каждой губерніи на ту сумму, какая причтется при раскладкѣ, не включая впрочемъ иновѣрцевъ, и присоединить означенный расходъ къ разряду общественнаго сбора, назначеннаго на содержаніе волостныхъ и сельскихъ управленій и на мѣстныя по онымъ расходы. Въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ есть римско-католическіе монастыри, отъ которыхъ приняты въ казну населенныя имѣнія и къ которымъ назначаются служители изъ государственныхъ крестьянъ того же исповѣданія, гдѣ таковые есть, принять ту же мѣру, т. е. отпускать симъ монастырямъ особыя суммы, всего 36,950 рублей въ годъ; для покрытія же сего расхода присоединить къ общественному сбору сельскихъ обществъ, состоящихъ изъ римско-католиковъ, особый сборъ; въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ государственныхъ крестьянъ римско-католиковъ, оставить денежное тѣмъ монастырямъ пособіе для содержанія служителей на существующемъ нынѣ основаніи. (Полож. Главн. Ком. 14-го апрѣля, въ сен. вѣд. 13-го іюня, № 47).

2) *Народное образованіе.*

8-го января 1861 года, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о надзорѣ за воскресными школами и о назначеніи въ воскресныя школы священниковъ для преподаванія Закона Божія. (См. въ іюльской книжкѣ *Основы* статью «Училища на югѣ»).

— 31-го мая, послѣдовали нѣкоторыя измѣненія въ правилахъ для университетовъ.

Государь Императоръ, признавъ необходимымъ усилить мѣры наблюденія за университетскими студентами, по случаю безпрерывно возникающихъ безпорядковъ, удостоилъ внимательнаго обсужденія это дѣло въ совѣтѣ министровъ и, выслушавъ разностороннія мнѣнія по сему предмету, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1. Производить пріемные экзамены желающимъ поступить въ университеты въ гимназіяхъ вмѣстѣ съ учениками высшаго класса и въ присутствіи, когда окажется возможнымъ, депутатовъ отъ университета, къ округу коего принадлежитъ гимназія.

2) Строго исполнять предписанныя правила о полномъ подчиненіи учащихся университетскому начальству въ стѣнахъ университета, воспрещая положительно всякія сходки безъ разрѣшенія начальства и объясненія съ нимъ чрезъ депутатовъ или сборищемъ.

3) Составить для студентовъ правила относительно точнаго посѣщенія лекцій, съ соблюденіемъ необходимаго порядка и тишины. На лекціяхъ не допускать ни подъ какимъ предлогомъ и ни въ какомъ видѣ шумнаго одобренія или порицанія преподаванія.

4) Вмѣнить въ непремѣнную обязанность университетскаго начальства имѣть неуклонный надзоръ за соблюденіемъ студентами надлежащаго порядка въ университетѣ. Неисполняющихъ сихъ правилъ, несмотря на сдѣланныя имъ напоминанія, увольнять изъ университета, не подвергая ихъ какимъ-либо другимъ взысканіямъ, если поступки ихъ не подлежатъ суду по законамъ.

5) Допускать на лекціи вольнослушателей, соображаясь съ вмѣстимостью университетскихъ аудиторій, съ представленіемъ притомъ профессорамъ права удалять тѣхъ вольнослушателей, которые окажутся виновными въ нарушеніи порядка.

6) Не принимать впредь студентовъ ранѣе 17-ти-лѣтняго возраста. Отмѣнить форменную одежду и не дозволять ношеніе какихъ-либо знаковъ отдѣльной народности, или какихъ-либо товариществъ, или обществъ. Частная одежда студентовъ должна быть приличная.

7) Отъ ежегоднаго денежнаго взноса освобождаются только тѣ дѣйствительно бѣдные студенты, которые до поступленія въ университетъ признаны на экзаменѣ достойнѣйшими, полагая на первое время для каждой губерніи, принадлежащей къ университетскому округу, но два такихъ студента, въ томъ числѣ одного изъ учившихся въ гимназіи. Другихъ исключеній не допускается ни подъ какимъ предлогомъ.

8) Пособія и стипендіи назначаются только отличившимся бѣднымъ студентамъ, преимущественно изъ гимназистовъ университетскаго округа.

9) Взыскиваемыя съ студентовъ деньги за право слушанія лекцій назначаются на увеличеніе содержанія профессоровъ, адъюнктовъ, лекторовъ и приватъ-доцентовъ и на означенныя въ предъидущемъ пунктѣ пособія и стипендіи студентамъ.

10) Выборъ ректоровъ и проректоровъ производится на точномъ основаніи устава 1835 года. Данную въ 1851 году ректорамъ и деканамъ факультетовъ инструкцію пересмотрѣть, сохранивъ точный смыслъ 11-го пункта оной, которымъ и руководствоваться до пересмотра инструкцій.

11) Окончившимъ полный университетскій курсъ и получившимъ аттестаты сохранить предоставляемыя имъ нынѣ закономъ права при поступленіи на службу.

12) Предоставить министру народнаго просвѣщенія составить соображеніе объ увеличеніи содержанія преподавателей въ университетахъ.

13) Всѣ вышепрописанныя мѣры приводить въ исполненіе постепенно и по мѣрѣ возможности.

Высочайшее повелѣніе это сообщивъ 31-го мая 1861 года начальствамъ учебныхъ округовъ къ исполненію по университетамъ и гимназіямъ, что до послѣднихъ относиться можетъ, министръ народнаго просвѣщенія предложилъ попечителямъ, по пункту 3-му, предписать нынѣ-же университетскому начальству озаботиться немедленнымъ составленіемъ для студентовъ правилъ

относительно точнаго посѣщенія лекцій и проектъ сихъ правилъ представить министерству на утвержденіе; по пункту-же 12-му доставить предварительно министерству нужныя свѣдѣнія и соображенія съ заключеніемъ окружныхъ начальствъ относительно размѣра и основаній увеличенія окладовъ содержанія преподавателямъ въ университетахъ, какъ-то: профессорамъ, адъюнктамъ и лекторамъ.

— 3 марта 1861 года утвержденъ уставъ общества распространенія полезныхъ книгъ.

Согласно уставу, общество учреждается съ цѣлью развивать и укрѣплять здравыя нравственныя понятія и для того предлагать по возможно дешевой цѣнѣ полезное и общепонятное чтеніе для всѣхъ классовъ и возрастовъ русскихъ читателей. Книги издаются обществомъ на русскомъ языкѣ и могутъ быть оригинальныя и переводныя.

Управленіе Общества находится въ Москвѣ подъ предсѣдательствомъ лица женскаго пола, на томъ основаніи, что первая мысль объ учрежденіи въ Москвѣ настоящаго общества принадлежитъ женщинамъ, и что таково желаніе учредителей.

Общество состоитъ изъ членовъ (вносящихъ ежегодно по 10 рублей), членовъ-сотрудниковъ и коммисіонеровъ. (Сен. вѣд. 14 апр. 1861 г. № 30.)

— 7 апрѣля 1861 года утвержденъ уставъ Общества русскихъ врачей въ Москвѣ, имѣющаго главною цѣлью способствовать самостоятельнымъ трудамъ отечественныхъ врачей на пользу медицины. Для этой цѣли Ощество имѣетъ свои засѣданія, издаетъ медицинскую газету, журналъ или записки и наконецъ издаетъ замѣчательныя медицинскія сочиненія.

Общество состоитъ изъ неограниченнаго числа членовъ, изъ которыхъ каждый обязывается ежегоднымъ взносомъ 5 руб. сер. При этомъ членами общества могутъ быть избираемы: а, всѣ врачи, извѣстные въ Россіи медицинскими сочиненіями, какъ оригинальными, такъ и переводными; б, врачи, представившіе въ Общество замѣчательную статью по какимъ либо изъ отдѣловъ его повременнаго изданія, в, врачи, извѣстные по своей образованности и дѣятельному распространенію медицинскаго просвѣщенія въ Россіи; г, врачи, издатели медицинскихъ книгъ и періодическихъ сочиненій, и д, врачи, извѣстные въ практикѣ, а также ученые спеціалисты, не исключая изъ числа послѣднихъ и аптекарей. (Журн. Ком. М-въ 28 марта и 11 апр. 1861 г. въ Сен. вѣд. 2 іюня № 44).

— Находя, что число устроенныхъ въ казенныхъ селеніяхъ приходскихъ училищъ весьма ограниченно въ сравненіи съ народонаселеніемъ, министръ государственныхъ имуществъ предписалъ управляющимъ палатами государственныхъ имуществъ пригласить священниковъ, діаконовъ, причетниковъ и ихъ женъ для обученія крестьянскихъ дѣтей молитвамъ, чтенію, письму и счету, производя обученіе въ собственныхъ домахъ священнослужителей или въ зданіяхъ по отводу крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы необходимые расходы относить съ разрѣшенія управляющихъ палатами, на остатки отъ училищныхъ суммъ по губерніи.

При этомъ предоставить крестьянскимъ обществамъ, по добровольному ихъ согласію, назначать мірскіе сборы для увеличенія средствъ школъ и выдачи усердныхъ преподавателямъ вознагражденія, которое не должно превышать 2 руб. сер. на каждаго обучающагося мальчика или дѣвочку. (Циркуляр. пред. министра госуд. имущ. 8 февр. 1861 г.)

3) *Промышленность, торговля, пути сообщенія.*

Въ видѣ временной мѣры, впредь до окончательнаго разсмотрѣнія, составляемаго въ министерствѣ финансовъ проэкта новаго торговаго устава, постановлено: что купцы 1 и 2 гильдій, перечисливпіеся въ 3 гильдію, или вовсе выбывшіе изъ купечества, пользуются предоставленнымъ ст. 93 уст. торг. т. XI правомъ на полученіе изъ-за границы товаровъ съ платою обыкновенной таможенной пошлины, не далѣе шести мѣсяцевъ со времени выбытія изъ означенныхъ гильдій, и затѣмъ съ тѣми товарами, кои будутъ привезены на ихъ имя, послѣ сего срока, поступать согласно 94 ст. того же тома. (Пол. Ком. М-въ 28 дек. 1860 г. въ Сен. вѣд. 1861 г. № 14).

— Въ измѣненіе 371 ст. уст. о пошл. (св. зак. т. V изд. 1857 г.) постановлено: куппу, который за необъявленіе въ положенный закономъ срокъ желанія записаться въ гильдію, выписанъ въ мѣщане, дозволяется въ теченіи года объявить вновь таковое желаніе, и заплативъ городскія и земскія повинности (ст. 549) за весь годъ, явиться въ казначейство для полученія свидѣтельства на торговлю, съ платежемъ годовой пошлины и еще четвертой части оной. Сему платежу годовой пошлины и четвертой части оной подлежатъ мѣщане и крестьяне, если они возобновляютъ свидѣтельство на торговлю не въ установленный срокъ. (Мнѣн. Гос. Сов. 16 января 1861 г. въ Сен. вѣд. 3 марта № 18).

— Разрѣшено впредь на шесть лѣтъ всѣмъ молодымъ людямъ торговаго сословія, русскимъ подданнымъ, достигшимъ 17-лѣтняго возраста, отправляться въ чужіе краи, для практическихъ занятій въ иностранныхъ купеческихъ конторахъ. (Пол. Ком. М-въ 17 янв. въ Сен. вѣд. 17 марта № 22).

— Разрѣшено женамъ служащихъ чиновниковъ вступать въ гильдію и заниматься торговлею, если при запискѣ въ гильдію представятъ удостовѣреніе: а, отъ мужа, что онѣ будутъ производить торговлю на собственный свой независимый отъ мужа капиталъ, и б, отъ ближайшаго начальства ихъ мужей, что мужъ по роду службы своей не можетъ имѣть вліянія на торговлю своей жены. (Мн. Гос. Сов. 24 апр. 1861 г. въ Сен. вѣд. 27 іюня № 51).

Въ дополненіе подлежащихъ статей свода законовъ постановлено: 1, выдаваемое изъ уѣздныхъ казначействъ, на основаніи 491 ст. уст. о пошл. (Св. Зак. т. V, изд. 1857 г.), свидѣтельство о взносѣ дополнительныхъ по высшей гильдіи пошлинъ, какъ купцамъ 2 и 3 гильдій, такъ личнымъ дворянамъ и крестьянамъ, торгующимъ по свидѣтельствамъ 2 и 3 разрядовъ, предоставляетъ имъ всѣ права высшей гильдіи, относительно заключенія контрактовъ, и потому таковыя лица, заключившія съ казною договоры о подрядахъ по одному департаменту какого либо министерства, могутъ быть въ теченіе того года, на который выдано дополнительное свидѣтельство, допускаемы къ заключенію контрактовъ на сумму, для высшей гильдіи опредѣленную, вообще по всѣмъ казеннымъ общественнымъ установленіямъ, и 2, если исполненіе принятаго означенными лицами подряда, или другаго какого либо обязательства, будетъ продолжаться нѣсколько лѣтъ и причитающаяся, на каждый годъ, сумма подряда будетъ превышать установленный, по званію контрагента, размѣръ, то обязывать его вносить слѣдующія по закону гильдейскія повинности до истеченія срока контракта. (Мн. Гос. Сов. 24 апр. 1861 г. въ Сен. вѣд. 27 іюня № 51).

4) Законы уголовные и полицейскіе.

Вскрытіе мертвыхъ тѣлъ священниковъ, діаконовъ и монаховъ, въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ (ст. 1738 уст. сул. мед. Св. зак., изд. 1857 г. т. XIII), допускается на общемъ основаніи, съ соблюденіемъ слѣдующихъ правилъ: 1, чтобы вскрытіе труповъ сихъ лицъ производилось съ разрѣшенія епархіальнаго архіерея при депутатѣ съ духовной стороны, въ крайнемъ же случаѣ, когда, по отдаленности, и по другимъ обстоятельствамъ, нельзя благовременно получить разрѣшенія архіерея, оно можетъ быть произведено съ согласія духовнаго правленія или благочиннаго, также при депутатѣ съ духовной стороны, и 2, засвидѣтельствованная слѣдователемъ копія съ протокола осмотра тѣла должна быть на мѣстѣ сообщена депутату, а имъ представлена епархіальному архіерею при обстоятельномъ донесеніи. (Мн. Гос. Сов. 24 окт. 1860 г. въ Сен. вѣд. 3 янв. 1861 г. № 1).

— Разрѣшено судебнымъ мѣстамъ: не стѣсняясь состоявшимися рѣшеніями, примѣнять ко всѣмъ дѣламъ рѣшеньмъ, мнѣніе государственнаго совѣта 22 марта 1860 года, которымъ отмѣнена отдача въ военную службу за преступленія и проступки лицъ гражданскаго вѣдомства, не изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія. (Выс. пов. 21 марта 1861 г. въ Сен. в. 21 марта № 23).

5) Законы гражданскіе.

Въ дополненіе законовъ гражданскихъ, постановлено: 1) Въ случаѣ смерти лица, предложившаго на публичныхъ торгахъ высшую за имѣніе цѣну, и непредставленія, вслѣдствіе сего, ни имъ самимъ, ни его наслѣдниками, въ 15-ти-дневный срокъ дополнительной, къ внесенному умершимъ лицомъ задатку, покупной суммы, публичная продажа считается несостоявшеюся, а имѣніе назначается вновь въ продажу, по той же описи, немедленно. 2) Внесенныя умершимъ покупателемъ задаточныя деньги отсылаются въ то присутственное мѣсто, въ коемъ производится дѣло объ оставшемся послѣ умершаго наслѣдствѣ. (Мнѣн. госуд. сов. 14-го ноября 1860 г., въ Сен. Вѣд. 5 января 1861 г. № 1).

Отмѣнено содержащееся въ 3-мъ пунктѣ 1589 ст. Зак. Граж. Т. X ч. I, изд. 1857 года, ограниченіе относительно пріема въ залогъ еврейскихъ домовъ въ 50-верстной чертѣ отъ границъ съ Австріею и Пруссіею. *) Мнѣн. госуд. сов. 5-го декабря 1860 г., Сен. Вѣдом, 10 января 1861 г. № 3).

— Въ дополненіе статей 1862 и 1953 зак. о судопр. граж. (X. Т. ч. 2 прод. 1) постановлено: что свидѣтели, назначаемые для присутствованія при описи продаваемыхъ съ публичнаго торга имѣній, а равно и оцѣнщики тѣхъ имѣній, за уклоненіе отъ своихъ обязанностей, подвергаются взысканію по статьѣ 310 Улож. о Нак. въ порядкѣ административномъ, если они не пожелаютъ сами предоставленія дѣла судебному разсмотрѣнію. (Мнѣн. госуд. сов., 14-го ноября, 1860 г. Сен. Вѣдом. 13 января 1861 г. № 4).

— Въ дополненіе подлежащихъ статей свода законовъ постановлено: 1) Сохранныя росписки не подлежатъ дѣйствію 10-лѣтней давности; посему, при-

(*) Ограниченіе это установленно по случаю бывшаго предположенія о высезеніе евреевъ изъ 50-верстной пограничной полосы въ западныхъ губерніяхъ и заключалось въ запрещеніи принимать въ залогъ по договорамъ съ казною еврейскіе дома въ чертѣ этой полосы.

пявшій что-либо на сохраненіе обязанъ возвратить принятое имъ, по первому востребованію, когда бы таковое, во все время жизни его, владѣльцемъ отданнаго на сохраненіе имущества къ нему предъявленно не было. 2) Въ случаѣ смерти лица принявшаго чужое имущество на сохраненіе, наслѣдники его обязаны, до вступленія ихъ въ права его по имѣнію имъ оставленному, сдѣлать въ теченіи 6-мѣсячнаго срока, со дня открытія наслѣдства, вызовъ лицъ, имѣющихъ у себя сохранныя отъ него росписки. Наслѣдники, несдѣлавшіе сего вызова или хотя и сдѣлавшіе, но вступившіе во владѣніе имѣніемъ умершаго до истеченія срока, опредѣленнаго для предъявленія, по ихъ вызову, сохранныхъ росписокъ, обязаны отвѣтствовать по предъявленнымъ сохраннымъ роспискамъ. 3) Вызываемые для предъявленія росписокъ обязаны въ теченіи 6 мѣсяцевъ со дня послѣдняго припечатанія вызововъ въ вѣдомостяхъ, предъявить оныя, безъ чего они лишаются права на взысканіе по нимъ; въ случаѣ же благовременнаго предъявленія своихъ росписокъ, лица сіи пользуются правомъ иска въ продолженіи 10 лѣтней давности. 4) Въ случаѣ смерти лица, оставившаго послѣ себя сохранныя росписки, наслѣдники его обязаны также, въ теченіи 6 мѣсяцевъ со дня открытія наслѣдства, вызвать черезъ вѣдомости лицо, принявшее имущество на сохраненіе, лишаясь въ противномъ случаѣ права на вчинаніе иска о возвращеніи имъ имущества по сохранной роспискѣ. Для наслѣдниковъ, же сдѣлавшихъ вызовъ въ установленный срокъ, дѣйствіе 10-лѣтней давности къ начатію исковъ считается со дня послѣдняго припечатанія вызова. 5. Обязанность дѣлать означенные вызовы, въ случаѣ если неизвѣстны наслѣдники или же они не вступятъ въ права умершаго, возлагается на мѣста и лица, обязанныя вызывать кредиторовъ и должниковъ умершаго. и 6. Дѣйствіе всѣхъ сихъ правъ не распространяется на сохранныя росписки, выданныя до обнародованія настоящаго закона. Эти росписки подлежатъ дѣйствію общихъ постановленій о 10 лѣтней давности; причемъ срокъ сей давности исчисляется со дня написанія оныхъ или же со времени какого либо по онымъ дѣйствія. (Мнѣн. госуд. сов. 21 ноября 1860 г., въ Сен. Вѣд. 14 апрѣля 1861 г. № 30).

— 21 апрѣля обнародованъ Сенатскій указъ о наблюденіи за опекунами, чтобы они въ распоряженіи капиталами малолѣтнихъ, попеченію ихъ ввѣренными, руководствовались существующими на сей предметъ узаконеніями.

Поводомъ обнародованія сего указа послужило то обстоятельство, что капиталы малолѣтнихъ часто берутся опекунами взаймы подъ залогъ ихъ имѣній. Правительствующій Сенатъ призналъ подобные займы опекуновъ дѣйствіемъ самовольнымъ и подвергающимъ ихъ за сіе отвѣтственности, тѣмъ болѣе, что если допустить опекуновъ дѣлать у малолѣтнихъ займы съ обезпеченіемъ ихъ своимъ имѣніемъ, то тѣмъ самимъ имѣніе ихъ было бы освобождено отъ отвѣтственности, возлагаемой на опое 290 ст. 1 ч, X т, изд. 1857 г. въ случаѣ причиненія опекуномъ убытка малолѣтнему, при нерадѣніи или умыслѣ въ управленіи его имѣніемъ, такъ какъ имѣніе опекуна не всегда въ одно и то же время служитъ обезпеченіемъ и займа денегъ у малолѣтняго и потерь, которыя могутъ быть причинены малолѣтнему, управленіемъ опекуна его имуществомъ. (Сен. Вѣд. 21 апрѣля 1861 г. № 32).

— Въ дополненіе ст. 373 ч. I Т. X, изд. 1857 года, постановленно: безумные и сумашедшіе, несовершившіе преступленія и отдаваемые для излеченія въ частныя лечебныя заведенія, могутъ быть свидѣтельствуемы установленнымъ порядкомъ только по требованію ихъ родственниковъ, опекуновъ, попечите-

лей или наслѣдниковъ, и когда они будутъ отданы въ такія заведенія безъ предварительнаго формальнаго ихъ освидѣтельствованія, то содержатели сихъ заведеній обазаны немедленно увѣдомлять о семъ мѣстное медицинское начальство, которое также представляетъ о семъ безотложно начальнику губерніи. Сей послѣдній, получивъ такое увѣдомленіе, собираетъ немедленно, частнымъ образомъ и безъ огласки, свѣдѣнія: не было ли при помѣщеніи тѣхъ больныхъ въ лечебныя заведенія какого либо злоупотребленія власти надъ ними и независимо отъ того сообщаетъ, смотря по состоянію и званію больнаго, о собраніи такимъ же образомъ означенныхъ свѣдѣній мѣстному предводителю дворянства или городскому головѣ.

Если по собраннымъ свѣдѣніямъ обнаружатся обстоятельства, требующія какихъ либо особыхъ распоряженій, то начальникъ губерніи поступаетъ, смотря по обстоятельствамъ на основаніи ст. 527 и 533 Т. II ч. 1 Общ. Губ. Учр. (мнѣн. госуд. сов. 17 апрѣля 1861 г. въ Сен. Вѣд. 9 іюня № 46).

6) Законы о службѣ гражданской и военной.

Постановлено, что должности бухгалтеровъ въ городскихъ думахъ и ратушахъ замѣщаются, какъ по опредѣленію отъ правительства, лицами, имѣющими право на вступленіе въ государственную службу, такъ и по найму, лицами всѣхъ вообще сословій, имѣющими достаточную опытность и знанія въ счетной части, безъ предоставленія симъ послѣднимъ правъ государственной службы. (Мнѣн. госуд. сов. 16 января 1861 г. въ Сен. Вѣд. 17 февраля № 14).

— Лицамъ, назначаемымъ почетными блюстителями по хозяйственной части въ духовно-учебныя заведенія, изъ дворянскаго сословія, предоставлены права государственной службы. (Выс. повел. 3 декабря 1860 г. въ Сен. Вѣд. 14 марта № 21).

— Разрѣшено увольнять чиновъ межеваго корпуса и чиновъ губернскаго межеваго вѣдомства, по ходатайству землевладѣльцевъ, на частныя межевыя работы, съ тѣмъ, чтобы сроки увольненія для каждаго лица не превышали одновременно шести мѣсяцевъ. При этомъ увольняемые на частныя работы считаются въ командировкѣ и, вмѣсто окладнаго своего содержанія, получаютъ задѣльную плату, по взаимному условію съ землевладѣльцами. (Выс. повел. 27 марта 1861 г. въ Сен. Вѣд. 9 іюня № 46).

7) *Повинности.*

По городскимъ рекрутскимъ участкамъ одиночекъ и двойниковъ, равно какъ и по общимъ участкамъ многорабочихъ семействъ, дозволено ограничиться, при первомъ будущемъ наборѣ, призывомъ къ рекрутскому жеребью лишь того числа людей, которое требуется статьею 812 уст. рекрутскаго Св. Зак. изд. 1857 г. Т. IV (именно за исключеніемъ подлежащихъ изъятіямъ не болѣе 7 человѣкъ для выбора одного рекрута или не болѣе 70 человѣкъ на каждую тысячу душъ, подлежащихъ рекрутству), съ исключеніемъ затѣмъ излишнихъ старшихъ возрастовъ, хотя бы они и не участвовали еще ни разу въ вынимании жеребья. Причемъ это правило распространено и на однодворцевъ западныхъ губерній, у которыхъ существуетъ такой же порядокъ призывовъ къ рекрутскому жеребью, какъ и у мѣщанскихъ одиночекъ и двойниковъ. (Мн. гос. сов. 12 дек. 1860 г. въ Сен. вѣд. 21 янв. 1861 г. № 9).

Постановлены слѣдующія, общія, какъ для очереднаго, такъ и для жеребьеваго рекрутскаго порядка правила: 1, люди, подлежащіе призыву къ рекрутскому жеребью въ первый будущій наборъ, равно какъ состоящіе на первой или второй очереди рекрутской, могутъ, до объявленія сего набора, получать увольнительные виды, для отлучекъ, изъ своихъ участковъ, на тѣ же сроки, на кои вообще дозволено выдавать оныя лицамъ податнаго состоянія. Но виды сіи сохраняютъ силу лишь до объявленія рекрутскаго набора въ той полосѣ Имперіи, къ коей принадлежитъ отлучающійся; по объявленіи набора, хотя бы срокъ виду еще не кончился, дѣйствіе онаго прекращается и тотъ, кому онъ выданъ, обязанъ немедленно возвратиться въ свой участокъ. 2, Въ продолженіи времени отъ окончанія одного набора до объявленія другаго, означенныя въ предшедшемъ пунктѣ лица могутъ получать и отсрочки по увольнительнымъ видамъ, на общемъ основаніи; причемъ сказанное о билетахъ и паспортахъ примѣняется и къ отсрочкамъ. 3, За неявку ко времени набора въ свой участокъ, виновные подвергаются дѣйствію правилъ, въ уставѣ рекрутскомъ (Св. Зак. изд. 1857 г. Т. IV ст. 433, 862, 969, 1162 и 1319) опредѣляемыхъ. Тѣ же, кои послѣ объявленія на мѣстѣ манифеста о наборѣ, будутъ болѣе десяти дней держать ихъ у себя, подлежатъ взысканіямъ, положеннымъ за держаніе людей безъ видовъ, хотя бы и не было съ ихъ стороны намѣреннаго укрывательства сихъ лицъ отъ рекрутства (ст. 577 по прод. IV № 2 Улож. о Нак.) (Мн. гос. сов. 16 янв. 1861 г. въ Сен. вѣд. 3 марта № 18).

8) *Учрежденія.*

26 декабря 1860 года утвержденъ составленный министромъ внутреннихъ дѣлъ проэктъ положенія о губернскихъ и областныхъ статистическихъ комитетахъ, причемъ предоставлено министру приступить нынѣ же къ преобразованію по сему проэкту сихъ комитетовъ, съ тѣмъ, чтобъ причитающіеся на содержаніе ихъ суммы изъ земскихъ губернскихъ сборовъ были назначены къ отпуску съ 1863 года, а между тѣмъ заняться предварительными мѣрами для устройства ихъ. Главнѣйшія основанія новаго положенія о статистическихъ комитетахъ слѣдующія:

Губернскіе или областные статистическіе комитеты учреждаются во всѣхъ губернскихъ и областныхъ городахъ; главное назначеніе ихъ состоитъ въ исправномъ содержаніи мѣстной административной статистики, т. е. въ установленіи правильнѣйшихъ способовъ собиранія, по требованіямъ правительства и указаніямъ центральнаго статистическаго комитета, точныхъ статистическихъ свѣдѣній о количествѣ и качествѣ земель, народонаселеніи и производительныхъ силахъ губерніи или области и въ составленіи изъ собранныхъ свѣдѣній требуемыхъ статистическихъ таблицъ и вѣдомостей.

Кромѣ того комитетамъ вмѣняется въ обязанность составлять, по мѣрѣ возможности, подробныя описанія губерній, областей, городовъ, мѣстностей, замѣчательныхъ въ отношеніи топографическомъ, историческомъ, промышленномъ, торговомъ, сельско—хозяйственномъ и пр. и объ изданіи трудовъ своихъ въ свѣтъ.

Статистическіе комитеты состоятъ, подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ и подъ главнымъ вѣдѣніемъ генералъ-губернаторовъ, гдѣ они находятся, изъ помощника предсѣдателя, членовъ непремѣнныхъ, дѣйствительныхъ и почетныхъ и секретаря. (Мнѣніе Госуд. Сов. 26 дек. 1860 г. въ Сен. вѣд. 10 февр. 1861 г. № 12.

II.

МѢСТНЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

1) *Благоустройство.*

Вслѣдствіе ходатайства дворянъ Крымскаго полуострова, касательно преподанія разныхъ способовъ къ поддержанію устройства тамошнихъ владѣльческихъ имѣній, опредѣлены особыя правила о заселеніи владѣльческихъ въ Крыму земель иностранными выходцами и русскими переселенцами изъ другихъ губерній.

а) Главнѣйшія правила для заселенія земель иностранными выходцами слѣдующія:

Земледѣльцамъ предоставляется вступать въ предварительныя соглашенія съ иностранцами, которые предъявятъ удостовѣреніе подлежащей Россійско-Императорской миссіи о неимѣніи препятствій къ водворенію ихъ въ Россіи, съ устраненіемъ затѣмъ всякаго въ этомъ дѣлѣ посредства правительства, которое не будетъ дѣлать никакихъ вызововъ иностранцамъ.

Принимаемые землевладѣльцами заграничные выходцы должны быть водворяемы не цѣлыми массами, или сплошными округами, а лишь селеніями и деревнями, наряду съ русскими поселенцами, или же на фермахъ и хуторахъ, подчиняясь общему мѣстному завѣдыванію и управленію.

Всѣ заграничные выходцы, по водвореніи на владѣльческихъ земляхъ и принятіи русскаго подданства, освобождаются пожизненно съ наличными сыновьями отъ рекрутства; если же въ числѣ ихъ будутъ меноннсты, то по прошествіи 25 лѣтней льготы, они облагаются денежнымъ сборомъ подъ именемъ рекрутскаго.

Водворившіеся выходцы, по вступленіи въ русское подданство, обязаны причислиться къ свободному, непользующемуся особыми правами состоянію; приписка же ихъ въ званіе колонистовъ съ предоставленными симъ послѣднимъ, по прежнимъ узаконеніямъ, правами и преимуществами, не допускается.

Для скорѣйшаго заселенія полуострова, предоставляется иностранцамъ, которые прочно водворятся на помѣщичьихъ земляхъ, вступятъ въ русское подданство и изберутъ себѣ тогда же состояніе,—льгота отъ платежа казенныхъ податей и отъ исправленія общихъ натуральныхъ повинностей; водворившимся въ 1861, 1862, 1863 и 1864 годахъ, въ теченіи 10, а позднѣйшимъ переселенцамъ, въ теченіи 5 лѣтъ со времени причисленія сихъ людей въ избранное ими состояніе.

б) Главнѣйшія правила для заселенія владѣльческихъ земель русскими переселенцами изъ другихъ губерній:

Лицамъ свободныхъ, сельскаго и городскаго, сословій, всѣхъ губерній, дозволено переселяться на владѣльческія земли въ Крыму по соглашенію съ владѣльцами.

Желающіе переселиться должны имѣть увольнительное свидѣтельство отъ своихъ обществъ и получить разрѣшеніе губернскаго начальства, которому

они подчинены. Для предупрежденія бродяжничества подъ предлогомъ переселеній, требуется удостовѣреніе отъ обществъ, что выселяющіеся изъ нихъ въ Крымъ имѣютъ достаточно собственныхъ или получаемыхъ отъ владѣльца средствъ для прибытія съ семействомъ на мѣсто и на предварительное обзаведеніе; причемъ переселяющійся долженъ имѣть свидѣтельство о составѣ его семейства, съ удостовѣреніемъ, что въ немъ находится не менѣе одного совершеннолѣтняго и вполнѣ способнаго работника, могущаго обезпечить содержаніе прочихъ членовъ семейства.

При воспослѣдованіи разрѣшенія, которое, однакожъ, для устраненія затрудненій дается на отдѣльныя семейства, а не на цѣлыя селенія или общества, допускаются слѣдующія облегчительныя правила: выдачѣ разрѣшеній не препятствуютъ податныя недоимки, такъ какъ онѣ по пречисленіи переселенцевъ, слагаются; рекрутская повинность также не служитъ препятствіемъ, потому что должна быть отправлена переселенцами на новомъ мѣстѣ ихъ жительства; прошенія о переселеніи пишутся на простой бумагѣ и разрѣшеніе означается на увольнительномъ приговорѣ и сохраняетъ свою силу въ теченіе одного года, по истеченіи котораго, если переселенцы не водворятся окончательно въ Крыму, увольнительный приговоръ подлежитъ уничтоженію; наконецъ этотъ приговоръ служитъ и видомъ для слѣдованія прямымъ путемъ въ Крымъ.

Переселенцы составляютъ въ случаѣ возможности особыя общества, въ которыхъ учреждаются сельскія управленія, подчиняясь въ административномъ и судебномъ отношеніи общимъ губернскимъ учрежденіямъ, или же причисляются по распоряженію мѣстнаго начальства къ ближайшимъ обществамъ государственныхъ крестьянъ.

Для причисленія ихъ не требуется пріемныхъ свидѣтельствъ отъ новыхъ обществъ, къ которымъ переселяющіеся захотятъ причислиться, и по истеченіи льготныхъ лѣтъ, они сами лично отвѣчаютъ за исправный взносъ податей и повинностей.

Льготы состоятъ въ томъ, что переселенцы всѣхъ губерній, кромѣ смежныхъ съ Таврическою, Новороссійскихъ губерній: Херсонской и Екатеринославской, а равно земли войска Донскаго, освобождаются отъ казенныхъ податей и повинностей на 10-ть лѣтъ и отъ исполненія рекрутской повинности на три набора (*).

Правила, при заключеніи договоровъ между Крымскими землевладѣльцами и русскими переселенцами, почти тѣ-же, какъ и для договоровъ этихъ владѣльцевъ съ иностранными выходцами; но на первый разъ договоры эти могутъ быть заключены не далѣе, какъ на десять лѣтъ.

Министру Государственныхъ Имуществъ предоставлено дополнить или измѣнить эти правила согласно обстоятельствамъ и указанію опыта, подобно тому, какъ ему предоставлено также это право относительно правилъ заселенія Крыма иностранцами. (Полож. Комитета Министр. 25-го октября и 8-го ноября, въ Сен. вѣд. 1861 г. 24-го января, № 7 и 7-го февраля № 11:)

— Сложены со счетовъ, числящіяся на недвижемыхъ имѣніяхъ обывателей Керчь-Еникольскаго градоначальства казенныя взысканія, долги, по коимъ иму-

(*) Очевидно, что правительство, не препятствуя переселенію въ Крымъ изъ пограничныхъ съ Таврическою, губерній Херсонской, Екатеринославской и земли войска Донскаго, не предоставляетъ никакихъ льготъ переселенцамъ изъ этихъ мѣстностей, потому что онѣ принадлежатъ къ числу многоземельныхъ и малонаселенныхъ.

щества сіи приняты были въ залогъ по питейнымъ откупамъ, казеннымъ подрядамъ и ссудамъ на постройку каботажныхъ судовъ, до вторженія въ Керчь непріятеля 12-го мая 1855 года, и владѣльцы коихъ представятъ удостовѣреніе мѣстной городской Думы или подлежащаго начальства въ томъ, что они подвергнулись разоренію во время войны и не въ состояніи обойтись безъ такой льготы. (Полож. Ком. Министр. 1-го янв. 1861 г. Сен. вѣд. 24-го февр. № 16.)

— Высочайшимъ повелѣніемъ 15-го февраля 1861 года распространена сила Высочайше утвержденнаго 13-го апрѣля 1859 года. мнѣнія Государственнаго Совѣта о дарованіи льготъ переселенцамъ изъ отшедшей части Бессарабіи на казенныя земли, или въ города, и на тѣхъ лицъ, которыя переселились въ Россію до воспослѣдованія сего постановленія.

Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 13-го апрѣля 1859 года, переселяющіяся лица свободнаго податнаго состоянія, освобождены отъ платежа податей и повинностей на 8 лѣтъ и имъ выдавалось въ видѣ пособія на водвореніе по 35 р. на семью. Кромѣ того повелѣно не возбуждать никакой переписки о недоимкахъ на перечисляющихся, въ податяхъ и другихъ сборахъ по прежнему ихъ состоянію. (Сен. вѣд. 24 Марта № 24.)

2) *Народное образованіе.*

Для усиленія средствъ Новочеркаской гимназіи, установлена плата съ приходящихъ учениковъ, за ученіе въ оной, по 5 руб. сер. въ годъ съ каждаго ученика, не подчиняя этому правилу учениковъ недостаточнаго состоянія. [Полож. Воен. Сов. 24 янв. 1861 г, Сен. вѣд. 17 марта № 22.]

— Сагласно представленію попечителя Одесскаго учебнаго округа, товарищь министра народнаго просвѣщенія 31 января 1861 г. разрѣшилъ вмѣсто взимавшейся съ своекоштныхъ пансіонеровъ Симферопольской гимназіи платы по 230 руб. взимать съ 1-го января 1861 года по 270 руб. сер. въ годъ съ каждаго, съ тѣмъ, чтобы таковая плата при первой возможности была понижена и чтобы сумма, которая составится вслѣдствіе этой прибавочной платы, была распредѣляема ежегодно слѣдующимъ образомъ: 1000 р. на столъ пансіонеровъ, прислугу и прочіе хозяйственные предметы, 850 руб — на увеличеніе жалованья комнатнымъ надзирателямъ при пансіонѣ и 150 руб — на прибавку жалованья законоучителю гимназіи и исполненіе разныхъ духовныхъ требъ.

— Въ городѣ Екатеринодарѣ учреждается Маріинское женское училище Кубанскаго Казачьяго войска съ благороднымъ при немъ пансіономъ для доставленія лицамъ всѣхъ сословій Кубанскаго казачьяго войска средствъ къ образованію ихъ дочерей. Въ училище принимаются приходящими ученицами, дочери: а. офицеровъ и нижнихъ чиновъ Кубанскаго казачьяго войска, б. чиновниковъ, къ сословію сего войска не принадлежащихъ; в, священнослужитетей Христіанскихъ исповѣданій· г. купцовъ всѣхъ гильдій, и д. лицъ всякаго званія мусульманскаго исповѣданія. Съ каждой приходящей ученицы изъ купеческаго званія взимается ежегодно въ доходъ училища по 10 руб. сер. Деньги эти предназначаются преимущественно на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій для училища. Непосредственное наблюденіе за преподаваніемъ ввѣряется инспектору классовъ, назначаемому изъ лицъ кончившихъ курсъ въ одномъ изъ россійскихъ университетовъ или другомъ высшемъ учебномъ заведеніи.

Возрастъ для пріема дѣвицъ назначается отъ 8 до 13-ти лѣтъ.

Училище состоитъ изъ 7-ми классовъ, въ томъ числѣ одного приготовительнаго; въ каждомъ классѣ ученицы остаются по одному году. Общій пріемъ ученицъ въ училище бываетъ каждый годъ въ началѣ учебнаго курса, т. е. съ 16 августа. Въ училищѣ преподаются слѣдующіе предметы: 1. Законъ Божій, 2. Русскій языкъ и краткія понятія о воспитаніи дѣтей. 3. Ариѳметика, 4. Начальныя основанія естественной исторіи и домашнее хозяйство 5. Географія 6, Исторія, 7. Чистописаніе и рисованіе 8, Пѣніе церковное 9. Женская гимнастика и 10. Рукодѣліе. Кромѣ того дозволяется обучать за особую плату какъ приходящихъ ученицъ, такъ и воспитанницъ пансіона французскому языку, танцованію и музыкѣ.

Всѣ науки преподаются учителями, окончившими курсъ ученія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ или же выдержавшими испытаніе въ одномъ изъ россійскихъ университетовъ на званіе учителя гимназіи.

Уроки бываютъ только до обѣда, по три урока каждый день начиная съ $8^1/_2$ часовъ утра по $1^1/_4$ часа каждый урокъ.

Каждой дѣвицѣ, кончившей курсъ ученія, выдается аттестатъ, на основаніи котораго она получаетъ свидѣтельство на званіе домашней учительницы не подвергаясь особому испытанію.

При училищѣ учреждается благородный пансіонъ, въ коемъ воспитанницы получаютъ полное содержаніе. Число воспитанницъ пансіона полагается 120: изъ нихъ 40 содержатся на полномъ, 40 на половинномъ казенно-войсковомъ и 40 на собственномъ иждивеніи.

Въ пансіонъ принимаются на полное казенное и полуказенное содержаніе дочери недостаточныхъ офицеровъ Кубанскаго казачьяго войка, преимущественно сироты. Своекоштными пансіонерками принимаются дочери офицеровъ, чиновниковъ и священнослужителей Кубанскаго казачьяго войска или иногородныхъ лицъ, служащихъ въ войскѣ, — съ платою ежегодно по 140 рублей.

Ближайшее наблюденіе о воспитаніи ввѣряется начальницѣ училища и пансіона, которая и должна заботиться о достиженіи цѣли учрежденія училища и пансіона, состоящей преимущественно въ томъ, чтобы дочерямъ офицеровъ Кубанскаго казачьяго войска дать воспитаніе соотвѣтствующее ихъ будущему назначенію, быть добрыми женами, преимущественно людей, которыхъ большая часть жизни посвящена тяжелой службѣ, попечительными матерями и знающими хозяйками; по мѣрѣ возможности воспитанницамъ сообщается понятіе о хожденіи за больными, и о свойствѣ и употребленіи общихъ врачебныхъ растеній, а также домашнихъ средствъ для преподанія первоначальной помощи заболѣвающимъ.

Училище и пансіонъ содержатся на счетъ войсковыхъ казенныхъ суммъ Кубанскаго казачьяго войска. (Въ сен. вѣд. 20-го марта 1861 г. № 23).

— Для доставленія дѣтямъ мужескаго пола офицеровъ и способнѣйшимъ изъ дѣтей нижнихъ чиновъ Новороссійскаго казачьяго войска, возможности пріобрѣсть тѣ свѣдѣнія, которыя, по образу жизни ихъ, могутъ быть имъ наиболѣе полезны какъ въ общественной жизни, такъ и для продолженія дальнѣйшаго образованія, учреждено въ г Аккерманѣ войсковое училище, примѣрно на 100 учениковъ.

Учрежденіе сего училища въ г. Аккерманѣ назначается временно, впредь до окончательнаго устройства станицы Николаевки-Новороссійской. Войсковое училище подчиняется начальству Одесскаго учебнаго округа, состоитъ

подъ надзоромъ войсковаго наказнаго атамана, обязанности котораго соотвѣтствуютъ обязанностямъ почетнаго смотрителя и управляется однимъ изъ учителей, на основаніяхъ, предписанныхъ для штатныхъ смотрителей уѣздныхъ училищъ.

Учителей полагается 5, преимущественно изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, или выдержавшихъ установленное испытаніе, по положеніямъ существующимъ на этотъ предметъ, въ училищахъ вѣдомства народнаго просвѣщенія.

Кромѣ того полагается законоучитель изъ лицъ духовнаго званія.

Предметы преподаванія въ войсковомъ училищѣ, слѣдующіе: 1) законъ Божій, 2) русскій языкъ, 3) ариѳметика и геометрія, 4) географія, 5) краткая исторія — всеобщая и русская, 6) черченіе, чистописаніе и рисованіе. 7). Въ сводобное время, гимнастика, верховая ѣзда, плаваніе, стрѣльба въ цѣль и присутствіе при ученьяхъ пѣхоты и кавалеріи съ объясненіемъ движеній.

Всѣ эти предметы распредѣляются между тремя классами; въ каждомъ классѣ полагается пробыть одинъ годъ.

Ученики содержатся на собственный счетъ, за обученье же ихъ, никакой платы не полагается и при поступленіи въ первый классъ училища, кромѣ знанія читать и писать по-русски, никакихъ познаній не требуется. Ученики же, пріобрѣвшіе до поступленія въ училище предварительныя познанія, могутъ быть, по испытаніи, приняты въ одинъ изъ высшихъ классовъ.

Возрастъ для поступленія въ училище назначается не моложе 8-ми и не старѣе 13-ти лѣтъ. Ученіе въ училищѣ продолжается весь годъ съ исключеніемъ лѣтнихъ каникулъ съ 25-го іюня по 1-е августа. Порядокъ управленія училищемъ, отношенія къ нему учителей, ежегодные экзамены и выпускъ окончившихъ курсъ учениковъ, опредѣляется общимъ положеніемъ объ уѣздныхъ училищахъ.

По открытіи училища, наказному атаману предоставляется составить и представить на утвержденіе соображеніе объ учрежденіи общихъ квартиръ для помѣщенія учениковъ и ближайшаго за ними надзора, а также о платѣ за экстерновъ невойсковаго сословія и другихъ подробностяхъ.

Расходъ на училище назначается изъ войсковыхъ суммъ.

Воспитанники, оказавшіе способности, принимаются, съ разрѣшенія начальства, въ высшія военно-учебныя заведенія и гражданскія учебныя учрежденія на вакансіи, на счетъ казны.

Для большаго удобства къ первоначальному образованію дѣтей учреждаются въ станицахъ: Николаевкѣ-Новороссійской, Волонтеровкѣ, Акманчитѣ и Староказачей—приходскія одноклассныя училища.

Училища эти содержатся на счетъ обществъ тѣхъ станицъ и хуторовъ, при которыхъ они будутъ учреждены.

Въ первоначальныя училища допускаются дѣти мужескаго пола не моложе 8-ми и женскаго не старѣе 11-ти лѣтъ.

Отъ поступающихъ въ училище не требуется никакой платы и никакихъ предварительныхъ познаній.

Предметы преподаванія въ училищѣ, — общіе для дѣтей мужескаго и женскаго пола, слѣдующіе: 1) краткій катихизисъ, 2) знаніе чтенія и письма, 3) первыя четыре правила ариѳметики.

Сверхъ того дѣтямъ мужескаго пола преподаются правила военнаго искуства, сколько они необходимы для казачьей службы, гимнастика и стрѣльба въ цѣль.

Преподаваніе закона Божія возлагается на мѣстныхъ приходскихъ священниковъ. Для обученія чтенію, письму и ариѳметикѣ, въ учителя допускаются лица, выдержавшія установленное испытаніе по положеніямъ, существующимъ на этотъ предметъ въ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Для преподаванія же правилъ военнаго искуства, гимнастики и стрѣльбы въ цѣль, назначаются урядники съ содержаніемъ отъ станицъ.

Ученіе начинается по окончаніи полевыхъ работъ и продолжается до начала оныхъ въ слѣдующемъ году; но оно должно ежегодно продолжаться не менѣе 7-ми мѣсяцевъ.

Ближайшій надзоръ за каждымъ училищемъ ввѣряется учителю русскаго языка; всѣ же они подчиняются лицу, завѣдывающему войсковымъ училищемъ.

Во всемъ остальномъ первоначальныя училища руководствуются общими правилами постановленными для приходскихъ училищъ въ губерніяхъ. (Пол. Воен. Сов. 16-го ферв. 1861 г. въ Сен. вѣд. 11-го апрѣля, № 20).

— По ходатайству бывшаго попечителя Кіевскаго учебнаго округа, о необходимости и пользѣ съѣзда въ Кіевѣ учителей естественныхъ наукъ гимназій Кіевскаго учебнаго округа, для научныхъ и педагогическихъ совѣщаній, какъ съ профессорами естественныхъ наукъ университета св. Владиміра и другими естествоиспытателями, такъ и взаимно между собою, министръ народнаго просвѣщенія, признавая съ своей стороны эту мѣру полезною въ научномъ и педагогическомъ отношеніяхъ, 13 апрѣля 1861 г. разрѣшилъ привести оную въ исполненіе.

— Ришельевскій лицей освобожденъ на будущее время отъ обязанности отпускать ежегодно по 1300 рублей на наемъ для помѣщенія второй Одесской гимназіи и этотъ расходъ отнесенъ на сумму сбора за ученье въ сей гимназіи. Вслѣдствіе сего увеличена и взимаемая съ учениковъ этой гимназіи плата за ученье до 20-ти рублей въ годъ съ каждаго ученика. (Полож. главн. правл. учил. 2-го мая, въ Сен. вѣд. 13-го іюня, № 47).

— Допущенъ пріемъ приходящихъ учениковъ въ 1-ю Кіевскую гимназію съ платою по 20-ти рублей въ годъ съ каждаго, съ тѣмъ, чтобы отъ платы сей никто не былъ освобождаемъ и чтобы съ каждаго пансіонера было постоянно отчисляемо въ сумму сбора за ученье по 20 руб. сер. въ годъ. (Полож. главн. прав. учил. 2-го мая 1861 г. въ Сен. вѣд. 13-го іюня, № 47.)

— Предоставлено министру народнаго просвѣщенія разрѣшить пріемъ приходящихъ учениковъ и въ состоящую при Ришельевскомъ лицеѣ гимназію, когда окажется въ томъ дѣйствительная надобность. (Полож. глав. прав. учил. 2-го мая, въ сен. вѣд. 13-го іюня, № 47.)

— Разрѣшено открыть при Харьковской 1-й гимназіи, съ начала 1861—62 учебнаго года, особое отдѣленіе съ четырьмя низшими классами, для чего и назначено изъ государственнаго казначейства 600 рублей ежегодно. (Полож. глав. прав. учил. 2-го мая, въ сен. вѣд. 13-го іюня, № 47.)

5) *Промышленность, торговля, пути сообщенія.*

По ходатайству общества Волжско-Донской желѣзной дороги и пароходства, измѣненъ въ нѣкоторыхъ параграфахъ уставъ сего общества, утвержденный 19-го іюля 1858 года. Это общество учреждено для устройства сообщенія между Волгою и Дономъ посредствомъ паровозной желѣзной дороги и

для развитія пароходныхъ сообщеній по Дону и Азовскому морю. Капиталъ общества опредѣлялся въ 8.000,000 руб. сер., состоящихъ изъ 16,000 акцій по 500 руб. каждая. По уставу общества, правленіе его должно находиться въ С.-Петербургѣ или другомъ мѣстѣ, по приговору общаго собранія акціонеровъ.

Главнѣйшія измѣненія въ уставѣ общества, слѣдующія: § 18, капиталъ на устройство предпріятія опредѣляется въ 6,400,000 руб. раздѣленныхъ на 16,000 акцій, по 400 руб. каждая; сверхъ того обществу предоставляется собрать впослѣдствіи, по мѣрѣ развитія дѣла, еще до 1,600,000 руб. или посредствомъ займа, или черезъ выпускъ облигацій, по усмотрѣнію общаго собранія акціонеровъ и съ особаго утвержденія правительства. На капиталъ 6,400,000 руб. сер., правительство даетъ обществу гарантію въ $4^1/_2$% чистаго годоваго дохода, съ тѣмъ, что сумма гарантируемыхъ процентовъ не можетъ превышать 288,000 руб. въ годъ. Въ этой суммѣ заключается гарантія какъ дохода на общественный капиталъ, такъ и погашенія сего капитала. Гарантія начинается по окончательномъ освидѣтельствованіи всей дороги между Волгою и Дономъ со всѣми ея принадлежностями, и по открытіи полнаго на этомъ протяженіи движенія, а равно Донскаго и Азовскаго пароходства. Она продолжается въ теченіи опредѣленнаго въ уставѣ срока владѣнія общества дорогою, или до выкупа оной правительствомъ. Въ случаѣ еслибы правительству пришлось дополнить изъ казны вышеупомянутые $4^1/_2$ процента, то на возмѣщеніе таковой издержки онаго обращается потомъ весь чистый доходъ общества, превышающій $4^1/_2$% до тѣхъ поръ, пока правительство возвратитъ сполна всѣ суммы, выданныя обществу изъ казны, съ простыми процентами, по 4 на 100 въ годъ. Свидѣтельства общества на внесенныя акціонерами деньги, принимаются по казеннымъ подрядамъ и прежде полной платы акціи, но не иначе какъ въ двѣ трети уплаченной суммы.

Въ § 47 сдѣлано измѣненіе въ томъ, что по уставу 1858 года, чистый доходъ опредѣлялся за вычетомъ изъ прибылей между прочимъ и $^1/_2$% съ основнаго капитала на выкупъ акцій; нынѣ не соразмѣрную часть на срочное погашеніе акцій, положено отдѣлять изъ чистаго дохода. (Полож. ком. министровъ 8-го ноября 1861 года, въ сен. вѣд. 1861 г., № 1).

— Открыто срочное пароходное сообщеніе Русскимъ Обществомъ пароходства и торговли, отъ Поти до Константинополя и по Азовскому морю въ Темрюкъ. Общество, между прочимъ, обязывается содержать слѣдующія линіи сообщенія:

1) Между Одессою и Константинополемъ, не менѣе одного раза въ недѣлю.

2) Между Таганрогомъ и Константинополемъ, не менѣе одного раза въ двѣ недѣли. Если признано будетъ полезнымъ, то пароходы будутъ по пути заходить въ Ѳеодосію. Во время же прекращенія навигаціи по Азовскому морю, сообщенія будутъ содержаться между Ѳеодосіею и Константинополемъ, тоже не менѣе одного раза въ двѣ недѣли.

3) Между Одессою и Крымскими портами до Керчи, не менѣе одного раза въ недѣлю.

3) Отъ Керчи вдоль Кавказскаго берега до Редутъ-Кале, заходя на пути въ тѣ порты, гдѣ будетъ признано нужнымъ, не менѣе одного раза въ двѣ недѣли.

5) Между Одессою, Кинбурномъ, Очаковымъ и Николаевымъ и выше по р. Бугу, если окажется нужнымъ, не менѣе одного раза въ недѣлю.

6) Между Одессою, Кинбурномъ, Очаковымъ и Херсономъ, и выше по р. Днѣпру, если окажется нужнымъ, не менѣе одного раза въ недѣлю.

7) Между Керчью, Маріуполемъ, Бердянскомъ, Ейскомъ, Темрюкомъ и Таганрогомъ, не менѣе одного раза въ недѣлю. Если признается полезнымъ, то пароходы будутъ еще заходить и въ другіе порты, лежащіе на пути между означенными выше пунктами.

8) Между Керчью и Таманью по стольку разъ въ день, сколько окажется нужнымъ.

9) Между Овидіополемъ и Аккерманомъ (по Днѣпровскому лиману), по стольку разъ въ день, сколько окажется нужнымъ.

10) Между Одессою и Галацомъ и между Одессою, Кюстенджи, Константинополемъ и Тріестомъ или Марселью, или же другими портами Средиземнаго и Адріатическаго морей.

Означенныя сообщенія будутъ открываться постепенно, по мѣрѣ сооруженія пароходовъ и сначала при меньшемъ числѣ рейсовъ. Не позже пяти лѣтъ со дня утвержденія устава, т. е. къ 5-му августа 1861 года, пороходы Общества должны содержать сообщенія между портами, упомянутыми въ первыхъ семи пунктахъ, при полномъ количествѣ рейсовъ. (Полож. Ком. Министр. въ Сен. вѣд. 20-го января 1861 № 6.

— 18 Декабря 1860 года, утверждено положеніе о комитетѣ для сооруженія Грушевско-Донской желѣзной дороги и пристани на рѣкѣ Донѣ.

Комитетъ этотъ учрежденъ въ г. Новочеркасскѣ для устройства желѣзной дороги отъ Грушевскихъ каменноугольныхъ копей къ р. Дону и пристани на этой рѣкѣ.

Комитетъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ Наказнаго Атамана войска Донскаго, одного члена отъ Военнаго Министерства, двухъ отъ войска Донскаго и инженеръ-строителя. (Сен вѣд. 20 января 1861 г. № 6).

— Кіевское шоссе, отъ Довска до Броваровъ 296 верстъ, окончено и открыто къ проѣзду на всемъ протяженіи, 22-го ноября 1860 года. (Сен. вѣд. 20-го января, 1861 г. № 6.)

— Допущенъ привозъ сахара рафинада ко вновь образованной Ейской таможнѣ 1-го класса на все время срока опыта, опредѣленнаго для дѣйствія сей таможни въ преобразованномъ видѣ, а именно по 1-е января 1863 года (Полож. Кавказ. Комит. въ Сен. вѣд. 31-го января, 1861 г. № 9.)

— 27-го января 1861 года утвержденъ Уставъ Кіевскаго Общества сельскаго хозяйства, учреждаемаго съ цѣлью улучшенія и успѣшнаго развитія сельской промышленности въ Кіевской губерніи. Ниссему исключительными занятіями Общества должны быть тѣ предметы, которые, касаясь сельскаго хозяйства и различныхъ его отраслей, могутъ способствовать развитію сельской производительности и указанію сбыта самихъ предметовъ.

Для достиженія этой цѣли, общество полагаетъ: стараться изслѣдовать настоящее состояніе губерніи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, заботиться объ усовершенствованіи земледѣлія, обратить вниманіе на размноженіе, улучшеніе и содержаніе домашняго скота, слѣдить за развитіемъ сельскаго хозяйства за границей; устроить учебныя фермы, издавать періодическіе журналы сельско хозяйственнаго содержанія, и т. п.

Общество состоитъ изъ дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ и корреспондентовъ. Дѣйствительными членами Общества могутъ быть лица всякаго званія и сословія, кои своими занятіями по сельскому хозяйству могутъ быть

полезны Обществу, когда они предложены будутъ предсѣдателемъ Общества или двумя членами, съ письменнымъ поясненіемъ краткихъ о нихъ и занятіяхъ ихъ свѣдѣній и затѣмъ будутъ избраны большинствомъ голосовъ Общаго Собранія.

Въ почетные члены принимаетъ Совѣтъ Общества, большинствомъ голосовъ трехъ четвертей полнаго своего состава, какъ россійскихъ подданныхъ, такъ и иностранцевъ, коихъ участіе можетъ принести дѣйствительную пользу Обществу.

Общество приглашаетъ въ корреспонденты лицъ, кои могутъ быть ему полезны доставленіемъ свѣдѣній и предметовъ, входящихъ въ кругъ занятій Общества. Число членовъ Общества неограниченно. Непосредственное управленіе дѣлами Общества принадлежитъ совѣту, избираемому на общемъ годовомъ собраніи изъ дѣйствительныхъ членовъ.

Совѣтъ составляется: изъ президента Общества, вице-президента, 18 членовъ засѣдающихъ поочередно, такъ, чтобы полный имѣющій законную силу комитетъ представлялъ не менѣе пяти голосовъ включительно съ голосами президента, секретаря и казначея.

Совѣтъ имѣетъ постоянное мѣстопребываніе въ г. Кіевѣ; дѣйствіе онаго непрерывное, засѣданіе же будетъ имѣть мѣсто по мѣрѣ надобности (Сен. вѣд. 21 карта 1861 г. № 23).

— На время Ильинской ярмарки (съ 10-го іюля по 8-е августа) положено открывать ежегодно въ Полтавѣ отдѣленіе Харьковской Банковой Конторы, причемъ этому отдѣленію предоставлено: а) пріемъ вкладовъ для трансферта, и б) выдача ссудъ подъ учетъ векселей и подъ залогъ шерсти для Харьковской акціонерной компаніи по торговлѣ шерстью на существующихъ нынѣ основаніяхъ (Мнѣніе Госуд. Сов. 20 марта 1861 г. въ Сен. вѣд. 14-го апрѣля, № 30.)

— Срокъ существованія Ивановской (24-го іюня) ярмарки въ городѣ Зѣньковѣ (Полтавской губ.) назначенъ вмѣсто 7 дней,—на 3 дня. (Сен. вѣд. № 38.)

Срокъ существующей въ городѣ Городнѣ (Черниговской губ.) Георгіевской ярмарки вмѣсто 23-го перемѣненъ на 27 апрѣля (Сен. вѣд. 27 іюня № 51.)

4) *Законы гражданскіе.*

Дозволено владѣльцамъ мельницъ, состоящихъ въ станичныхъ юртахъ казачьихъ войскъ, продавать оныя не одному обществу или члену той станицы, въ коей таковыя мельницы находятся, но всѣмъ безъ изъятія жителямъ войсковаго сословія, съ тѣмъ, чтобы земля, отведенная подъ мельницы, съ уничтоженіемъ оныхъ, оставалась собственностью станицы (Пол. Воен. Сов. 9 февр. въ Сен. вѣд. 24 марта № 24).

5) *Учрежденія.*

По малому числу помѣщичьихъ имѣній въ Бердянскомъ уѣздѣ Таврической губерніи, опредѣлено: не имѣть впредь въ семъ уѣздѣ особаго предводителя дворянства и особой дворянской опеки, но первую должность соединить съ должностью Мелитопольскаго уѣзднаго предводителя дворянства, а дворянскую опеку съ опекою Мелитопольскаго уѣзда. (Мнѣніе Гос. Сов. 14 ноября 1860 г. въ Сен. вѣд. 20 янв. 1861 г. № 6.)

— Съ выходомъ за границу Татаръ Евпаторійскаго уѣзда Таврической губерніи упразднено съ 1-го марта 1861 г. Евпаторійское окружное управленіе; завѣдываніе же остающимися въ семъ уѣздѣ казенными землями и государственными крестьянами передано въ сѣверной части уѣзда Перекопскому окружному начальнику, а въ южной—одному изъ чиновниковъ особыхъ порученій при палатѣ государственныхъ имуществъ, для наблюденія за волостями Симферопольскаго уѣзда. (Рапортъ Мин. Гос. Им. 12 янв. 1861 г. въ Сен. вѣд. 21 февр. № 15).

СЛОВО О СКОВОРОДѢ,

по поводу рецензіи на его сочиненія, въ «Русскомъ Словѣ.»

Въ нашей текущей литературѣ случается, что писатель, особенно рецензентъ какой-нибудь выходящей книги, произноситъ рѣшительнымъ тономъ знатока сужденія и даже осужденія надъ предметами, которыхъ не изучалъ, надъ которыми прежде не думалъ, которыхъ вовсе не знаетъ. Сверхъ-того, у насъ стало входить въ обычай печатно бросать грязью въ дѣятелей мысли и слова, оскорблять ихъ личность, не считая необходимымъ даже сколько-нибудь объяснять—какой поводъ подали эти лица такъ презрительно обращаться съ ними. Быть можетъ, нѣкоторые думаютъ, что они этимъ творятъ поклоненіе призраку гласности? По нашему мнѣнію, отозваться неуважительно, хотя бы и слегка—вскользь—о какой либо личности въ печати, мы вправѣ или тогда, когда эта личность была прежде обличена достаточно и поражена невыгоднымъ приговоромъ общественнаго мнѣнія, или-же когда мы сами представляемъ несомнѣнныя доказательства ея виновности предъ судомъ общества. Иначе, это будетъ оскорбленіе не только тѣмъ, на которыхъ незаслуженно мы нападаемъ, но и обществу. Какое мы имѣемъ право ожидать, чтобъ общество, не требуя отъ насъ доказательствъ и объясненій, одобряло оскорбленія, которыя мы наносимъ его членамъ? Эти мысли пришли намъ, когда мы, перелистывая VII книгу «Русскаго Слова», встрѣтили въ ней рецензію «сочиненій въ стихахъ и прозѣ *Григорія Савича Сковороды*», подписанную буквами Вс. К—овскій. Рецензентъ, приводя слова издателя сочиненій Сковороды: «*которыя (сочиненія) считались народными*», ставитъ два вопросительныхъ знака, приводитъ затѣмъ нѣсколько стиховъ и потомъ произноситъ такіе возгласы: «но вотъ-что за мысль терзала насъ неотступно сначала книги до самого конца: для чего и кого неизвѣстный издатель Сковороды издавалъ въ свѣтъ

всю эту схоластическую ерунду, семинарскую мертвечину? Кому какое до нея было дѣло?»

Стихи Сковороды чрезвычайно-плохи и уродливы и могутъ сравниться, по художественности, развѣ съ безсмертными произведеніями *Василія Кириловича*: тѣмъ не менѣе рецензентъ напрасно поставилъ два вопросительныхъ знака. Мало можно указать такихъ *народныхъ* лицъ, какимъ былъ Сковорода, и которыхъ бы такъ помнилъ и уважалъ народъ. На всемъ пространствѣ отъ Острогожска (Воронежской губ.) до Кіева, во многихъ домахъ, висятъ его портреты; всякій грамотный малороссіянинъ знаетъ о немъ; имя его извѣстно очень многимъ изъ неграмотнаго народа; его странническая жизнь— предметъ разсказовъ и анекдотовъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, потомки, отъ отцовъ и дѣдовъ, знаютъ о мѣстахъ, которыя онъ посѣщалъ, гдѣ любилъ пребывать и указываютъ на нихъ съ почтеніемъ; доброе расположеніе Сковороды къ нѣкоторымъ изъ его современниковъ составляетъ семейную гордость внуковъ; странствующіе слѣпцы усвоили его пѣсни; на храмовомъ праздникѣ, на торжищѣ, нерѣдко можно встрѣтить толпу народа, окружающую группу этихъ рапсодовъ и со слезами умиленія слушающихъ: *всякому граду свой нравъ и права*. До какой степени пѣсни Сковороды сдѣлались народными во всей южнорусской странѣ, можно судить потому, что нѣкоторыя вошли въ собраніе Галицкихъ пѣсенъ Вацлава зъ Олеска и Жеготы Паули, безъ сознанія самихъ собирателей, что эти пѣсни сочинены Сковородою.

Сочиненія Сковороды не нравятся рецензенту, не нравятся они, быть-можетъ, и намъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что они не имѣютъ никакого достоинства и что не надобно ихъ печатать. Значеніе писателя прошедшаго времени измѣряется или по эстетическому достоинству, или по его вліянію на свой вѣкъ, по степени въ какой онъ выражаетъ направленіе, нравственное состояніе окружающей его среды, по вмѣстимости въ немъ умственныхъ требованій и вкуса современниковъ. Рецензентъ полагаетъ, что слѣдуетъ довольствоваться первымъ, а все, что намъ не нравится, предавать забвенію. Такъ у насъ и дѣлаютъ: въ архивахъ, мышй и сырость поѣдали старыя дѣла; ханжи замазывали древнія фрески въ храмахъ; губернаторы разбирали, для лучшаго вида въ городѣ, старинныя зданія; кухарки пекли аладьи на листахъ сборниковъ XIV-го и XV-го вѣковъ. Благодаря всему этому, мы такъ мало знаемъ свою старину. И теперь еще многое

лежитъ подъ спудомъ: пусть себѣ лежитъ! по мнѣнію рецензента, нѣтъ никому дѣла до этой «ерунды и мертвечины». Но вѣдь и многое изъ древнихъ памятниковъ, драгоцѣнныхъ для насъ по выраженію своего вѣка, само-по-себѣ—безотносительно къ исторіи—можетъ показаться, сообразно нашимъ эстетическимъ воззрѣніямъ, хуже виршей и посланій Сковороды... Зачѣмъ же издавать его?.. Такъ по вашему??

Нашедши у Сковороды такіе стихи:

Убій злую волю, братъ,
Такъ упразднишъ увесь адъ,—

рецензентъ говоритъ:

«Григорій Савичъ особенно не долюбливаетъ воли, каковое качество, впрочемъ, для такого мудреца весьма почтенно». «Но довольно! Бога ради, довольно!!», слышу я возгласы нетерпѣливаго читателя, которые имѣютъ на меня дѣйствіе холоднаго душа,—и я останавливаюсь.»

Рецензентъ вообразилъ себѣ, что Сковорода преслѣдовалъ умственную и гражданскую свободу, тогда-какъ Сковорода говоритъ о *злой волѣ*, то-есть о дурныхъ и порочныхъ наклонностяхъ. Тутъ-то рецензентъ и попалъ впросакъ! Григорій Савичъ Сковорода былъ поборникомъ свободы въ сферѣ религіозной, нравственной, гражданской, терпѣлъ за то гоненіе и, не уживаясь въ деспотизмомъ окружающей его среды, обрекъ себя на скитальческую жизнь. Ханжество, низкопоклонничество, угнетеніе слабыхъ, лѣнь барства, постоянно находили въ немъ смѣлаго обличителя. Всѣ народные разсказы о немъ, переходящіе изъ устъ въ уста, отъ поколѣнья къ поколѣнью, изображаютъ его такимъ. Даже въ извѣстной пѣснѣ «*Всякому граду нравъ и права,*» онъ громитъ и того, «*кто для чиновъ углы панскіе третъ*» и попа, безъ христіанской добродѣтели, исполняющаго одинъ внѣшній обрядъ, и ханжу-пана, который «*на нищихъ роздалъ сто рублей, что́ содралъ съ подданныхъ бѣдныхъ людей, — и всякого вышчого шчо нижчого гне, и дужчого шчо недужого давить и жме.* Какъ проповѣдникъ правды и добра, Сковорода сталъ народнымъ идеаломъ мудреца. Можетъ-быть, теперь уже надобно отличать Сковороду дѣйствительнаго отъ Сковороды идеальнаго, народнаго; но нѣтъ сомнѣнія, что послѣдній образъ возникъ изъ перваго, а потому нельзя не поблагодарить за изданіе его сочиненій. Мы надѣемся поговорить подробнѣе объ этомъ, въ высшей степени замѣ-

чательномъ, лицѣ, когда будемъ владѣть достаточнымъ запасомъ свѣдѣній объ умственномъ развитіи южнорусскаго народа въ XVIII вѣкѣ: только въ связи съ нимъ можно оцѣнить Сковороду.

Въ заключеніе, рецензентъ «Русскаго Слова,» задавъ себѣ вопросъ: для кого издаются такія сочиненія, выбралъ трехъ подписчиковъ и покрылъ ихъ своимъ презрѣніемъ: первый изъ нихъ — г. Аскоченскій; второй — г. Данилевскій; третій — г. Срезневскій... Вотъ-что́ говоритъ смѣлый критикъ: «все понятно! Понятно и высокое достоинство произведеній Сковороды, и сочувствіе ему такихъ именитыхъ людей какъ гг. Данилевскаго, Срезневскаго и Аскоченскаго. Всѣмъ имъ предстоитъ равное безсмертіе съ Григоріемъ Савичемъ Сковородой. И по заслугамъ!»

И. И. Срезневскій извѣстенъ намъ какъ труженикъ науки, оказавшій важныя, по нашему мнѣнію, услуги языкознанію и исторіи своими сочиненіями и изданіями. Вѣдь вы, г. рецензентъ, привели его имя наравнѣ съ издателемъ ханженской газеты, (предающей анаѳемѣ и изданіе въ свѣтъ историко-литературныхъ памятниковъ и всякій оттѣнокъ мысли, съ нею не согласный), — не потому что г. Срезневскій подписался на изданіе сочиненій Сковороды: иначе за чѣмъ же вы пощадили библіотеку харьковскихъ студентовъ, — которая подписалась на десять экземпляровъ? Да притомъ, вы бы никакъ не сѣшились поставить здѣсь на позоръ имени неизвѣстнаго вамъ какого-нибудь отставнаго полковника или вятскаго купца, подписавшагося на сочиненія Сковороды? Очевидно, вамъ хотѣлось бросить комкомъ грязи въ И. И. Срезневскаго. Надѣемся, что вы найдете совершенно умѣстнымъ нашъ вопросъ: *за что́*?,—потому что дѣятельность г. Срезневскаго какъ ученаго, литератора, профессора, академика, еще не была оцѣнена печатно и не подверглась осужденію общественнаго мнѣнія. Послѣ вашего неуважительнаго обращенія съ этимъ именемъ мы именно отъ васъ имѣемъ право этого требовать, если у васъ достанетъ столько свѣдѣній въ археологіи, филологіи, исторіи... Иначе, вы сами не должны оскорбляться если мы скажемъ вотъ-что: на васъ, г. Вс. К–овскій, возгласы какого-то читателя имѣютъ дѣйствіе холодной ду́ши, а на насъ чтеніе вашей рецензіи производитъ дѣйствіе отвратительнаго запаха невѣжества и школьническаго нахальства.

П. Костомаровъ.

ЗАМѢТКА О ВОЗРАЖЕНІЯХЪ Г. МОРДОВЦОВА.

Въ 4-й книжкѣ *Основы* помѣщены были критическія замѣчанія г. А. П—аго на статью г. Мордовцова: «*Крестьяне въ югозападной Руси.*» Г. Мордовцовъ, отвѣчая въ іюльской книжкѣ *Русскаго Слова* другому своему критику, г. Костомарову, сказалъ мимоходомъ нѣсколько словъ и г. А. П—ому, и попрекнулъ его въ «панскихъ и арендаторскихъ» (!) понятіяхъ, которыхъ г. А. П—ій не имѣлъ и, по своимъ убѣжденіямъ, имѣть не могъ.

Г. Мордовцовъ, въ первой своей статьѣ, изображая бѣдственное состояніе крестьянъ югозападной Руси XVI в., въ доказательство приводилъ цифры платимыхъ ими повинностей и, переводя ихъ на нынѣшнія цѣны, опредѣлялъ этимъ всю тягость положенія крестьянъ.

Г. А. П—кій замѣтилъ ему, во-первыхъ, что повинности въ Украинѣ были легче чѣмъ на Волыни, а между-тѣмъ авторъ имѣлъ ввиду только послѣднія; во-вторыхъ, что опредѣлять внутреннюю жизнь народа цѣнностію вещей, взятою въ отдѣльности, значитъ опредѣлять односторонне и недостаточно,—потому, что понятіе цѣнности не опредѣляетъ даже всѣхъ экономическихъ явленій жизни,—что извѣстная сумма цѣнностей удовлетворяетъ одного и не удовлетворяетъ другого,—что, поэтому, г. Мордовцовъ необходимо долженъ былъ объяснить, насколько сумма получаемыхъ южнорусскимъ крестьяниномъ цѣнностей не удовлетворяла его потребностей. Ясно, что г. А. П—кій не возражалъ противъ главной и основной мысли г. Мордовцова, что западно-русскіе крестьяне были въ бѣдственномъ положеніи: (возражать противъ этого, и при настоящемъ состояніи исторической разработки, было бы нелѣпо): онъ указалъ только на слабую сторо-

ну статьи автора, на рѣшительность его приговоровъ и выводовъ, которые требуютъ больше положительныхъ основаній, большей доказанности;—указалъ на то́, что́ г. Мордовцовъ «въ своихъ заключеніяхъ ничего не прибавилъ ко всему тому, что намъ извѣстно изъ актовъ Кіевской Коммиссіи и другихъ источниковъ.»

Но г. Мордовцовъ, задавшись тѣмъ, что г. П—кій не согласенъ съ основной мыслью его статьи, приписываетъ г. П—ому убѣжденія и мысли, какихъ послѣдній и не думалъ высказывать.

Такъ г. Мордовцовъ говоритъ: «Вообще г. П—ій держится того мнѣнія, что южнорусскому пахарю XVI в. было довольно легко жить на свѣтѣ и нечего было жаловаться на польскихъ пановъ»: между тѣмъ какъ, у г. П—каго, г. Мордовцовъ читалъ совершенно-противоположное мнѣніе. «Народъ въ югозападной Руси», «говоритъ г. А. П—ій, терпѣлъ матеріальныя и нравственныя лишенія,—«терпѣлъ онъ отъ своевольства войска, отъ роскоши и мотовства пановъ, отъ жидовъ-арендарей, которымъ отдавались имѣнія съ правомъ судить крестьянъ и даже казнить ихъ смертію.»

Изъ общей мысли, что потребности поселянина ограниченнѣе, нежели, напримѣръ, потребности горожанина, г. Мордовцовъ выводитъ, что г. П—ій смотритъ на южнорусскаго пахаря XVI в. какъ на существо низшей породы, какъ на человѣка «не одной съ нимъ кости — не бѣлой!?»

Г. Мордовцовъ могъ нападать на самый фактъ существованія такого различія менѣе и болѣе развитыхъ потребностей, а не на того, кто этотъ фактъ напомнилъ ему для соображенія: указать на какое-либо явленіе жизни еще не значитъ — принимать его за нормальное, за справедливое и неизмѣнное.

Вообще, намъ кажется, что г. Мордовцовъ безъ нужды перешолъ отъ изслѣдованія предмета къ изслѣдованію убѣжденій своего критика, и, не имѣя достаточно данныхъ, просто-на-просто приписываетъ ему такія, какихъ тотъ не отыщетъ ни въ своей статьѣ, ни въ своемъ сознаніи. Намъ кажется, что этимъ существеннымъ недостаткомъ страдаетъ г. Мордовцовъ и въ отношеніи г. Костомарова. — Мы этимъ не говоримъ, чтобъ убѣжденія пишущаго не могли быть предметомъ критики, опроверженія, изслѣдованія, — но утверждаемъ, что о нихъ должно говорить настолько, насколько самъ пишущій высказывается, а главное — не забывать самого пред-

мета. Иначе — можно потерять твердую почву и перейти въ область невѣрныхъ предположеній и безплодныхъ споровъ о личныхъ — невысказываемыхъ—убѣжденіяхъ, и упустить изъ виду самое дѣло.

Спрашиваемъ: такимъ ли путемъ можно добыть истину, которой, безъ сомнѣнія, ищетъ уважаемый изслѣдователь «Положенія крестьянъ въ югозападной Руси XVI вѣка?...»

ЗАМѢТКА О РУСИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГІИ.

Въ настоящее время, надо думать—вслѣдствіе освобожденія крестьянъ,—у Русиновъ, равно какъ и у Великороссовъ, стремленіе къ образованію становится искреннимъ явнымъ.

Людямъ, пользующимся матеріальною обезпеченностью, и вслѣдствіе того, имѣвшимъ возможность получить какое-нибудь образованіе, предстоитъ святой долгъ помочь своимъ землякамъ въ этомъ благородномъ стремленіи.

Многіе уже трудятся на этомъ поприщѣ, приготовляя учебники для простаго народа; и мнѣ хотѣлось бы, въ видахъ общей пользы, обратить ихъ вниманіе на научную терминологію.

Научная терминологія западныхъ народовъ, принятая, почти цѣликомъ, въ русскія учебныя книги, образовалась, большею частью, въ средніе вѣка, когда наука была не общимъ достояніемъ, а особенною принадлежностью—какъ бы ремесломъ—извѣстныхъ людей, составлявшихъ замкнутую корпорацію, съ своею собственною іерархіею (баккалавръ, магистръ и т. д.). Эти люди избѣгали сближенія съ профанами, непосвященными въ таинства науки; у нихъ была особаго рода одежда и условный языкъ, отъ котораго ведетъ свое начало и научная терминологія, языкъ, составленный именно такъ, чтобъ быть понимаемымъ только *спеціалистами*, *адептами науки*.

Теперь наука дѣлается общимъ достояніемъ; поэтому и термины научные должны бы быть общепонятны; но вліяніе средневѣковаго пониманія вещей отзывается и нынѣ. Такъ, напримѣръ, всѣ малограмотные люди, желая показать, что они принадлежатъ къ образованному классу, любятъ оснащивать свой разговоръ иностранными словами (подчасъ имъ самимъ малопонятными): вмѣсто *дикій садъ*, они непремѣнно скажутъ *паркъ*, вмѣсто *бесѣдка—павильонъ*, и т. п. Особенно характеристично, въ этомъ отношеніи, слово *діалектъ*,—такъ-что услыша отъ малозна-

комаго мнѣ человѣка вопросъ: *говорите ли вы на иностранныхъ діалектахъ?* я уже знаю съ кѣмъ имѣю дѣло. Ученикъ, заучившій нѣсколько звучныхъ словъ, въ родѣ: *перпендикуляръ*, *параллель*, *сегментъ* и т. п., уже чувствуетъ себя маленькимъ *ученымъ*, становится *педантомъ*, старается парадировать этими словами и вставлять ихъ, кстати и некстати, въ разговоръ.

Въ прежнія времена, это средневѣковое явленіе было еще замѣтнѣе; такъ, достопочтенный іеромонахъ Климентій (см. 1-ю книжку *Основы*) прямо совѣтуетъ грамотнымъ избѣгать, словно заразы, всякаго сношенія съ неграмотными. Даже современные ученые не совсѣмъ еще отреклись отъ средневѣковщины;—читающаго эти строки, также какъ и меня, безъ-сомнѣнія поражали химическія названія: *глиній*, *кремній*, и т. п. Видите ли: пришлось окрестить по-русски простыя тѣла или металлы, которыхъ руда называется: глина, кремень и т. д. По духу русскаго языка, кажется, ближе всего было бы назвать ихъ — *глинякъ*, *глинецъ*, или *глиневикъ*, и *кремнякъ*, *кремнецъ* или *кремневикъ*, но вотъ—почли приличнѣе сочинить—*глиній* и *кремній*,— слова́, какъ-будто взятыя изъ того латинскаго языка, на которомъ, въ присутствіи родителей, объяснялся *доминусъ Галушкинскій* съ сыновьями *пана Халявского*. Мало того: вскорѣ, какъ будто опасаясь, что эти названія черезчуръ понятны профанамъ, придумали новыя клички: алюминій и силицій!

Русскимъ писателямъ, составляющимъ учебники для народа, предстоитъ дѣло совершенно новое, и я рѣшился высказать свои, по этому поводу, соображенія.

Такъ-какъ желательно, чтобы образованіе усвоивалось массою народа, то, я думаю, и термины научные слѣдуетъ составлять въ духѣ народнаго языка, такъ, чтобы, впослѣдствіи, они могли быть приняты самимъ народомъ. Слѣдуетъ еще принять во вниманіе и то́, что у насъ, по числу нуждающихся въ образованіи, очень мало дѣльныхъ учителей, слѣдовательно учебники и научные термины надо составлять, по-возможности, такіе, которые и безъ толкованія учителя были бы доступны учащимся.

Это тѣмъ болѣе необходимо, что метода зубренія, врядъ ли скоро выведется изъ первоначальныхъ училищъ, для которыхъ собственно и назначаются русскіе учебники.

Для убѣжденія въ томъ, какое значеніе имѣетъ непонятная терминологія, спросите у любаго ученика объясненія, что́ такое эклип-

тика? и навѣрное онъ вамъ не съумѣетъ дать удовлетворительнаго отвѣта. А спросите ученика польскихъ училищъ: что такое *droga ziemi* (дорога земли), и онъ вамъ непремѣнно объяснитъ. Я знаю это по опыту.

Если бы и приодилось употреблять въ учебникѣ иностранныя слова, то слѣдуетъ избѣгать, по крайней мѣрѣ, неудобопроизносимыхъ, какъ напримѣръ: *параллелопипедъ*, и такихъ, въ которые входитъ звукъ *ф*, несвойственный русинскому языку, вслѣдствіе чего такія слова, въ народномъ употребленіи, неизбѣжно искажаются— нерѣдко самымъ неблагозвучнымъ образомъ.

При составленіи учебниковъ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на математическія и естественныя науки, которыя, безъ–сомнѣнія, должны занять важное мѣсто въ народномъ образованіи: а въ этихъ-то наукахъ наиболѣе непонятна терминологія...

Въ-заключеніе, представляю вниманію читателей небольшой русинскій терминологическій словарь, въ видѣ опыта. Руководствомъ, при его составленіи, служили мнѣ словари, чешскій и польскій а также нашъ Украинскій языкъ. Искренно порадуюсь, когда мой опытъ вызоветъ критическія замѣчанія, и дополненія. Faciunt meliora potentes.

Ариѳметика—*Щотниця*.
Алгебра—*Німа Щотниця*, або *Німощотъ*.
Аллегорія—*Инословъ*.
Амальгама—*Зплавъ*.
Арсеналъ—*Зброёвня*.
Анархія—*Безправность*.
Аптека—*Лікарня*.
Аптекарь—*Лікарникъ*.
Архитекторъ—*Будовничій*.
Архитектура—*Будовничство*.
Астрономія—*Зірниця*.
Астрономъ—*Зірникъ*.
Атомъ (хим.)—*Первець*.
Эквивалентъ (хим.)—*Пай*.
Автоматъ—*Саморухъ*.
Математика—*Численниця*.
Аналитика—*Розборниця*.
Бухгалтерія—*Счотоводство*
Анализъ—*Разборъ*.
Алькоголь—*Випець*.
Кали—*Ваппець* (металлъ, котораго руда известь).
Оригиналъ—*Первотворъ*.
Орѳографія—*Писовня*.
Параллельно—*Опоручь*.
Параллельные круги—*Опоручні кола*.
Тропикъ—*Поворотникъ*. *Тепливець*.
Тропическія Страны—*Теплівщина*.
Перспектива—*Зглядность*.
Орбита—*Обіжниця*. *Обігъ*.
Пульсъ—*Живчикъ*.
Магній (мет.)—*Горчець*.
Физика—*Сильниця* (*Наука о дѣйствіи тѣлъ на другія тѣла, о силахъ*).
Физическій—*Сильничний*.
Физикъ—*Силознитъ*.
Механика—*Силодійня* (*Наука о дѣйствіи силъ*).
Механизмъ—*Силодійство*.
Механикъ—*Силодій*.
Химія—*Лучба* (*чешск.*), *истниця*, *або властниця*.
(*Наука о соединеніи*) — *естествъ*,—*свойствахъ тѣлъ*.
Грамматика—*Мовниця*.

Натръ—*Солець* (металлъ котораго извѣстнѣйшее соединіе—повар. соль).
Силицій—*Кремнець*.
Алюминій—*Глинець*.
Углеродъ—*Углець*.
Теплородъ—*Теплець*.
Азотъ—*Душець*.
Газъ—*Чадъ*.
Хлоръ—*Зеленець*.
Фармація—*Лікарниця*.
Физіономія—*Поглядъ*
Конусъ—*Стожокъ*.
Коническій—*Стожковий*.
Баластъ—*Тяжъ*.
Бальзамъ—*Живника*.
Бальзамическій—*Живничний*.
Библіотека—*Книгарня*.
Блокъ—*Вертіло*.
Ботаника—*Рослинниця*.
Ботаникъ—*Рослинарь Билинарь*
Гербарій—*Травникъ*.
Медикъ—*Лікаръ*.
Хирургъ—*Гойникъ* (отъ гоіти).
Хирургія—*Гойниця*.
Результатъ—*Послідокъ*.
Форель—*Пестрюга*.
Форматъ—*Укладъ*.
Географія—*Землепись*.
Географическій—*Землеписный*.
Географъ—*Землеписець*.
Градусъ—*Ступень*.
Бассейнъ—*Котловина*.
Грифель—*Писáло*.
Агентъ—*Діячъ*.
Гротескъ—*Дивообразъ*.
Группа—*Купа*.
Горизонтъ—*Поземъ*. *Небосклонъ*.
Горизонтально—*Поземо*.
Перпендикулярно—*Стрямко*.
Гипербола—*Збитниця*.
(отъ *збитъ*—излишне).
Идеалъ—*Видина*. *Правозоръ* (съ чеш).
Насѣкомое—*Кузька*.
Инстинктъ—*Побудка*.
Инструментъ—*Статокъ*.
Эклиптика—*Путниця*.
Квадратъ—*Двукратъ*.
Кубъ—*Трикратъ*.
Истокъ—*Жерело*.
Буксиръ—*Волокъ*.
Буксировать—*Волочити*.
Каналъ—*Провóдъ*.
Карикатура—*Потвора*.
Характеристика—*Вдачность*.
Циркуль—*Кружало*.
Колонія—*Осада*.
Колонистъ—*Осадчій*.
Колоритъ—*Квітистость*.
Контрактъ—*Умова*.
Корректоръ—*Справщикъ*.
Курсъ—*Токъ*, *Обігъ*.
Цилиндръ—*Валець*.
Цилиндрическій—*Вальцёвий*.
Машина—*Строй*.
Паровая машина—*Паростройъ*.
Элементъ—простоее тѣло—*Первúна*.
Электричество—*Громовина*. (чешск.)
Эмаль—*Полúва*.
Эпоха—*Доба*.
Экстрактъ—*Витяжки*.
Фабрика—*Виробня*. *Дільня*.
Фабрикантъ—*Виробщикъ*.
Интересъ—*Зискъ*. *Ужитокъ*.
Регулярный—*Сталий*.
Каѳедра—*Столець*.
Лабораторія—*Дільня*.
Ландкарта—*Землевидъ*.
Ландшафтъ—*Краевидъ*.
Мануфактура—*Рукодільня*.
Массивный—*Тильчастій Литий*.
Матросъ—*Пловець*.
Спеціалистъ—*Мітець*.
Спеціальность—*Мітецьтво*.
Машинистъ—*Стройникъ*.
Меридіанъ—*Полудникъ*.
Метафора—*Переносня*.
Металлъ—*Ковань*.
Минералъ—*Нéрость*. *Крущець*.
Нейтральный—*Ніякий*.
Нейтралитетъ—*Ніякость*.
Полюсъ—*Бігунъ*.

М. Левченко.

ВІСТІ.

ХОРО́ЛЪ,

яки́й ві́нъ тепе́ръ е́.

Въ Хорóлі — всёго довóлі!
(Послóвиця.)

Зъ якóї сторони́ ни погля́нь на нашъ Хорóлъ, — якъ гóродъ — ледаче́нькій, — а якъ се́льбище, — то прехорóше! Полу́горье, на пра́вому бе́резі р. Хорóла, де́ стоїть гóродъ, ділитця широ́кимъ ло́жби-

---

* Вісті про Хоролъ прислані намъ разомъ съ такою гарною, вимовною приказкою, що було бъ жалко не поділитися нею зъ щирими земляками, котрі розуміють ціну рідного слова, що, мовлявъ, якъ сиротина наля́кана, не до кожної душі проговорить. Читаешь—и не начитаесся оповідання п. Димського;— а такі, здаетця, прості речи вінъ оповіда́е..! Въ ёго устахъ наша мова и мьякка и ви́разна и послу́шлива, якъ той смичокъ и скрипка у рукахъ доброго музи́кі: що захоче, те́ вона ёму й ви́співае. — Оце жъ частина зъ приязного листу п. Димського:

«Посилаю де-що про нашъ Хорóлъ: найдете путнімъ — гараздъ, а ні — такъ у пічъ—и ділу кінець... *Основа* та́къ міні вподоба́ла, якъ вовку весільні пісні: такъ и корти́ть протягнути въ ій и свою стрічку,—якъ тому вовкові зъ дружечками заспівати. Може й моему голосу буде те, що вовчій пісні,— та вже жъ—запросъ не біда! Приміряйте: прийдетця моя мережка до *Основи*,— заспуйте, а ні—вибачайте... Зо всіхъ украінъ сиплють до васъ, мовъ зъ рукава, листи́, стихи́ и багато ще де́-чого, на прівітъ *Основоньки* — баловни́ці на́шого незабутнёго Тараса-кобзаря (нехай ёму перомъ земля!) треба жъ то розібрати весь крамъ, щобъ усёму порядокъ дати и вибрати до гожого виду гожую стрічку; треба жъ то одвіяти жито відъ полови; треба... та мало чого треба?... А все-таки думка й та́, що може и въ моій мові знайдетця хочъ одно зернятко, и на рідній нашій ниві воно проросте, відкрасуетця и вродить рясненькимъ колоскомъ.— — »—Амінь!—одказуючи Вамъ звича́емъ нашого Кобзаря: та́къ воно й станетця! Нехай же частішъ зоріе ваше тепле и гарне слово въ привітній до щиріхъ земляківъ *Основі*.

щемъ течіі Ла́годівки на дві ча́сти: Покрівську и Городську; а ся ще ді́литця, крути́ми яра́ми, на ме́ньшіі укро́ми, и на нихъ-то, відъ Ла́годівки и р. Хоро́ла, замі́тне стари́нне кріпостне́ будова́ння.

Хоро́лъ-ри́чка тече́ въ Псёлъ; по весні́ залива́е всі лу́ки; лі́томъ стано́витця озе́рами, а пі́дъ го́родомъ — невели́чкимъ лима́номъ, и скрізь зъ берегі́въ заросте́е висо́кимъ та густи́мъ очере́томъ... Якъ гля́нути зъ моги́ли, що́ на валу́, то дале́ко-дале́ко,—зъ-во́сходъ сонця до полу́дня кра́ю,—ві́дко се́ла, хутори́, широ́кіі лу́ки, лісй, озе́ра зъ очерета́ми, и го́ри, що геть-ге́ть пішли́ пра́вимъ бе́регомъ; а що найбли́жче, на острову́, село́ Вишняки́, укві́чане садо́чками, ока́ймлене, якъ барві́нкомъ, си́німи озе́рами зъ зеле́ними очерета́ми, ве́рбами и топо́лею.

Самъ го́родъ усіянъ и по го́рамъ и по яра́мъ, то въ одино́чку, то вку́пці, якъ печери́цями, низе́нькими, біле́нькими хати́нами, кри́тими очере́томъ и соло́мою. Пьять церкве́й, на Городській стороні́, и одна́ на Покрівській, весели́нько вибіга́ють въ не́бо и сія́ють святи́ми хреста́ми; а де-де червоніють и зеленіють покрівлі па́нськихъ будинківъ, кра́марськихъ ряді́въ и казе́нныхъ постро́ёкъ; а найбі́льшъ наси́ла, негі́дою, на го́родъ тюрма́, — котра́ ще ті́льки відстро́юетця, и су́мно зори́ть, на світъ божій, дворядо́вими ві́кнами, зарешто́ванними зали́зомъ. Наро́ду въ го́роді зъ невели́чкимъ 4,000, а мі́жъ нимъ и жидові́ чоловіка́ сотъ зъ дві, осі́длихъ и прибли́уднихъ. Три сто-вбо́ві шляхи́ сте́лютця черезъ го́родъ: одинъ въ Полта́ву, дру́гий у Кременчу́къ, а тре́тій, на Лубни́, въ Київъ... Здае́тця, тутъ би и торга́мъ бу́ти, — та щось не та́къ!... одинъ святи́й хлібъ визволя́е: въ Кременчукъ хуру́ютъ ёго четверте́й, мо́же, ти́сячъ на де́сять, а то таки́ и по ви́нницямъ па́нськимъ чима́ло ёго забира́ють. Мо́же, пі́сля́ во́лі, кра́ще бу́де и въ Хоро́лі; звісно, наро́дъ слободні́ше заробля́теме собі худо́боньку,—не такъ, якъ було ще неда́вно, жи́вши въ хати́ні якъ сорока на тину́.

Саме́ мі́сто го́рода ду́же привільне й весе́ле; води́ дово́лі, та ще яка́ й вода́! Е́ у насъ Зубані́вська крини́ця,—пьешъ—не напье́сся!.. Старі́ лю́ди ка́жуть, що во́ду зъ не́і, рядчики́ вози́ли колись ажъ до Херсо́ні,—вельмо́жному Потёмкіну, якъ вінъ воёва́въ зъ Ту́ркомъ, и якъ і́хала въ Кримъ цари́ця Катери́на. Чудо́ва вода! и́нші и лі́чутця не́ю, — мабуть Богъ помага́е... Грунтъ въ Хоро́лі, для садовини́, або й огоро́дини, ду́же хоро́шій; 1849 ро́ку, я ще заста́въ тутъ дуже рясні садки́; а що найкра́ще тутъ расту́ть—муре́лі: продава́лись

по сорокі́вці за відро; и тепе́ръ е́ садки́, та все не те́: якъ почала́ селя́тись въ го́роді жидова́,—такъ садки́ й та́ють; жидъ въ садку́ не уживе́тця,—одно́ що ко́зи заіда́ють, а то таки́ й до́гляду нема́; звісно, наро́дъ торго́вий! а наші, горожане, бі́льшъ праця́ють у по́лі, — а па́нство коли́ не на слу́жбі, то до́ма—та за ка́ртами... Ще то хо́роше въ Хоро́лі, що яки́й би–то дощъ ни йшо́въ, а годи́нъ черезъ дві сміло іди́ гуля́ти; по у́лицямъ нема́ тихъ озе́ръ, котрими поки́йний Го́голь осла́вивъ Ми́ргородъ—на́шого сусіду; хочъ и у насъ нихто́ не боро́нить сви́нямъ и теля́тамъ гуля́ти по майда́ну, середь го́рода, де́ всі суди́, а все–таки́, Богъ боро́нить,—сви́ні бума́гъ изъ судівъ не кра́дуть, хочъ тамъ папі́ру ку́чи, ку́чи (*)... а мо́же вже й сви́ні, пі́сля Го́голя, розумні́ші ста̀ли,—ті́льки, до-я́кого-ча́су, тако́го бе́шкету у насъ не ро́бля̀ть.

Живимо́ жъ ми, въ го́роді, ні ве́село, ні ску́шно,—ра́дощівъ мало; хочъ тепе́ръ и дуди́ть, кажні́сенькій ра́нокъ и ве́чіръ, гусарська музи́ка,—та все я́кось сму́тно: — щось ду́же ту́га копійка, — бі́дному чоловікові прожи́ти не ле́гко, житнёго бо́рошна пудъ—четвертакъ,—а бара́нини, або я́ловичини фунтъ—10 шагі́въ, — сѐ бъ то такъ якъ и въ Полтаві; а відъ чого воно́ та́къ? хто ёго зна! Ажъ слу́хати мо́торошно объ таки́хъ ці̀нахъ, гле́дя на тіі широ́ки лани́, де хлібъ свяги́й ма́е відъ кра́ю до кра́ю,—гле́дя на ті ти́сячні ота́рки, де продаю́тця вивця́ за 2, а коро́ва за 12 карбо́ванцівъ, — та що́ робити? *привози́ти мя̀со изъ селъ — запре́тъ*, а на́ськи різники́ вига́дують щобъ усі́мъ було́ гара́здъ... опри́чь хто у нихъ купу́е...

Що бъ не ску́шно жило́ся у насъ,—то бува́ють случа́і на всякъ мі́сяць, — що бъ було́ де–объ чімъ поміркова́ти наро́ду. Са́ми суді̀те:

У сімъ го́ді, *въ генва̀рі мі́сяці*, — у насъ, въ самі́сенькому го́роді, трохи́ не опівдня́, заме́рзла (було—17 град.) ще не ду́же стара́ бабу́ся, саже́няхъ въ 10-ти відъ своє́і ха́ти: ішо́вши съ хрести́нъ свого́ вну́ка, посковзну́лась та й упа̀ла въ яръ, де́ було́ трохи́ не саже́нь сні́гу; би́лась–би́лась, та й засну́ла. Ка̀жуть лю́ди, що вона́ мо́же бъ и проснула́сь (бо якъ ії ви́тягли зъ я́ру, то ще би́лося се́рце), та ли́шко тя́жке! на той часъ, *нікого*, изъ 4-хъ лікарі́въ, не найшли́: були́, ка̀жуть, десь у гостя́хъ... На дру́гий день, городови́й лі́каръ ії карбова́въ, — ка́же: вме́рла!.. Поховали́... якъ бу́де тре́ба, тоді проснётця...

(*) *Ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ*, въ сочиненіяхъ Гоголя.

Въ *февралі*, разъ, опівночі, була́ у насъ поже́жа: па́лко горіла ха́та, кри́тая очере́томъ; весь го́родъ освіти́вся, у́лиці ажъ сто́гнуть відъ дзво́ну; всякъ зъ посте́лі схо́плювався, та въ чімъ попало — на пожа̀ръ... Бага́то бъ було́ го́ря и слёзъ, якъби́ не салда́ти инвали́ди й гуса́ри; а то вже якъ роспала́лось пе́кломъ, тоді тільки прибігли і пожа́рні, — мабу́ть жда́ли пори́, щобъ віднішъ було́ іхати, — та ще́ жъ бо й то́: — що́ роби́ти зъ га́спедськими кіньми? — іхъ до огню́, а вони́ — дра́ла, та за́домъ, — ажъ клепки́ въ бочо́нкахъ торохтя́ть!.. Се́ вже, мабу́ть, не натача́нки вози́ти!.. А тутъ імъ и смо́къ ще страху́ завдае́: оце́ якъ при́ймутця кача́ти, то вінъ — сопе́, сопе́, а да́лі якъ чви́ркне зъ бокі́въ, то та́къ и ко́ні, и лю́ди вро́стічь! Нічого роби́ти, — ко́ней на́-сторону, та за лопа́ти: приняли́сь за снігъ, що по у́лицямъ стоя́въ кучугу́рами, та й покри́ли поже́жу!..

Въ *марті* була̀ объя́влена наро́дові царська́ во́ля за *паньща́нъ*: то-то ра́дощі! По всімъ церква́мъ бу́ли моле́бні о здра́віі Царя́. Моли́лись щи́ро, а далі й поріши́ли: зроби́ли складъ, и проводи́ли стари́хъ людей на про́щу у Киівъ. Пла́кали, смія́лись, обнима̀лись, поздо́ровляли, мовъ на Вели́кдень. Увесь пістъ бувъ пра́зниками; а якъ наста́ло Велико́дне Свя́то, то ра̀дощамъ и кінця́ не було́!

— *И су́щимъ во гробѣ́хъ живо́тъ дарова́въ*! — тверди́въ наро́дъ.. Чу́дно де́-кому здава́лось, що не було́ опійства, бійки, лайки, а скрізь тільки й чу́ти, що *паньщена* заруча́етця, — готу́ютця весілля́... Ажъ се́рце смія́лось!.

Въ *апре́лі*, на пра́зникахъ, у пья́тницю, въ Хоро́лі, пронесла́ся чу́тка, що, о́півдня, молоде́нька ді́вчина, літъ 16-ти, ки́нулась изъ буди́нку, та прямі́сенько въ коло́дязь — шубо́вхсь!.. а колодязь той сажнівъ вісімъ глибини́... Поба́чили лю́ди, закрича́ли, збіглись до коло́дязя, та й поста́ли... ажъ-ось біжи́ть, зъ други́ми салда́тами, не ду́же старий инвали́дъ, (ро́домъ зъ Кременчука́), *Па́вловъ* прози́ваетця, схопи́въ вірёвку, опереза́всь, та въ коло́дязь и ю́ркнувъ... а тамъ, пирну́вши, и ви́тягъ дівчя́; подали́ дру́гу вірёвку, — вінъ обвяза́въ е́ю обме́рлу ді́вчину, — такъ іі й ви́тягли, — а далі й Па̀влова; приняли́сь уто́плену кача̀ти на ря́днахъ, та й відвала́ли: ожила́... Ка̀жуть, нача̀льство узяло́сь розібра̀ти се ді̀ло, и, мабу́ть, дозна́ютця. — — А наро́дъ все гуто́рить: чого́ бъ тій ді́вчини топи́тьця?.. Молоде́ якъ квіточка.. Жаль серде́шноі убо́ги!.

Ще́ не вспіли й посумува́ти по сій нови́ні, якъ черезъ два̀ дні, у неділю, но́ва ока́зія, вже міжъ па̀нствомъ: офице́ръ-черке́съ, та дру-

го́го офице́ра–гу́сара, у жи́да въ трахти́рі, якъ штирхону́въ кінджа́ломъ у живі́тъ разъ, и вдру́ге, — такъ якъ и не було́ чоловіка!.. Се лу́чилось підъ ве́чіръ; музи́ка гуса́рська вже гра́ла на майда́ні; наро́ду зібра́лось чима́ло, а тутъ и підняло́сь... че́ркеса посади́ли въ тюрьму́, а ме́ртвого понесли́ въ больни́цю... Черезъ два дні хорони́ли зарізанного; наро́ду було́ мабу́ть ти́сячъ зо́ дві; гра́ла музи́ка; а якъ несли́ покійника, біля́ тюрьми́, то вивози́ли и зарізя́ку–черке́са... Покійника похорони́ли зъ стрільбо́ю.. Неха́й ёму́ перо́мъ земля́! до́брий и молоди́й чоловікъ бувъ! ка́жуть, що ро́домъ зпідъ Москви́, и хоро́шого ро́ду.

7–го *мая* бу́ла у насъ одкри́та недільня шко́ла; я й оповідавъ объ сімъ въ *Московськихъ Відомостяхъ* (№ 135–й), да мене́ тутъ злицёва́ли въ Длінского. Знершу записа́лось у шко́лу вчи́тьця—29, а теперъ запи́санныхъ—75 чоловіка. Хо́дять же вчи́тись відъ 45 до 60–ти чоловікъ; полёви́ робо́ти, ярмарки́, а для салда́тъ — эта́пъ и калаву́ри, на перешко́ді. Якъ одкрива́ли шко́лу, то не забу́ли и того *Па́влова*, (що́ ви́тягъ дівчя́ зъ коло́дязя): зроби́ли складъ, та й дали ёму, на пе́рший разъ, шість карбо́ванцівъ на доро́гу, бо вінъ вже йшовъ у *чи́сту*; а на більшъ – ще йде підпи́ска. Щи́ро принявся наро́дъ учи́тись; вже де́–яки, изъ ра́ньшихъ, почина́ють чита́ти Евангеліе, и ті манисенькі книжички́, що якъ мете́лики, летя́ть до насъ одъ п. Камінецького. Не зна́ю що́ дальшъ бу́де, а тепе́ръ ді́ло йде, якъ за водо́ю; хто у́читця—радъ, та й хто у́че—ради́е.

Про шко́лу спершъ було́ поговору нема́ло; теперъ вже ворожби́ти тро́хи вгамова́лись; ба́чуть, що нічо́го не вко́ять, то ті́льки гарча́ть. Вже й жидиня́та почали́ ходи́ть учи́тись гра́моти, а на́ші щи́ро і́мъ помага́ють, и зъ ла́скою до нихъ. Я, першъ, опа́сувався, щобъ наші хлопья́та не обіжда́ли іхъ, на–щотъ *са́ла*, *га́менового у́ха* и ще́ – де – чого, – ажъ ні: нау́ка здружи́ла й зъедна́ла усіхъ. Жаль ті́льки, що учители́ пристаю́ть: — изъ 17, що записа́лись, навря́дъ чи й сімъ наберётця, котрі бъ ходи́ли рядъ-у-рядъ; а наро́ду все бі́льшъ и бі́льшъ прибува́е... Та вже жъ *Богъ не безъ ми́лости, коза́къ не безъ до́лі*!—поба́чимо...

Въ *маі* жъ, були́ ви́брані Мирові Посере́дники: все лю́ди го́жи,— молоді́, трудя́щі; а що всёго кра́ще—и наро́ду и па́нству лю́бі. Неха́й же мири́ють на здоро́вья!

Въ *іюні*, ви́брали ново́го Предводи́теля: ждуть одъ ёго бага́то хоро́шого... Тежъ, и Петрі́вська я́рмарка обійшла́сь не безъ поговору: шарпани́ни — сіллю, полотно́мъ, горшка́ми, лопа́тами, діжка́ми и

другúмъ дé-чимъ и дé-кому—булó довóлі!. И чогó бъ тутъ, здаéтця, дивовáтися? Дíло обичáйне... такъ ні! народъ своé товчé... аджéжъ олíї не вúтовче?..

Явлéннє *мíтли* на нéбі, або то комéти, якъ вчéні лю́ди зовýть ії, тежъ далó пóсуду немáло; москалі угадувалú, що мітлà мабуть — чі не къ войнí зъ тýркомъ?—козацство—чі не зметé вонá окружнúхъ?—паньщенá — що вона змітáе крепàцтво; дé-яки панú—що бýде страшнúй судъ, *якъ віщовáли, той рíкъ, въ Москóвськихъ Відомостя́хъ;* судовí — чі не віщуé вонá зостáтись íмъ за штáтомъ?.. одні жидкú мóвчки поглядàли на мітлý, та метàрялись, де-бъ, набíръ, закушúти у панівъ шлёнську вóвну, що бъ мерщій пхáтись на Иллíнську я́рмарку, въ Полтàву.

Въ пéршихъ дняхъ *íю́ля*, зновъ, у Хорóлі, новúнка: въ гóроді, незабарóмъ пíсля́ полýдня, найшлú 80-ти лíтню бáбу-удовý, въ ії жъ хáті, зъ розбúтою головóю, двомá узлáми задýшену, и зъ потрóщенними рéбрами... Скрúня, що стоя́ла въ хаті, розбúта, и все добрó пороскúдувано: мабýть шукáло грóшей... Покíйна бабýся на-видъ здавáлась літъ 50-ти; булá хазя́йлива, заможнéнька и прівíтна до всіхъ; синівъ жинúла и зробúла хазяінáми, та й ще мáла худóби чимáло: хáту зъ хúжею, комóру дóбру, млинъ, весéлий двіръ, огородъ хорóшій, садóкъ вишнéвий, — та й, окрóмъ сёго, нàйдено въ неí грошенятъ карбóванцівъ сотъ чотúрі, и всёго добрá довóлі, та, мабýть, не дано ій дóлі вмéрти якъ слідъ,—по закóну христія́нському: найшлàсь рукá гáспіда, що закрúла старí óчі обýхомъ, та петлéю... а хто той гáспідъ—ще не знàють.

А оцé, на тій же недíлі, друга новíна: рознеслась чýтка, — що розбнрàтимуть містъ, котрúй стоíть въ гóроді, черезъ яръ, на шляхý изъ Лубень,—відкіля́ теперъ íде вся я́рмарка на Иллíшську, въ Полтáву, изъ Кúева, Волúні и геть-гéть дáльнёго, рідного намъ Гáлíча... Якъ-то-сь ни́шкомъ повéдено тáкъ, бýцімъ *містъ* той *пікчéмний* й що *трéба ёго лáгодити*; назнáчили зéмського кóшту *600 карбóванцівъ*; вже *и жидъ підрядúвся*, такъ-що, въ гóроді, ніхто не сподівáвся й гáдки не мавъ, що тéе затівáетця... Якъ прочýли жъ про сé горожáне, та второпали, що я́рмарка по усáмъ прóйде, а въ ротъ не попадé, то зáразъ громáдою и кúнулись зъ пісьмóмъ въ Полтáву: що *містъ* ще *дóбрий*—що ще *літъ пьять простóіть*, а *раштовáння коло нёго* багáто якъ *на три карбóванці*; то й одвалáли: *зостáвся містъ годя́щимъ* — на я́рмарку... а дàлі—хто

ёго зна, що бу́де? — мо́же–таки́ й лу́сне 600 карбо́ванцівъ на по́стукъ....

Отъ–таке́-то, якъ ба́чете! И у насъ, въ Хоро́лі, е́ надъ чімъ поду́мати... Се жъ усе́ дія́лось ті́льки въ го́роді, а въ уі́зді? — та й що́ каза́ти! — не перегово́ришъ и за ти́ждень петрівській! Бу́демо жда́ти, що то вдіе небе́сна мітла́, либо́нь-то коме́та, що пішла́ відъ насъ на полу́нічъ?..

12 іюля 1861 року.

Модестъ Димський.

ЧТО́ ОБЪ ЭТОМЪ ДУМАТЬ?

Письмо къ редактору изъ Кіева.

(7 іюля 1861.)

Обращаюсь къ вамъ съ просьбою о помѣщеніи настоящаго возраженія, вынужденнаго несправедливымъ и крайне-вреднымъ пристрастіемъ польской журналистики, которая, въ отношеніи къ южно–русскому краю, позволяетъ себѣ выходки самыя непростительныя и самыя обидныя для насъ—жителей Украины. Представляю вамъ два весьма разительныхъ примѣра: пусть изъ этихъ данныхъ сами читатели выведутъ свое заключеніе и произнесутъ заслуженный приговоръ. За все сказанное я принимаю нравственную отвѣтственность *на себя*, и прошу заявить объ этомъ въ *Основѣ*, на которую, безъ-сомнѣнія, кое-кто разсердится.

Въ апрѣльской книжкѣ «*Варшавской Библіотеки*» (Biblioteka Warszawska), въ отдѣлѣ *литературныхъ извѣстій*, сообщается объ изданіи г. Маріяномъ Горжковскимъ *въ типографіи Propagandae fidei, въ Римѣ*, двухъ повѣстей изъ *Украинской* жизни, писанныхъ отчасти по–польски, отчасти по–русски; объ повѣсти, по словамъ «Библіотеки Варшавской,» преисполнены эрудиціи *греческой, римской и еврейской* (?!) и имѣютъ благую цѣль — объединить, обобщить, на основаніи древнеклассическихъ цитатъ, интересы польской шляхты съ интересами нашего южно-русскаго народа. Такъ-какъ вышеупомянутыя повѣсти здѣсь еще не появлялись, то для насъ становится невозможнымъ указать: какія именно мѣста Софокла, Квинтиліана или Соломоновыхъ Пѣснопѣній въ состояніи доказать тож-

дественность шляхты польской и католической съ народомъ южнорусскимъ и православнымъ; поэтому, предоставляя разгадку этой задачи пророческому вдохновенію любого отца іезуита, обратимся къ дальнѣйшей части упомянутаго сообщенія.—Въ немъ находится еще слѣдующая замѣтка о трудахъ г. Горжковскаго:

«Въ прошломъ году, редакція «Библіотеки Варшавской» получила «отъ г. Горжковскаго важныя извлеченія изъ Ватиканскаго архива «относящіяся къ исторіи Украины, особенно же къ личности Богдана «Хмельницкаго,—личности, изъ которой писатели малороссійскіе сдѣ«лали народнаго героя, между-тѣмъ какъ это былъ лишь предводитель «разбойничьей сволочи,—человѣкъ безъ всякой мысли и вѣры, бандитъ, «который, для достиженія своихъ цѣлей, готовъ былъ принять любое «вѣроисповѣданіе, даже магометанизмъ.—По причинамъ, независящимъ «отъ редакціи, мы не могли напечатать этихъ важныхъ документовъ, «но тѣмъ-не-менѣе они проливаютъ яркій свѣтъ на отношенія Укра«ины къ Польшѣ. Со-временемъ истина откроется, и тогда писатели «малороссійскіе перестанутъ извращать историческую истину и фа«натизмъ ихъ погаснетъ. Тогда Богданъ Хмельницкій — этотъ мни«мый герой, этотъ ратникъ вѣры и свободы, которому они готовы «воздвигать памятники, предстанетъ въ дѣйствительной своей роли ата«мана украинскихъ разбойниковъ.—Со-временемъ только, повторяемъ, «выяснятся обстоятельства, омраченныя теперь недобросовѣстностью «и страстями.»

Оставивъ въ сторонѣ площадной тонъ и ругательства этой статейки, вовсе несвойственныя историческому безпристрастному взгляду и серьёзной критикѣ, постараемся (хоть это, впрочемъ, нетрудно) объяснить цѣль, съ которою всѣ подобныя выходки появляются въ нѣкоторыхъ польскихъ журналахъ.

Еслибы пишущими руководило желаніе раскрыть научную истину, то, разумѣется, они-бы принялись за дѣло похладнокровнѣе, стали-бы разработывать источники и представили–бы для науки неопровержимыя данныя своихъ изслѣдованій, и уже потомъ выводили-бы изъ нихъ сужденія объ общемъ характерѣ исторической дѣятельности въ ту или другую эпоху, объ общемъ значеніи той или другой исторической личности. Между-тѣмъ, довольно взглянуть хоть на вышеприведенный отрывокъ, чтобъ убѣдиться, что тутъ дѣло вовсе не въ историческомъ изслѣдованіи:—авторъ, вмѣсто представленія источни-

ковъ, *хвалится* только, что они у него есть въ рукахъ, требуя въ этомъ отношеніи безусловнаго къ себѣ довѣрія и, вмѣсто оцѣнки этихъ источниковъ, сообщаетъ только то, что они присланы г. Горжковскимъ и что выписаны изъ Ватиканскаго архива; зато, по великодушію своему, не скрываетъ результатовъ, добытыхъ имъ-самимъ, въ тиши кабинета, изъ этихъ неподдѣльныхъ источниковъ — результаты же являются въ видѣ пасквильной брани на мертвыхъ и живыхъ!

Причина, вызвавшая такую странную методу историческаго изслѣдованія, проста:—этимъ публицистамъ хочется доказать невозможное, а именно, что край, лежащій между Карпатами и рр. Вепржемъ, Припятью и Днѣпромъ, и теперь и искони былъ край польскій; но извѣстно, что простымъ, научнымъ путемъ не докажешь невозможнаго, ни очевидно-ложнаго положенія, — поэтому необходимо прибѣгнуть къ сужденіямъ a priori, да къ брани, вмѣсто доказательствъ. Попробуйте начать съ ними полемику, у нихъ никогда не окажется недостатка въ такого рода доказательствахъ; такъ, если вы укажете въ прошедшемъ фактъ борьбы всего народонаселенія южно-русскаго съ польскою шляхтою, то вамъ скажутъ, что все это народонаселеніе было не что иное, какъ сволочь, бродяги, разбойники, бандиты,—что *людьми* на Украинѣ въ то время должно считать только шляхтичей, гнавшихъ на панщину да сажавшихъ на колъ всю эту сволочь,— насиловавшихъ женъ и дочерей этихъ бандитовъ,—глумившихся надъ вѣрою и обычаями этихъ разбойниковъ. Если кто-нибудь осмѣлится взглянуть на прошедшее съ иной точки зрѣнія, представить статистику края или издать акты, несовпадающіе съ цѣлью и взглядомъ этихъ господъ, тотъ, разумѣется, въ ихъ глазахъ—мечтатель, фанатикъ самый безсовѣстный, человѣкъ подкупной, издающій фальшивые акты и т. п. Такъ недавно нѣсколько польскихъ журналовъ обвинили въ подлогѣ всю *Кіевскую коммиссію для разбора древнихъ актовъ*, единственно за то, что коммиссія обнародовала акты, доказавшіе отдачу церквей въ аренду жидамъ, вмѣстѣ съ правомъ смертной казни надъ крестьянами. Напрасно коммиссія, указывая подлинники, объявила, что она открываетъ къ нимъ каждому свободный доступъ: она считается тѣмъ виновнѣе, потому, что акты, неправящіеся польскимъ публицистамъ-фанатикамъ, не должны были и существовать въ архивѣ; если же они существуютъ, такъ развѣ изданіе ихъ не доказываетъ, что коммиссія руководствуется самымъ недобросовѣстнымъ фанатизмомъ?!—Отчего-бы членамъ коммиссіи не обратиться лучше за актами въ Ватикан-

скій архивъ, или, по-крайней-мѣрѣ, въ редакцію «Библіотеки Варшавской»: тамъ–бы они нашли настоящіе акты, тамъ бы имъ объяснили, что всё, что́ ни существовало на Руси, существовало или въ католическо–шляхетскихъ формахъ, или же было разбоемъ, беззаконіемъ, историческою аномаліею, подлогомъ, чѣмъ-то незаслуживающимъ ни малѣйшаго вниманія, а въ доказательство, къ вящшему убѣжденію, г. Горжковскій приведетъ цитаты на всѣхъ древнихъ языкахъ, какъ знакомыхъ, такъ и незнакомыхъ ему-самому!

Да, г. Горжковскій лице давно извѣстное своею добросовѣстностію, въ подтвержденіе чего мы можемъ сообщить многознаменательные факты изъ его біографіи. — Нѣсколько лѣтъ назадъ, г. Горжковскій былъ учителемъ въ Черниговской гимназіи. Заявивъ о желаніи своемъ научно разработать исторію Малороссіи, онъ успѣлъ выхлопотать право заниматься во всѣхъ монастырскихъ библіотекахъ кіевской митрополіи и пересматривать всѣ находящіеся въ ея предѣлахъ церковные архивы.— Изъ собственныхъ словъ г. Горжковскаго, мы знаемъ, какъ онъ воспользовался этимъ позволеніемъ: то по довѣрію иноковъ, то подъ видомъ лица, будто бы присланнаго митрополитомъ Филаретомъ, частнымъ образомъ, для повѣрки состоянія монастырей, онъ присвоивалъ себѣ все, что́ относилось къ исторіи края и къ его сношеніямъ съ Польшею. Мы видѣли у него огромное собраніе древнихъ актовъ, изданій Кіевской академіи, церковныхъ книгъ и т. п.—Спрашивается, съ какою цѣлью была сдѣлана вся эта коллекція?—Г. Горжковскій не издалъ изъ нея никакихъ извлеченій, не сдѣлалъ ее доступною публикѣ и даже *частнымъ знакомымъ* не позволялъ заняться собранными имъ матеріалами,—онъ ее упряталъ такъ, что и слѣдъ простылъ... а вѣроятно были въ ней вещи не ватиканскаго свойства... Такого добросовѣстнаго дѣйствія, вѣдь, не постыдился–бы любой фанаріотъ, безчинствующій въ Булгаріи, съ цѣлью уничтожить всѣ древніе памятники исторіи и литературы края. Въ заключеніе, *г. Горжковскій* уѣхалъ за границу, и *въ Римѣ*, въ прошломъ году, *поступилъ въ іезуитскій монастырь*; тогда, движимый, должно-быть, угрызеніемъ совѣсти, онъ рѣшился возмѣстить утаченные имъ памятники изъ нашихъ церквей и монастырей, другими, вѣроятно — болѣе подлинными и достовѣрными, которые онъ отыскалъ, или, можетъ быть, и предугадалъ въ Ватиканскомъ архивѣ. (Вѣдь благочестивые отцы Societatis Jesu—мастера предугадывать даже небывалое, если только это имъ выгодно). Послѣ всего сказаннаго, можно-ли сомнѣваться въ

добросовѣстности трудовъ г. Горжковскаго и въ безпристрастіи «Библіотеки Варшавской?»

А вотъ другой фактъ, не менѣе ясно доказывающій ту умѣренность, то стремленіе къ безусловной истинѣ, въ недостаткѣ котораго польскіе журналисты упрекаютъ южнорусскихъ историковъ и, вообще, авторовъ всѣхъ неправящихся имъ сочиненій. Въ *Польской Газетѣ* (Gazeta Polska), въ концѣ мая или началѣ іюня настоящаго года, кіевскій корреспондентъ этой газеты, сообщая о провожаніи черезъ Кіевъ тѣла Тараса Шевченка, передалъ совершенно-ложно всѣ подробности этого грустнаго обряда. Мы готовы были его ошибки, довольно впрочемъ непростительныя мѣстному корреспонденту, приписать незнанію: но одна остановила наше вниманіе, — онъ гласилъ, что панихида надъ нашимъ народнымъ поэтомъ была отпѣта въ Кіевѣ въ *уніатской церкви;* всѣдъ затѣмъ, въ одномъ изъ послѣдовавшихъ номеровъ, каневскій корреспондентъ той-же газеты, извѣщалъ о погребеніи тѣла его въ Каневѣ, и опять является извѣстіе, что панихида была отпѣта въ *каневской уніатской церкви;* наконецъ, въ послѣднихъ числахъ кіевскій корреспондентъ опять сообщаетъ о похоронахъ въ Кіевѣ, въ уніатской-же церкви, г. Пихилевича, и т. д.— Такъ-какъ намъ, жителямъ южнорусскаго края, очень хорошо извѣстно, что у насъ вовсе нѣтъ уніатскихъ церквей; такъ–какъ, съ другой стороны, не возможно допустить, чтобы мѣстные корреспонденты ошибались въ этомъ отношеніи, то, въ настойчивыхъ намекахъ на мнимыя уніатскія церкви, нельзя было не видѣть преднамѣренной неправды, порожденной скрытною мыслью католическаго прозелитизма. Полагая однако, что вымыселъ этотъ есть достояніе кіевскихъ корреспондентовъ, мы обратились въ редакцію Польской Газеты, — и указавъ на ошибки менѣе значительныя въ статьѣ о похоронахъ Шевченка, мы потребовали гласной поправки насчетъ уніатскихъ церквей. ...И вотъ-что намъ отвѣчала редакція въ 152-мъ номерѣ *Польской Газеты:*

«Мы благодарны вамъ за вашу поправку насчетъ погребенія «Тараса Шевченка. Относительно названія церкви, въ которую было «принесено тѣло покойника, мы не считаемъ для него обиднымъ, ес«либы даже было такъ, какъ сообщилъ нашъ корреспондентъ: это не«только не бросаетъ никакой тѣни на покойника, а напротивъ (*i ow«szem*)... Въ нашемъ изданіи, вы найдете намеки, доказывающіе, что «мы сознаемъ артистическое и поэтическое значеніе Шевченка; стран-

«но, какъ въ нихъ можно было усмотрѣть поводъ къ отзыву, при-
«дающему такое значеніе совершенно-невинной и дружелюбной коррес-
«понденціи.—Впрочемъ, не всѣ мы на столько озабочены покойни-
комъ, чтобы заниматься такими подробностями.»

Можемъ, съ нашей стороны, увѣрить достойную редакцію, что мы вовсе не желали расположить ее въ пользу покойнаго нашего Кобзаря, и еслибы она совсѣмъ умолчала его имя, мы бы отъ этого ничуть не пришли въ отчаяніе. Но такъ-какъ ей угодно было великодушно обратить вниманіе на его артистическое значеніе, то ей слѣдовало или совершенно удержаться отъ дальнѣйшихъ подробностей, или передать ихъ вѣрно, но ужъ никакъ не представлять ложныхъ фактовъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что предметъ, о которомъ она извѣщаетъ, мало ее занимаетъ. Наконецъ, мы просили-бы редакцію объяснить сказанное ею «*і ожszем*»... Неужели она думаетъ, что сдѣлала честь покойному поэту, пожаловавъ его за артистическое дарованіе въ *уніаты*?!.. Если такъ, то она непростительно-грубо заблуждается: принятіе уніи, въ сознаніи украинскаго народа, происходило или вслѣдствіе католическаго насилія, или служило признакомъ отступничества отъ всего того, что̀ считалось нравственнымъ достояніемъ народа. Тарасъ Григорьевичъ не былъ жертвою перваго, а втораго и враги не осмѣлятся приписать ему. Кого же хотѣла обмануть редакція, упорно настаивая на томъ, что церкви въ нашемъ краѣ не православныя, а уніатскія, между-тѣмъ какъ несомнѣнно ей самой извѣстно, что, за исключеніемъ Галиціи и Русинской части Люблинской губерніи, уніатскихъ церквей и уніатовъ на Руси нѣтъ нигдѣ, и, слѣдовательно, имъ не откуда взяться ни въ Кіевѣ ни въ Каневѣ. Если эти намеки объ уніи относятся къ намъ, — они напрасны: ни къ уніи, ни къ падающему, по нравственному безсилію (несмотря на всѣ іезуитскія усилія) папизму, мы не имѣемъ, да и никогда не имѣли, влеченія; напротивъ, мы хорошо помнимъ, сколько крови пролилъ нашъ народъ и сколько обидъ онъ претерпѣлъ отбиваясь отъ уніи въ теченіи двухъ столѣтій! Если-же эти намеки написаны для удовольствія нѣкоей публики, съ цѣлію убѣдить ее въ томъ, что мы или Уніяты de facto, или стремимся къ Уніи, или по крайней-мѣрѣ стремились къ ней въ лицѣ нашего вдохновеннаго поэта, то это трудъ еще болѣе напрасный. Къ чему *напускати ману?* вѣдь-же прійдется когда нибудь разъубѣдиться, и отъ временнаго обольщенія навряд-ли будетъ нравственный или вещественный выигрышъ...

Взамѣнъ за учтивости, почтенной редакціи, мы можемъ отплатить ей однимъ совѣтомъ, а именно: просимъ ее хорошенько подумать надъ глубокой правдой одной изъ нашихъ народныхъ пословицъ: «*Брехнею свѣтъ перейдешъ, та назадъ не вернесся*». Намъ кажется, что вельможная шляхта совершила уже одинъ — помянутый пословицею—путь подъ предводительствомъ іезуитовъ. Неужели она захочетъ возвращаться по той-же дорогѣ? Если такъ, то намъ остается еще разъ предостеречь ее словами той же пословицы: «*назадъ не вернесся*!..»

Владиміръ Антоновичъ.

ИЗЪ СЕЛА ТОВКАЧІВКИ, ПІДЪ Г. ПРИЛУКОЮ.

Якъ тілько люди почули въ церкві волю, заразъ почли рядить, судить, яке-то теперъ уже буде житте вольнимъ людямъ: чи хоть трошки посолодшае іхъ гірка доля. Діти поспішали до батька-матері, кумъ до кума, сусідъ до сусіда; тілько, — казали люде,—безрідний той Иванъ, якъ бобиль у полі, ні до кого не йде, ні съ кимъ не розмовляе о своій гіркі долій. Ёго и воля не дуже звеселила. Ёму у пана добре жилося, бо панъ бувъ ёму якъ рідний батько: чи прикажчикъ почне дуже налягать на Ивана безрідного, то панъ и заступитця, чи такъ які недобрі люди почнуть смикать бідного сироту, то знова панъ и пожаліе Ивана. Добрий бо бувъ да розсудливий панъ у насъ: гріхъ сказать! Одъ такого пана не хочетця и людямъ одходить; иншому, мабуть, не краще буде и у волі. Отъ такъ-то, кажу, почали судить, рядить: розумні люди виказували свої мислі, а другі слухали, да навчались; до сіёі жъ челяді пристававъ и я, бо я и недуже смишленій и язикъ у мене, часомъ, якъ той пень—не повернетця...

А чужі речі слухать я дуже люблю, и для сёго частенько навідуюсь у шинокъ: бо дé більшъ, у насъ на селі, почуешъ людей, якъ не въ шинку? Тутъ, правду-сказать, дé чого й пустóго наслухаесся, да то вже тогді, якъ дуже підіпьють и розходятця; покіль же ще всі тверéзі, то иноді багацько де-чого доброго почуешъ. Да не все жъ и пьяни́ці въ шинку. Одні приходять сюди побачитись зъ добрими людьми, да побалакать, а другі—такъ, якъ оце й я—щобъ послухать розумнихъ людей и почуть щò робитця у світі. Бачите—у насъ на селі нікуди більшъ и збира-

тися людямъ для розмови. Добре, що у васъ тамъ—по великимъ городамъ да по столицямъ—есть, кажуть, якісь *клубкй*, де о политиці розмовляють... Сёго у насъ немае, — такъ ми збіраемось у шинокъ, де побачимся зо всякимъ. А, мабуть, воно такъ уже Богъ создавъ чоловіка, що ёму не можна довго безъ людей бути: все шукае собі челяді, де бъ и другихъ почувъ и собі вкинувъ яке словечко. Се й учені знають; бо наука імъ указуе все: якъ и земля крутитця, якъ и вітри віють. Чи нашъ братъ селянинъ дійшовъ би до такоі мудрости? Ні за́ що, мабуть! чудасія да й тілько, щобъ оце сказать що земля навкруги́ сонця вертитця... а учені кажуть що вертитця: отъ же й маішъ імъ віру,—бо вони багацько знають, чого ми не розуміемо. Хай же імъ Богъ помага, а чрезъ іхъ и насъ навчить!

Оттакі-то речі чувъ я підъ шинкомъ. Щобъ ви знали суждіния и нашого брата, щобъ знали, я́къ де які зъ насъ приняли волю, и чого вони ждуть одъ неі, и що́ думають сами робити, якъ будуть вольні,—я оце здумавъ вамъ те списати. Просимо тілько не поскучать: я́къ и що́ чувъ самъ, те саме и вамъ оповідаю.

«Здорові були, люде добрі!» почавъ Остапъ, підійшовши и къ шинку до челяді.

— Здоровъ, здоровъ, озвались зо всіхъ кінцівъ: всі почитали Остапа, бо вінъ чоловікъ дуже розумний и розсудливий, да ктому жъ ще загумённий и заможний чоловікъ.

«Объ чімъ ви, братці, балакаете? Може про волю? Теперъ тільки й чутка, що про волю, да про волю. Вона понудила-таки и нашого брата взятись за свій розумъ: чужимъ розумомъ въ люди не вийдешъ;—прийшовъ часъ, що *жить—не вола́ корми́ть*. Самому треба всёму давать пораду; а безъ того—пропадешъ.»

— Се, мабуть, таке вже время настало, Остапе,—озвавсь Петро—чоловікъ тежъ бувалий и дуже розбитний: *всякъ Еремій свое розумій*. Теперь усякъ довженъ устроіть свою судьбину. Хто міцніший, да роботящий, той не згине,—той найде собі свою доріжку; а хто дурень, або лежень який, тому, мабуть, частенько прийдетця сидіть безъ шматочка хліба. Да ще добре якъ вінъ одинъ; а якъ у ёго ще есть сімья? Пропаща и сімья зъ такимъ! То було хоть панъ приневолюе такихъ лінивихъ до діла, да й сімьі бідноі не оставить; теперъ хто? Всякий думатиме объ собі.»

— Такъ! воно теперъ — перебивъ Петра Михайло — треба кожному держать ухо на сторожі. Охъ! багацько треба подумать, а потімъ

щиро приняться за діло, щобъ придбать хоть маленьку худобу. А безъ праці пропадешъ — и ти, и сімья.

«Да сёго жъ ще й мало» зновъ озвавсь Остапъ. Теперъ більшъ и потребують одъ насъ. Хочуть изробить зъ насъ розумнихъ людей; на́ що, кажуть, требоватимуть, щобъ всюди були школи и щобъ всякий оддавъ туди своіхъ дітей для грамоти. Тогді вона и намъ очі розкрие!»

«Да розкрить – то, розкрие, — заговоривъ почухавшись Стёпка (що бувъ колись лакеемъ у дворі) да, мабуть, та наука и біди багацько наробить. Тогді, мабуть, треба буде попрощатись зъ своею спокійною жизню. Розуму,—чувъя не разъ одъ ученихъ,—ніякъ не можна здоволнить, наче якого прожору, що вінъ все івъ би и не наівся. А якъ почне, кажуть, мудрить вінъ, якъ тілько ёго розбудишъ, то и Бога не чтить и людей не боітця. Да хиба жъ ви не подмічали, які бувають еретики?.. Прийде въ церкву, (якъ то ще коли – не – коли прийде!) стоіть якъ пень, и не перехриститця. А одъ чого? Кэже: цилизація не позволя, — політика того требуе: не въ моді, бачъ! Да якъ би ми знали що розумъ коіть на білімъ світі, то, ій–Богу, одказались би одъ ёго!»

«Постривай-лишень, постривай! — перебивъ Степку Остапъ. Ти вже щось дуже на розумъ напався? Ти подивись на ёго и зъ другого боку, а не все гледи зъ одного... Само – собою розуміетця, все стане погане у дурнихъ рукахъ. Хиба жъ зъ нашого брата не мае такихъ що ходять до церкви за тимъ тільки, що другі ходять? Се, Стёпка, зовсімъ не одъ розуму! Худі люде розумомъ хочуть тілько покрить свое нечисте и недобре серце, а одъ серця усе и добре и зле. Тілько хиба та розниця межъ розумнимъ и дурнимъ, що розумній, котрий мае серцедобре, здужае більше зробить добра и собі и другимъ, ніжъ дурень зъ добримъ серцемъ; и навпроти: одъ розумного та злого чоловіка тілько держись! Вінъ токóго накоіть и проти Бога, и проти людей, да ще й оправдаетця: якъ соколъ чистий стане. Дурень же, хочь и злий, не багацько навредить, да и поймаетця заразъ.—Такъ-то Степане! Понапрасну ти осудивъ розумъ! Одъ ёго багацько людямъ пользи, коли вінъ добре вигостренний. На що жъ би Богъ и давъ ёго людямъ, якъ не на те́, щобъ вони умножали все добре своіми трудами, и черезъ те пособляли бъ безбідно жить и собі и другимъ? Ти не бачишъ въ розумі нічого доброго, а не вінъ же хиба зробивъ тобі сокиру, серпъ, або косу, безъ чого не було бъ у тебе ні хати, ні хліба? Не вінъ-хиба

давъ тобі плугъ, безъ которого ти и за всю весну и за всю осень не скопавъ би заступомъ твоеі ниви? Чи безъ розуму пошивъ би ти шапку, свиту, чоботи, сорочку, щобъ ти не бувъ и голий, и холодній! Чи не вінъ зробивъ людямъ млинъ, де або вода, або коні, або самъ вітеръ дае тобі муку? Охъ, багацько, Степане, багацько розумъ робить на світі чудасій такихъ, котрихъ ми ще й не знаемо, и все-то на помічъ чоловікові. Ти жъ самъ бачивъ въ паньскій клуні молотилку, що разомъ и молотить, и віе и оббірае полову. А хто ії зробивъ? Мабуть не такі дурні, якъ ми зъ тобою. А подивись, яка одъ неі польза! Тиждень цілий, мабуть, треба у-трохъ, або й більшъ, молотить стілько кіпъ хліба, скілько вона сама, безъ усякого нашого труда, измолотить тобі и перевіе? Скажи жъ самъ теперъ, чи жъ розумъ не стóіть того щобъ ёго почитать и до ёго добуватьця? А подивись на ёго ще съ другого да съ третёго боку,—такъ и станешъ прохать Бога милосердного, щобъ вінъ не перестававъ пособлять усімъ розумнимъ да роботящимъ людямъ. Тогді не скажешъ: «ій Богу, одказався бъ одъ розуму!» а ще моливъ би Бога щобъ вінъ и тебе не обділивъ сімъ неоціннимъ даромъ!

— Да годі вже вамъ споритись за розумъ! — сказавъ Кузьма-мирошникъ, уставши зъ колоди, потягуючись. Почали волею, а кончили онъ чимъ! Те ще далеко! вернітця знова до волі, да подивітця хорошенько, чого вона одъ насъ заразъ потребуе; а те, щò будé ще,— те, Богъ знае, якъ ище буде: може до того чи й доживемо?

« А чого жъ вона требуе одъ насъ?» одвітивъ Кузьмі Остапъ. «Першъ усёго треба, якъ и батюшка говоривъ у церкві, щобъ люди меньшъ пили горілки, а коли можна, дакъ и зовсімъ ії покинули да не лінувались, а щиро принялись за роботу; бо теперъ кожний довженъ устроіть свое нове житте. Кожний довженъ подумать, що теперъ вінъ вольний чоловікъ; що самъ довженъ одягти и прокормить и себе и сімью. Уже теперъ ёму треба не аби-яке хазяйство, бо изъ дурного хазяйства не дуже потягнешъ...»

— Правда, правда!—загомоніли люде....

«Отъ добре теперъ парубкамъ, да хлопцямъ!» озвавсь дідъ Уласъ. «Парубкамъ затимъ, що вони, якъ захотять такъ и пристроять себе, и сили у іхъ ще свіжі да кріпкі, да значалу воно все охітнійшъ робитця; а намъ старимъ людямъ—аби віка дожить; хоть добре, хочъ недобре, а не хочетця якось покидать того, съ чимъ сжився и до чого привикъ. Хлопцямъ же ще краще, затимъ, що вони не дознались

ще ні нашої неволі, ні нашого горя. Вони теперъ наче народились на новий вольний світъ: куди зхотять—туди й повернуть свою доріжку. Имъ и въ яке-небудь ремество можна пуститьця: хто въ шевці, хто въ кравці, хто въ столярі, а хто ще куди-небудь; и грамота, мабуть, уже не втече відъ іхъ. Я вже самъ старий, а радію хочъ за своіхъ онуківъ. Колибъ хоть вони, моі курупьятка, не знали нашого горя! Нехай щасливійше проживуть свій вікъ, нижъ ми!..»

Довго ще балакали добрі люди объ волі, да—те перекажу другимъ разомъ.

Павло Ромашка.

СОРТИРОВКА ЛЮДЕЙ ПРИ ВХОДѢ ВЪ ЦЕРКОВЬ (1).

До чего можетъ довести непониманіе должныхъ общественныхъ отношеній, нежеланіе или неумѣнье отдавать отчетъ въ своихъ поступкахъ, до какого высокомѣрія, грубости и даже, можно-сказать, невѣжества, можетъ доводить привычка къ этой безотчетности, когда лицо о облечено будетъ какою-нибудь властію,—грустнымъ примѣромъ тому можетъ служить обычай сортировать людей при входѣ въ церковь,—операція, повторяющаяся всегда и вездѣ у насъ, при сколько-нибудь торжественномъ богослуженіи, до-того часто повторяющаяся, что даже не возбуждаетъ скандала, не ставится никому въ проступокъ, а признается самымъ-обыкновеннымъ, какъ бы законнымъ дѣломъ, не производя ни шума, ни особенныхъ заявленій.

Какими законоположеніями, соображеніями и, наконецъ, побужденіями руководствуются въ такихъ случаяхъ полицейскіе агенты, на которыхъ обыкновенно выпадаетъ у насъ доля сортировать людей для допущенія къ торжественному богослуженію? Какъ смотрятъ они при этомъ на народъ, на церковь? Любопытно было бы это разобрать, но

---

(1) Считаемъ весьма полезнымъ перепечатать настоящую статью изъ Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника (№ 28). Читатели увидятъ, почему мы поспѣшили перенести ее на страницы *Основы*: непремѣнное и полное уваженіе къ человѣку—безъ сортировки на большихъ и малыхъ, добрыхъ и злыхъ и проч.,—мы признаемъ первымъ и главнымъ началомъ общественнаго катихизиса; пока оно не войдетъ въ убѣжденіе и въ нравы каждаго, до-тѣхъ-поръ всякія другія идеи, преобразованія и стремленія, не много принесутъ пользы обществу.

трудно прослѣдить. Какъ посмотришь, иногда на нихъ вдругъ налетаетъ снисходительность и позволяютъ они кому-либо изъ простолюдиновъ, конечно очень смиренныхъ, униженно имъ кланяющихся, войти въ церковь; а то снова вдругъ дѣлаются не въ мѣру строги и даже слѣдующаго по пятамъ за человѣкомъ, только-что пропущеннымъ въ церковь, съ грубостью останавливаютъ и самымъ безцеремоннымъ образомъ, локтемъ въ грудь, или какъ иначе, отсаживаютъ назадъ. Нерѣдко, уже ступившаго на порогъ церкви и уже занесшаго руку для крестнаго знаменія, прогоняютъ съ паперти безъ всякихъ объясненій. Все это такъ обыкновенно, дотого часто повторяется, что рѣдко кто изъ отогнанныхъ рѣшается возражать или заявлять свое право быть впущеннымъ въ церковь, по примѣру другихъ, не говорю—хорошо одѣтыхъ, въ нѣмецкое платье, но хоть по примѣру такихъ же какъ и онъ, одѣтыхъ въ тулупъ или *свиту*. Народъ, видимо, свыкся съ произволомъ, а быть-можетъ даже и воображаетъ себѣ, что власть и сила должны проявляться только такъ, а не иначе, въ видѣ всесокрушающаго урагана: налетѣть, повергнуть, сокрушить. И въ самомъ дѣлѣ, тутъ всякое возраженіе со стороны простого человѣка было бы напрасно: оно бы ровно ни къ чему хорошему не повело, развѣ къ новому толчку и къ новому, грубо выраженному, вопросу: «Куда лѣзешь? Пошелъ, тебѣ говорятъ!» Еслибы даже удалось какимъ-нибудь образомъ заслужить милость стражей, находящихся у входа въ церковь, кто ручается, что столь же снисходительны будутъ другіе агенты, которые находятся внутри самой церкви? Вѣдь каждый простолюдинъ хорошо знаетъ, что и тамъ онъ не обезпеченъ отъ произвола, что и тамъ, если вздумается кому изъ полицейскихъ показать свою власть, ему и тамъ, энергическимъ, хорошо-знакомымъ жестомъ и особенно выразительною мимикой, а подъ-часъ и толчкомъ, могутъ указать двери, и волей или неволей, такъ или иначе, выпроводятъ изъ церкви. Опытъ грозный, не одного только года, доказалъ имъ, какъ мало нужно со стороны простолюдина, чтобы навлечь на себя гнѣвъ блюстителей тишины и порядка, и какъ много нужно потомъ униженія, просьбъ и моленій, чтобъ умилостивить гнѣвъ ихъ. Многіе, подпавъ подъ немилость, уже и не пытаются прибѣгать къ милосердію: такъ оно бываетъ рѣдко.

Предшествующія размышленія возбуждены въ насъ случаемъ, которому мы были очевиднымъ свидѣтелемъ. 2-го февраля въ нашемъ городѣ въ Срѣтенской церкви былъ храмовой праздникъ. Въ этотъ

день въ ней отправлялъ богослуженіе здѣшній преосвященный; вслѣдствіе чего и была, какъ водится, назначена туда полиція. Хотя тутъ почти самъ собою является неизбѣжный вопросъ: въ чемъ же должна состоять, при такихъ случаяхъ, обязанность полицейскихъ, какъ тѣхъ, что̀ стоятъ въ преддверьи церкви, такъ и тѣхъ, которые помѣщаются внутри ея?—въ томъ ли, вопервыхъ, чтобы при самомъ входѣ сортировать прихожанъ по платью (другихъ данныхъ для сортировки у полицейскихъ быть не можетъ), и вовторыхъ, въ самой церкви сортировать, кому, какъ и гдѣ стоять, и опять-таки сортировать по платью и наружнымъ знакамъ, потомъ сопутствовать, т.-е. прокладывать въ толпѣ дорогу болѣе или менѣе значительнымъ лицамъ? — или же, наконецъ, въ томъ и другомъ мѣстѣ, т.-е. внутри церкви и внѣ ея, обязанность полицейскихъ—быть только для одного такъ-называемаго порядка, въ самомъ обширномъ и самомъ неопредѣленномъ смыслѣ этого слова, какъ, кажется, по большей части и понимаетъ его полиція?—но этотъ самъ-собою напрашивающійся вопросъ я рѣшать не стану, потому-что̀ назначенію полицейскихъ чиновниковъ въ церковь я вообще не сочувствую; а не сочувствую потому, что присутствіе физической силы, каковою является полиція, считаю не совсѣмъ умѣстнымъ, тамъ въ особенности, гдѣ, предполагается, должны постоянно пребывать миръ и тишина, гдѣ каждому христіанину предлагаетъ церковь «всякое житейское отложить попеченіе.»

Понятно, что простой человѣкъ, какъ всякій труженикъ, радъ празднику болѣе всѣхъ. Изъ нихъ пожилые и религіозные, конечно, поспѣшили въ этотъ день отправиться въ церковь. Многіе изъ этого сословія, прихожане Срѣтенской церкви, считали за священную обязанность побывать въ своей церкви. Многіе, въ этотъ день, раньше прибытія полиціи, раньше перваго колокола, уже были на паперти церкви, и дожидались когда отворятся двери. Многіе, зная на опытѣ, какъ трудно бываетъ попасть въ церковь въ присутствіи полиціи, забирались туда спозаранку и заняли мѣста поудобнѣе, кто по уголкамъ, а кто и поближе къ клиросу, думая, что изъ церкви-то, конечно, ужъ ихъ не выгонятъ. Послѣдствія покажутъ, насколько оправдывались ихъ, въ этомъ отношеніи, совершенно-законныя ожиданія.

Подходя къ церкви, еще издали видѣлъ я, какъ у дверей ея молодой бѣлокурый парень, лѣтъ двадцати, одѣтый въ новый дубленый тулупъ, низко, въ поясъ, кланялся стоящимъ у дверей церкви десятскимъ.

— Пошелъ, пошелъ!—отвѣчали тѣ на его просьбу: —и безъ тебя тамъ тѣсно.

Я остановился. На паперти, изъ простонародья стояло уже нѣсколько человѣкъ обоего пола, все забракованные полицейскою стражей. Эти люди, непризнанные достойными быть въ церкви, видно было, съ завистью посматривали на счастливцевъ, которые при нихъ же были невозбранно пропускаемы въ церковь. Такъ прошла, шумя немилосердно платьемъ, въ огромнѣйшемъ кринолинѣ, барыня, а за нею гордою поступью и лакей ея; такъ прошелъ и господинъ какой-то, съ крестикомъ въпетличкѣ; такъ прошмыгнула и горничная дѣвушка, подъ опекой какой-то старушки-барыни; прошелъ, наконецъ, безпрепятственно и каретникъ-нѣмецъ, а русскому человѣку—(для кого же церковь?!) какъ ни сунется онъ, все одно: «пошелъ,» да «не лѣзь!»

— Да помилуйте! вѣдь вотъ же другіе идутъ,—почти завопилъ тотъ же парень, чуть-ли не десятый разъ отгоняемый отъ церкви.—Будьте ласковы, пропустите,—добавилъ онъ, пренизенько кланяясь десятскимъ.

— Да пропустите его,—вдругъ отозвался неизвѣстно откуда взявшійся высокаго роста квартальный, почему-то сжалившійся надъ мужичкомъ.

— Конечно, отчего и не пустить его,—сказалъ я квартальному, идя за парнемъ,—вѣдь и онъ хочетъ помолиться.

— Хочетъ!—повторилъ онъ, и обращаясь ко мнѣ добавилъ:—вотъ вы такъ говорите, а тамъ, послушайте—(при этомъ онъ указалъ на церковь)—тамъ совсѣмъ другое говорятъ.

— Да что вамъ смотрѣть на каждаго? вы исполняйте свое дѣло,— почти невольно отвѣтилъ ему я.

— Легко сказать — исполняйте!—замѣтилъ онъ, махнувъ рукой, какъ будто выразивъ тѣмъ всю невозможность такого исполненія.

И въ самомъ дѣлѣ, кому неизвѣстно, что полицейскіе чиновники, — я говорю о мелкихъ, — находясь въ совершенной зависимости отъ произвола или каприза начальника, не огражденные въ своихъ обязанностяхъ точными инструкціями, безпрестанно находятся въ отвѣтственномъ положеніи? Угодить каждому невозможно. Какая порча для нравственности чиновника, когда онъ долженъ постоянно приноравливаться, постоянно угождать, постоянно, какъ говорится, Богъ знаетъ для чего, лѣзть изъ кожи! Можно ли тутъ быть твердымъ въ исполненіи своихъ прямыхъ обязанностей, когда зачастую должно толь-

ко улыбаться и кланяться высшимъ по чину и, какъ бы въ возмездіе за это, имѣть въ свою очередь право или безправіе вымещать горечь своего положенія на своихъ наименьшихъ братіяхъ? Болѣе невыгодную постановку даже придумать трудно, и должно сказать правду, нельзя не жалѣть тѣхъ, кого судьба обрекла на такое положеніе. Конечно, тѣмъ больше чести тому, кто съумѣетъ стать выше своего положенія, при всей его невыгодѣ, невольно влекущей къ униженію нравственнаго достоинства. Такихъ людей немного; да и можетъ ли быть много? Само общество уже заранѣе имѣетъ о каждомъ полицейскомъ извѣстное, далеко не почетное, мнѣніе. Человѣку образованному, вполнѣ-развитому, нужно имѣть много мужества и самоотверженія, чтобы вступить въ служебную сферу, пользующуюся—пусть даже и несправедливо—такою незавидною репутаціей; а тѣмъ болѣе нужно мужества честному человѣку, нужно ему почти быть героемъ, чтобы не искать возможности вырваться изъ этой сферы, гдѣ подвигъ такъ тяжолъ, а истинная оцѣнка, даже общественная, такъ недостижима.

Но если жалко положеніе полицейскаго, то не легче отъ того положеніе простолюдина, когда ему, за исключеніемъ развѣ кабака, почти нѣтъ мѣста ни въ какомъ общественномъ собраніи, а въ извѣстныхъ случаяхъ почти нѣтъ мѣста даже въ церкви! Куда ни пошелъ бы онъ, отовсюду—но за что́ же? онъ самъ того не знаетъ; неужели за то, что онъ мужикъ?—его отовсюду гонятъ. Пойдетъ ли онъ въ городской садъ въ праздничный день, тамъ тоже стоятъ у воротъ тѣ же блюстители чистоты и проч., и тоже не пустятъ. Да они и сами, т.-е. народъ, лишь только завидятъ полицейскихъ, не пойдутъ въ этотъ садъ. Въ театръ? но театры до сего времени не для народа строились: тамъ ему бывать не по карману, да опять и мѣста отведено въ райкѣ немного; значитъ не для народа. Общественныхъ собраній, чего-нибудь въ родѣ клубовъ для народа—объ этомъ многимъ покажется и говорить смѣшно. Что́жъ имъ остается дѣлать и гдѣ имъ быть въ праздничный день? Въ кабакъ, въ кабакъ!.. Оттого-то кабаковъ та́къ и много у насъ. Каждое общественное собраніе имѣетъ несомнѣнно свою нравственную, конечно не всегда выполняемую, цѣль; а тутъ, въ кабакѣ, какая можетъ быть нравственная цѣль?

Въ день, который мы описываемъ, въ церкви оказалось вовсе не такъ тѣсно, чтобы была надобность возбранить дальнѣйшій приливъ народа. Дѣйствіе полицейскихъ служителей въ этомъ, какъ и во мно-

гихъ другихъ случаяхъ, было не что иное, какъ только одно *благое предусмотрѣніе*, преимущественно на тотъ случай, чтобы, при нѣнадобности, возможно было, для лицъ вліятельныхъ, свободно расчистить дорогу и, конечно, при этомъ кстати выказать и свою рьяность въ угодливости. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, хотя не сплошными массами, а кой-гдѣ, какъ рѣдкость, можно было замѣтить и простой народъ: можно было замѣтить и бородку, и даже нагольный тулупъ, вѣроятно изъ тѣхъ, что забрались сюда спозаранку. Мѣста было еще до-того достаточно, что я, безъ особаго усилія, могъ довольно свободно пробраться на середину церкви; тутъ только, въ-особенности около возвышенія, предназначеннаго для преосвященнаго, было значительно тѣсно, и то, вѣроятно, потому, что на это возвышеніе многіе желали вскарабкаться, чтобъ удобнѣе оттуда видѣть совершаемое богослуженіе. Нечего и говорить, что изъ числа добивавшихся занять мѣсто на возвышеніи не было ни одного простолюдина: простой народъ скромно стоялъ по мѣстамъ, которыя каждый занялъ, вѣроятно, еще съ самаго начала службы. Напротивъ, на возвышеніи было нѣсколько молодыхъ, такъ-называемыхъ *паничей*, большею-частію незначительныхъ чиновниковъ. Все говорило, даже самому неопытному глазу, что не пользовались они въ своемъ, быть-можетъ новомъ, чиновномъ положеніи, такъ-сказать на зарѣ чиновной карьеры, особыми благами міра сего. Всѐ доказывало, что дорого досталось имъ право носить извѣстнаго вида *патріотку*, довольно сильно потаскапную и вѣтромъ подбитую, взамѣнъ теплаго кожуха (тулупа), фуражку съ козырькомъ и, что́ важнѣе всего, со звѣздочкой, взамѣнъ прежней бараньей шапки; но, несмотря на то, они, видимо, гордились выгодами своего чиновнаго положенія и требовали у простаго народа преимуществъ даже въ церкви, грозясь, въ противномъ случаѣ, выгнать оттуда простолюдиновъ. Спросите: откуда такая рысь взялась, откуда могутъ приходить въ голову такія нелѣпыя мысли? на чемъ они могутъ основываться? Вопросы та́къ и возникаютъ. Неужели все зло сидитъ въ формѣ, въ этомъ наружномъ отличіи человѣка, въ той легкости, съ которою мы дѣлаемъ рѣшеніе о человѣкѣ по одному платью?

Въ церкви дѣлалось все тѣснѣе и тѣснѣе. Начали появляться и дамы, предводимыя офицерами, смѣло прокладывающими путь въ толпѣ. Кринолинамъ приходилось плохо: стѣсненные спереди и съ боковъ, они, силою пружинъ, вскидывались вверхъ, чуть не на го-

ловы рядомъ стоящихъ. Слышались остроты и жалобы на тѣсноту; кто порицалъ кринолины, кто ихъ обладательницъ. Конечно, во всякомъ дѣлѣ, возбудившемъ чье-либо негодованіе, виновные должны же быть. Но кто же бы могъ подумать, что и тутъ, какъ и въ большей части другихъ случаевъ, какъ въ баснѣ «Моръ Звѣрей», опять окажутся виновными люди самые смирные, менѣе всего причастные къ дѣлу, что и здѣсь окажутся виновными тѣ изъ присутствовавшихъ, которые были одѣты въ тулупы? Не знаю, былъ ли кѣмъ изъ господъ поданъ совѣтъ стоявшему въ церкви полицейскому чиновнику, или же ему самому пришла великолѣпная мысль поразчистить немного толпу и тѣмъ дать болѣе свободы для кринолиновъ, только слышу, что за мною кого-то спроваживаютъ; оглядываюсь: того самаго молодца, котораго такъ-недавно, съ такою трудностью впустили въ церковь.

— Пошелъ, пошелъ, безъ разсужденій!—говорилъ ему квартальный, осаживая его въ грудь рукой.

Тотъ, къ кому относилась эта рѣчь, хотя и неохотно, но повиновался: подавался назадъ, оглядываясь по сторонамъ, видимо ища въ комъ-либо защиты.

— Да смотри ты у меня,—продолжалъ тотъ же квартальный, грозя ему кулакомъ, отъ котораго тотъ еще сильнѣе долженъ былъ пятиться назадъ, — не останавливайся; а не то я тебѣ, знаешь?...

Бѣдный молодой человѣкъ вспыхнулъ; на лицѣ показалось что-то въ родѣ стыда. За кого онъ стыдился? Какъ хотите, для человѣка, привычнаго къ униженію, — стыдъ, и величайшій стыдъ — быть выведеннымъ, или, лучше-сказать, выгнаннымъ изъ церкви. Сотни глазъ были устремлены на него съ разныхъ сторонъ; каждый видѣлъ, что полицейскій грозился ему, велѣлъ выйдти ему изъ церкви; но за что, кто это зналъ, кто могъ слышать особаго рода грозный шопотъ полицейскаго? два-три близь стоящихъ человѣка, — для другихъ же изгнанный былъ преступникъ: ужъ не укралъ ли онъ чего?

Но вотъ, раздѣлавшись съ однимъ, квартальный принимается за другаго, тоже одѣтаго въ тулупъ: молча подходитъ къ нему, молча беретъ его сзади за шиворотъ и грозно, безъ словъ, однимъ жестомъ указываетъ на двери. Тутъ мнѣ невольно взбрела мысль: какимъ образомъ у насъ на Руси могла выработаться поговорка: «Вотъ тебѣ Богъ, а вотъ и порогъ?» Ужъ не изъ подобныхъ ли, часто повто-

рявшихся выпроваживаній народа изъ церквей? Выпроводивъ втораго, квартальный тоже дѣйствіе повторяетъ и съ третьимъ, все съ одинакимъ успѣхомъ: всѣ выпроваживаемые хотя удивлены и озадачены, но повинуются, и хоть медленно и потупя глаза, удаляются изъ церкви. И это неудивительно; но что̀ удивило меня, такъ это то, что каждый новый такого рода поступокъ квартальнаго находилъ поощреніе и возбуждалъ смѣхъ и даже какую-то дикую радость—и въ комъ же? въ этихъ несчастныхъ, взгромоздившихся на возвышеніе *паничахъ*, все время, безнаказанно, въ виду того же полицейскаго чиновника, къ соблазну другихъ, смѣявшихся довольно-громко, разговаривавшихъ между собою и безпрестанно, то и дѣло, то вскарабкивавшихся на возвышеніе, то, отъ напора толпы, снова съ него обрывавшихся.

— А вонъ еще этого, этого, въ тулупѣ,—подсказываютъ они квартальному, съ хохотомъ. — Тàкъ его, тàкъ! хорошенько!—слышится оттуда же къ немалому изумленію изгоняемыхъ, ничѣмъ непогрѣшившихъ противъ *паничей*.

Тàкъ передъ моими глазами, въ церкви, во время богослуженія, были оскорбляемы одинъ за другимъ самые смирнѣйшіе изъ прихожанъ, и оскорбляемы потому только, что на плечахъ ихъ были тулупы, что они принадлежали къ такъ-называемому *низшему* сословію. Я видѣлъ все это и молчалъ. Чего жъ я ждалъ? Отчего мнѣ было не заступиться за перваго же изъ нихъ? Чѣмъ оправдать такое непростительное равнодушіе къ ближнему? Его совершенно незаслуженно оскорбляютъ, его изгоняютъ изъ церкви; онъ видимо ищетъ въ комъ-либо себѣ сочувствія, ищетъ защиты, и ни въ комъ, нигдѣ, ни того ни другаго не находитъ. Напротивъ, это многимъ очень нравится; многіе не стыдятся всенародно заявлять свое удовольствіе. Неужели тàкъ и должно быть? Неужели мы только личную обиду всегда будемъ ставить въ проступокъ другимъ?

Нѣтъ, и здѣсь не всѣ были равнодушны къ обидамъ другихъ! Въ самомъ дѣлѣ, равнодушіе было только кажущееся. Не успѣлъ я сказать нѣсколько словъ квартальному, въ защиту изгоняемыхъ, какъ вокругъ меня всѣ заговорили и всѣ стали на мою сторону; даже двѣ, тутъ же стоявшія старушки — и тѣ поднялись горой противъ обидчика, и тѣ заговорили, что передъ Богомъ всѣ равны. *Паничи* притихли и столпились, какъ бараны, въ кучу. Квартальный, казалось, былъ удивленъ моимъ замѣчаніемъ; онъ видимо ожидалъ, судя

по моимъ свѣтлымъ пуговицамъ, скорѣе встрѣтить похвалу чѣмъ порицаніе.

— Зачѣмъ вы ихъ гоните?—сказалъ я квартальному.

— Да они, вѣдь, и назади могутъ стоять,—отвѣчалъ онъ, вымѣривая меня глазами.

— Зачѣмъ же назади,—возразилъ я,—когда они уже заняли тутъ мѣсто?

— Мало ли чего, заняли! здѣсь для господъ нужно,—отвѣтилъ онъ, тономъ, видимо не допускавшимъ никакихъ опроверженій, продолжая выпроваживать новый субъектъ въ тулупѣ.

— Но кто же вамъ далъ право такъ распоряжаться?—замѣтили ему, уже съ нѣсколькихъ сторонъ разомъ.

На это квартальный ничего не отвѣчалъ, и только, попрежнему, новой жертвѣ своей все указывалъ на двери, но, не найдя на этотъ разъ безпрекословнаго повиновенія, угомонился, что-то бормоча про себя, вѣроятно негодуя на наше неумѣстное вмѣшательство.

Физіономія нашего доблестнаго квартальнаго была очень обыкновенная, не только дюжинная, но даже, если можно такъ выразиться, сотенная, тысячная: она была простовата, серьёзна и неподвижна; на его довольно мясистомъ лбу, прорѣзанномъ глубокими горизонтальными морщинами, какъ и на всемъ лицѣ его, такъ и вывѣшивалось: «приказано; не наше дѣло разсуждать». Вообще же онъ, какъ мнѣ казалось, былъ болѣе способенъ для мирныхъ занятій, чѣмъ для преслѣдованія тулуповъ, и преслѣдовалъ ихъ потому, что считалъ это обязанностью своей службы. Я поинтересовался собрать о немъ отъ моихъ сосѣдей кой-какія свѣдѣнія, и узналъ только, что онъ изъ фельдфебелей кадетскаго корпуса, который впрочемъ далъ уже здѣшней полиціи не одного ревностнаго чиновника, и по преимуществу чиновника-служаку, съ ногъ до головы, привыкшаго въ теченіи многолѣтней службы исполнять всѣ приказанія, если можно такъ выразиться, съ радостью, никогда не разсуждая, съ совершенною точностью и безпрекословно. Этотъ-то господинъ, съ своею каской на рукѣ, торчалъ теперь между нами, тупо посматривая на всѣ стороны, вездѣ ища безпорядка, который бы потребовалъ его толковаго вмѣшательства.

Вотъ то происшествіе, о которомъ я счелъ нужнымъ заявить печатно.

Спрашивается теперь—стоитъ ли все это серьёзнаго разсужденія?

Стóитъ ли того, чтобъ изъ-за какихъ-нибудь двухъ трехъ, ни за-что ни про-что выведенныхъ изъ церкви тулуповъ, исписывать нѣсколько листовъ бумаги, просить о напечатаніи, занимать такими, можно сказать, пустяками мѣсто въ почтенномъ журналѣ, быть-можетъ въ ущербъ чему-нибудь болѣе интересному? Для кого это можетъ быть занимательно? Неужели такія мелкія происшествія, въ какомъ-нибудь провинціальномъ городишкѣ, заслуживаютъ право на вниманіе цѣлой Россіи? Не есть ли это своего рода мелкое тщеславіе, что дескать и у насъ кое-что замѣчательное, не лишенное общаго интереса, да случается? Не прямѣе ли, не легче ли, не полезнѣе ли было бы для самого дѣла, чѣмъ подымать изъ пустяковъ бурю въ стаканѣ, разсказать обо всемъ этомъ, напримѣръ, хоть полиціймейстеру и попросить его, чтобъ онъ не оставилъ того и другаго безъ должнаго, съ кого слѣдуетъ, взысканія? У насъ теперь, и въ-особенности послѣ опубликованной исторіи г. Якушкина съ г. Гемпелемъ, навѣрно, полиціймейстеры люди вполнѣ понимающіе свои обязанности, можно-сказать, просвѣщенные, которые не потерпятъ поступковъ, подобныхъ здѣсь описаннымъ. Наконецъ, еслибъ и съ этой стороны встрѣтилось неудовлетвореніе чьихъ-либо справедливыхъ жалобъ, въ такомъ крайнемъ случаѣ, навѣрно, можно было бы, собравшись, для большей достовѣрности, человѣкамъ пяти-шести, видѣвшимъ происходившее въ церкви, прямо отправиться къ начальнику губерніи: и онъ, конечно,—въ томъ нѣтъ да и не должно быть никакого сомнѣнія—былъ бы очень благодаренъ всякому, кто открылъ бы ему, такъ-сказать, домашнимъ образомъ, невидимыя ему, неправильныя дѣйствія полиціи. Онъ, вѣроятно, въ случаѣ нужды, велѣлъ бы дѣло это разслѣдовать самымъ добросовѣстнымъ и самымъ тщательнымъ образомъ. А то... печатать! Что́ за страсть все оповѣщать, все, безъ разбора, предавать гласности?

Да, хорошо, конечно, было бы, безъ большаго шума, кончать дѣла такимъ образомъ. Я и самъ того мнѣнія: что о каждомъ происшествіи, гдѣ страдаетъ чья-либо личность отъ непониманія или произвола разныхъ исполнителей, слѣдовало бы каждый разъ безотлагательно доводить до свѣдѣнія начальства и тѣмъ, такъ-сказать, прекращать зло на мѣстѣ. А еще бы лучше, конечно, чтобы совсѣмъ никогда и нигдѣ не страдала ничья личность, отъ чьего бы то ни было непониманія и произвола.

Но развѣ въ томъ вопросъ? Развѣ вопросъ въ Иванѣ, Семенѣ,

Петрѣ, здѣсь именно, такого-то именно числа выведенныхъ изъ такой-то церкви? Или вопросъ развѣ въ такомъ-то Трифонѣ и Кузьмѣ, дозволившихъ себѣ грубо-невѣжественное обхожденіе съ простымъ народомъ? Въ самомъ началѣ своей статьи, мы, кажется, заявили, въ чемъ заключается существенная важность описаннаго нами случая, конечно мелкаго, можно сказать даже—микроскопическаго. Важность не въ томъ или другомъ отдѣльномъ лицѣ, не въ той случайной подробности, какою, въ данномъ мѣстѣ и времени, обстановилось событіе, а въ его характерѣ; важность въ той безотчетности, съ какою можно еще у насъ обращаться съ лицомъ; важность въ привычкѣ къ этой безотчетности; важность въ нравахъ, которые отчасти ее поддерживаютъ и питаютъ. И объ этомъ не сказать ни слова? и это не стóитъ того, чтобъ оповѣстить во-всеуслышаніе! Фактъ мелокъ, микроскопиченъ, это правда. Да не отъ того ли такіе факты у насъ и существуютъ и повтореніе ихъ возможно, что они считаются за пустые, за мелкіе, за микроскопическіе? Оскорбитъ кто-нибудь лицо сколько-нибудь видное, да и выберетъ форму оскорбленія показистѣе,—что̀ и говорить—все раскричится и наполнится негодованіемъ. Но вѣдь этакіе же случаи рѣдко и бываютъ. А вотъ всмотритесь-ка въ то, что уже за привычку, что такъ мелко, что уже и въ глаза не бросается, а что между тѣмъ совершенно въ насъ въѣлось, и въ то же время заключаетъ въ себѣ такъ много глубоко-оскорбительнаго и унизительнаго... Вотъ объ этомъ-то внимательно подумать и поговорить стóитъ: чѣмъ же иначе и воспитаются нравы и перемѣнятся привычки?

В. Лобода.

29 марта 1861 г.
Полтава.

ОТЧЕГО ПРОПОВѢДЬ ИНОГДА БЫВАЕТЪ БЕЗСИЛЬНА.

Въ *Херсонскихъ Епархіяльныхъ Вѣдомостяхъ* напечатано любопытное письмо сельскаго священника А. П. Вотъ оно:

При исполненіи христіанскихъ требъ, я старался внушать моимъ прихожанамъ, какъ вредно излишнее употребленіе горячаго вина. Неоднократныя внушенія мои увѣнчались наконецъ полнымъ успѣхомъ. Однажды приходятъ ко мнѣ три почетнѣйшіе прихожанина, и просятъ, отъ имени всего общества, придти въ сельскую расправу.

Немедленно прихожу, и спрашиваю о причинѣ ихъ собранія. Мнѣ отвѣчаютъ: «Благодаримъ васъ, батюшка, за неоднократныя убѣжденія ваши о прекращеніи въ нашемъ обществѣ пьянства. Мы наконецъ убѣдились, что все зло между нами происходитъ отъ излишняго употребленія водки, а потому и рѣшились совершенно оставить пить ее. Но чтобы наша общая, добровольная рѣшимость была ненарушима, то мы покорнѣйше просимъ васъ, батюшка, въ слѣдующій воскресный день привести насъ всѣхъ къ присягѣ, и отслужить Господу Богу молебствіе». Я объяснилъ имъ, что къ присягѣ приводитъ ихъ по этому дѣлу совершенно излишне, и притомъ просилъ ихъ поусерднѣе помолиться Господу Богу о томъ, чтобъ онъ оградилъ ихъ отъ нападенія врага, который, сказалъ я имъ, немедленно начнетъ ратовать противъ нихъ, за это доброе, истинно-христіанское ихъ намѣреніе. И не замедлилъ врагъ начать свои дѣйствія!

«Черезъ два или три часа послѣ свиданія моего съ прихожанами, пріѣзжаетъ ко мнѣ главноуправляющій питейною конторой, и объявляетъ, что прихожане мои—бунтовщики (собственныя слова его), а я—ихъ предводитель. При этомъ онъ не преминулъ замѣтить мнѣ, что если мои прихожане перестанутъ пить водку, то этимъ сдѣлаютъ великій подрывъ государственнымъ доходамъ, взносимымъ откупщикомъ, а такъ-какъ я внушалъ имъ прекратить пьянство, то, говорилъ онъ, васъ будутъ судить, какъ государственнаго преступника.

«Терпѣливо выслушавъ приговоръ, я пригласилъ главноуправляющаго конторою выйдти изъ моего дома. Послѣ сего, онъ вдругъ перемѣнилъ тактику, предлагая мнѣ 100 р. ср. и безденежный отпускъ вина изъ конторы, за то только, что я не буду слѣдить за исполненіемъ даннаго моими прихожанами обѣта. Услышавъ въ другой разъ то же требованіе оставить меня, онъ удалился. Вскорости послѣ него, пріѣзжаетъ ко мнѣ начальникъ волости, благодаритъ меня (искренно, повидимому) за мои заботы о нравственности моихъ прихожанъ, восхваляетъ ихъ доброе намѣреніе, и тутъ же приказываетъ сельскому старшинѣ немедленно выслать въ волостную расправу двѣнадцать человѣкъ, первѣе рѣшившихся оставить пьянство, для выслушанія за то особенной благодарности. Но мужички заблаговременно судили, что лучше выслушать особенную благодарность отъ волостнаго начальника не двѣнадцати только человѣкамъ, а всему обществу, рѣшившему изгнать изъ среды себя нетерпимѣйшій порокъ; итакъ къ

волостному начальнику отправилось болѣе 400 человѣкъ. Видя такое множество жаждущихъ благодарности, волостной начальникъ приказалъ двѣнадцать человѣкъ изъ этой массы за карауломъ отправить въ окружное управленіе.

«Устрашенные этимъ приказомъ, прихожане мои приходятъ ко мнѣ за совѣтомъ. Я сказалъ имъ, что, сдѣлавъ доброе дѣло, они не должны бояться, а напротивъ, явившись начальству и обстоятельно разсказавъ ходъ дѣла, они должны ожидать непремѣнно благодарности. На другой день, семь человѣкъ почетнѣйшихъ здѣшнихъ жителей рѣшились явиться въ окружное управленіе, гдѣ немедленно, по приказанію г. окружнаго командира, были посажены за рѣшетку, какъ преступники. Извѣстіе объ арестованіи этихъ почетнѣйшихъ семи прихожанъ немедленно разнеслось въ селѣ, и прихожане мои, а наипаче семейства заключенныхъ въ тюрьму, рѣшительно упали духомъ; кромѣ того, и здѣсь почти ежедневно требовалось въ волостную расправу неменѣе двѣнадцати человѣкъ, которымъ волостной голова и писарь, конечно — подкупленные уже конторой, объясняли, какъ велико ихъ преступленіе и какому они современемъ подвергнутся наказанію. Не излишнимъ считаю замѣтить, что волостной начальникъ при подобныхъ увѣщаніяхъ лично не присутствовалъ, а дѣйствовалъ чрезъ вышеозначенныхъ голову и писаря, что̀ и видно изъ его форменнаго ко мнѣ отношенія.

«Ежедневно получая отъ моихъ прихожанъ свѣдѣнія о безсовѣстныхъ дѣйствіяхъ волостнаго головы и писаря, я обратился къ начальнику волости съ покорнѣйшею просьбой о томъ, чтобъ онъ прекратилъ такое дѣйствіе своихъ подчиненныхъ. Формальною бумагой онъ не замедлилъ извѣстить меня между прочимъ и о томъ, что на основаніи 2025 ст. закона,—за то, что назвалъ я дѣйствіе головы и писаря безсовѣстными, подлежу заключенію въ тюрьмѣ отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года; послѣ заключенія я обязанъ испросить у обиженныхъ прощеніе, а буде пожелаютъ, то уплатить имъ безчестіе.

«Таковъ результатъ заботъ моихъ объ искорененіи въ приходѣ самаго нестерпимаго порока!

«Какое, послѣ этого, нравственное наставленіе могу я преподать моимъ прихожанамъ, знающимъ по опыту, что наставленія волостнаго головы и писаря дѣйствительнѣе и справедливѣе моихъ?

«Прихожане мои, послѣ вышеописанныхъ испытаній, начинаютъ

опять употреблять горячее вино — и, къ прискорбію, въ большей прежняго мѣрѣ. Теперь какъ ни стараюсь внушать имъ, чтобы воздерживались отъ излишняго употребленія водки, но вижу, что всѣ мои убѣжденія—гласъ вопіющаго въ пустынѣ! »

САРАНЧА ВЪ КІЕВСКОЙ И ПОДОЛЬСКОЙ ГУБЕРНІЯХЪ.

Г. Руккертъ сообщаетъ, отъ 24 іюня, въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, слѣдующія свѣдѣнія. Проѣхавъ уѣзды Кіевскій, Васильковскій, Сквирскій, Бердичевскій, Литинскій, Летичевскій, Проскуровскій, Каменецкій, Ушицкій, Могилевскій и Винницкій, г. Руккертъ убѣдился, что зимніе и весенніе холода, вопреки ожиданіямъ, не истребили сѣменъ саранчи, а только отдалили ея вырожденіе, такъ что она начала выходить въ послѣднихъ числахъ мая и въ началѣ іюня. Обыкновенно думаютъ, что сѣмена саранчи сохраняются въ почвѣ твердой и пропадаютъ въ рыхлой землѣ; но въ настоящее время она вышла преимущественно на поляхъ, перепаханныхъ минувшею осенью, на которыхъ яички ея считались совершенно истребленными. Саранча стала выходить прежде изъ тѣхъ яичекъ, которыя лежали ближе къ поверхности земли и, слѣдовательно, были пригрѣты солнцемъ. Только что вышедшая саранча — цвѣта сѣраго, величиной не больше обыкновенной мухи, но растетъ очень скоро, цвѣтъ ея темнѣетъ и вскорѣ доходитъ до очень темносѣраго, почти чернаго, а потомъ, когда саранча подростетъ, она становится краснаго или, скорѣе, оранжеваго цвѣта; эта саранча бываетъ около дюйма величиной, но еще нѣшая; только на четвертой недѣлѣ послѣ вырожденія, начинаютъ показываться у нея крылья. Такъ какъ на одномъ и томъ же полѣ саранча выходила послѣдовательно въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени; то въ одномъ и томъ же мѣстѣ она была разнаго цвѣта и разной величины. На какомъ именно пространствѣ она появилась, г. Руккертъ въ точности не опредѣляетъ; но разсказываетъ, что до 3 іюня, въ одномъ Каменецкомъ уѣздѣ, молодая саранча появилась на поляхъ пятидесяти одного селенія; въ десяти селеніяхъ Васильковскаго уѣзда она вышла на пространствѣ 3,400 десятинъ и, кромѣ того, появилась, въ довольно-значительномъ количествѣ, въ девяти другихъ селеніяхъ; въ Бердичевскомъ уѣздѣ, она

находится на поляхъ тридцати трехъ селеній, на пространствѣ 3,250 десятинъ; полоса, занятая саранчой, тянется въ этомъ уѣздѣ по границѣ Винницкаго, Липовецкаго и Сквирскаго уѣздовъ, на протяженіи до семидесяти верстъ въ длину и около двадцати пяти верстъ въ ширину, съ промежутками.

Для истребленія саранчи употребляются слѣдующіе способы: мѣста, гдѣ она появляется, окапываются рвами, глубиною около аршина; во рвахъ настилается немного соломы, и затѣмъ въ нихъ гонятъ метлами саранчу, которую снова покрываютъ небольшимъ слоемъ соломы, потомъ опять гонятъ саранчу, такъ что въ одномъ рву образуется нѣсколько слоевъ соломы и саранчи; солома зажигается и перемѣшивается нѣсколько разъ палками, для того, чтобы находящаяся во рву саранча могла сгорѣть или по крайней мѣрѣ изжариться. Нужно замѣтить, что она необыкновенно живуча: окунутая на мгновеніе въ кипятокъ, она черезъ два часа приходитъ въ себя; живетъ съ обгорѣлыми ногами; на мягкомъ грунтѣ ее невозможно растоптать, она вдавливается въ землю и чрезъ нѣсколько времени выходитъ оттуда снова. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ саранчу не жгутъ, а, вогнавъ во рвы, утаптываютъ плотно особыми колотушками похожими на тѣ, которыя употребляются при утрамбовкѣ дорожекъ въ садахъ; потомъ прикрываютъ ее толстымъ слоемъ земли, которую также крѣпко утаптываютъ.

Какъ только саранча забралась въ хлѣбъ, то онъ во всякомъ случаѣ долженъ пропасть; если она не успѣетъ его съѣсть, то его или надобно скосить, или его вытопчутъ люди, которые гонятъ саранчу. Въ жаркое время дня саранча особенно подвижна и уходитъ отъ малѣйшаго шума, и потому тогда ее легко бываетъ загонять во рвы; но съ пяти часовъ ее уже трудно согнать съ мѣста. Домашнія животныя и птицы, собаки, свиньи, индѣйки, куры, ѣдятъ саранчу очень охотно.

Убытки отъ саранчи огромны; сюда относятся, кромѣ поѣденнаго хлѣба, цѣна всей работы, употребленной на истребленіе саранчи, и соломы, израсходованной для сожиганія саранчи, стоимость уничтоженныхъ посѣвовъ и наконецъ убытки, причиненные въ хозяйствѣ недостаткомъ рабочихъ силъ, которыя всѣ направлены противъ этого ужаснаго врага. Къ сожалѣнію г. Руккертъ приводитъ очень неутѣшительные примѣры, доказывающіе равнодушіе нѣкоторыхъ личностей къ общему бѣдствію. Уѣзды, гдѣ появилась саранча, раздѣлены на

участки, изъ которыхъ въ каждомъ, для истребленія ея, назначены особые распорядители изъ мѣстныхъ помѣщиковъ и управителей болѣе значительныхъ имѣній. Въ одной изъ деревень богатаго помѣщика А. саранча вышла на пространствѣ восьми десятинъ; этотъ помѣщикъ, ежегодные доходы котораго составляютъ не менѣе ста тысячъ руб. ср., имѣлъ полную возможность истребить саранчу собственными средствами, и даже оказать содѣйствіе менѣе зажиточнымъ сосѣдямъ; но, къ несчастію, въ участкѣ, къ которому причислено имѣніе этого почтеннаго помѣщика, распорядителемъ для истребленія саранчи назначенъ его же управитель. Онъ немедленно распорядился вытребовать въ управляемую имъ деревню рабочихъ и солому изъ окрестныхъ селеній, даже не принадлежащихъ къ его участку, и, конечно, истребилъ у себя саранчу; но у его незажиточныхъ сосѣдей, помочь которымъ прежде всего было прямою обязанностію распорядителя, саранча успѣла, между тѣмъ, совершенно истребить посѣвы. Въ другомъ участкѣ, къ богатому помѣщику распорядитель прислалъ требовать соломы, для сожиганія саранчи на поляхъ его сосѣдей; у самого этого помѣщика саранчи не было вовсе, а соломы горы; но онъ не исполнилъ требованія распорядителя. Подъ предлогомъ отсутствія самого помѣщика, супруга его, распоряжающаяся полновластно имѣніемъ, объявила посланнымъ, что не считаетъ себя вправѣ исполнить требованіе, но по экстренности дѣла подъ своею отвѣтственностію (конечно—передъ супругомъ) разрѣшаетъ взять четыре воза соломы, тогда какъ несравненно меньшія имѣнія послали, на гораздо болѣе значительное разстояніе, по пятидесяти возовъ. Наконецъ, иные, сберегая свои рабочія силы, перегоняли саранчу съ своихъ полей на поля сосѣдей, и одинъ, у котораго саранча вышла на полѣ невспаханномъ и незасѣянномъ, загналъ ее къ сосѣду въ пшеницу, которую, вслѣдствіе этого, необходимо было скосить... Это ужасно!

НОВЫЙ СПОСОБЪ КОВКИ ЖЕРНОВОВЪ.

Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ открытъ новый способъ ковки жернововъ, съ помощію котораго, при одинаковой силѣ, значительно увеличивается размолъ, и мука выходитъ изъ-подъ жернововъ

гораздо холоднѣе. На это остроумное изобрѣтеніе взята привилегія и въ Россіи, изобрѣтателемъ г. Бродвелемъ и компаньонами его гг. Грантомъ и Рейтомъ. Сообщаютъ, что методъ г. Бродвеля уже употребляется на крупчаткахъ г. Полежаева въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ Новгородской губерніи и г. Смольянинова въ Муромскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи, а равно и въ С.-Петербургѣ на Гутуевской мельницѣ г. Бенардаки. Этотъ способъ даетъ выгоды 50% во времени размола, то-есть прежняя работа цѣлыхъ сутокъ оканчивается въ 16 часовъ. Удобства новой ковки жернововъ состоятъ въ томъ, что она не требуетъ никакой перемѣны въ механизмѣ мельницы и приводовъ и никакого особеннаго искусства со стороны рабочихъ. Желающіе испытать это изобрѣтеніе могутъ сдѣлать это безъ всякихъ предварительныхъ издержекъ. Лишь послѣ того, какъ превосходство новой ковки будетъ вполнѣ доказано на одномъ или двухъ поставахъ, владѣльцы мельницъ платятъ по 200 р. с. съ каждаго постава, и притомъ только въ томъ случаѣ, если будетъ дѣйствительно сберегаться 8 часовъ времени въ сутки; если же выгода во времени будетъ менѣе, то плата соразмѣрно понижается. «Мы сочли полезнымъ,» пишетъ Русскій Вѣстникъ, «сообщить объ этомъ изобрѣтеніи, такъ какъ улучшенія въ устройствѣ мельницъ и удешевленіе размола имѣютъ большое значеніе для русскаго сельскаго хозяйства. За болѣе-подробными свѣдѣніями можно обращаться къ Р. А. Гранту въ конторѣ Робертса и Говарда въ Москвѣ, у Харитонія въ Огородникахъ, въ домѣ Комарова.

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ.»

VIII. *Бабу́ся*, рисованная съ натуры К. А. Трутовскимъ.

IX. *Тимішъ Сапе́нко*—чумакъ изъ Хороля, рисованный съ натуры тоже К. А. Трутовскимъ.

X. *Чумакъ*—рисованный И. И. Соколовымъ. Всѣ три рисунка гравированы мною.

Л. Ж.

ОДЪ РЕДАКЦІИ.

Въ VIII кни́жці *Осно́ви* ми почнемо́ рядъ наро́днихъ оповіда̀ній, (чи—якъ мовля́е *Ст. Д. Нісъ* «при́вістей,») високопова̀жнихъ: *Тиміша Колома́цького, Ст. Д. Носа, Митра́ Олелько́вича, Василя́ Тище́нка* и и́нші. Зъ VIII книжки почне́тця и печа̀ть *діе́писніхъ* и *пра́ведчіхъ а́ктівъ*.

М. М. Левченко присла́въ намъ по́спитъ народнёі земле́писі (*Руси́нська Роди́на*); *Ст. Д. Нісъ* и *А. Савичъ* де́-що зъ ліка́рськоі и росли́нноі нау́ки, та̀кожъ про ліса̀ и про сади́. Не заба̀ромъ напеча́таемо іхъ по̀лезний трудъ въ *Осно́ві*, и пѐвно не ми одні подя́куемо одъ щи́рого се́рця високопова̀жнимъ народолю́бцямъ.

Одъ *Василя́ Степа́новича Кулика́, зъ Полтави*, ми одібра́ли теплі и га̀рні стихи: 1, *Моя́ До́ля*, 2, *Въ ме́не се́рце до любо́ви*, 3, *Весня́нки*, 4, *Весна́ на ху́торі*, 5, *Украіна до своіхъ синівъ*, 6, *Загублені Ду́ші*, 7, *Захо́жий Коса́рь*, и 8, *Весе́ла Удова́*. Посила̀емо одъ се́бе и одъ и́ншіхъ земляківъ серде́шний привітъ, и напечата̀емо якъ найскоріше.

Петру Семеновичу Кузьменку. Не на̀шою вино̀ю ста̀лося, що до́сі не напеча̀тані Ва́ші стихи́ и оповіда̀ннє: «*Не та́къ жда́лося, да та́къ скла́лося*». По щирій правді Вамъ говоримо: *не та̀къ и у насъ жда́лося*. Ва̀ші душе́вні рѐчі ми исти́нно цінимо, и въ доконе́шне напечатаемо, въ бли́жній кни́жці.

Ува́ги надъ инъ-якими слова̀ми Украінськоі мо̀ви, доста́вленні намъ *М. М. Левченкомъ, Митромъ Олельковичемъ* и другими, напеча́таютця въ VIII або IX книжці. Раді бъ були ми получи́ть іхъ якъ найбільшъ: тепе́ръ въ ко́жній кни́жці вони́ на́йдуть для се́бе місце.

Олексàндру Яковлевичу Коніському, въ Полтаву. «*Самкá*» и «*Спафáріеву Рýдку*» ми одібрáли зъ щи́рою дя́кою, а напечáтаемо якъ бýде мòжна. «*У кирéяхъ, у бриля́хъ*» тепéръ, безъ нáщоі вини́, напечáтано не буде.

Дм-тр-ю П-вл-чу П-ч-к-ву. Прáвду, вели́ку прàвду Ви сказáли, да не всю, бо не все Вамъ відоме. Ми старàемось запобігáти, и по мáлу зрóбимо все, чогó Ви справедли́ве бажáете. Запомагáйте насъ своéю рáдою, а ми Вамъ всю прáвду опи́шемо.

А-кс-ю К-р-л-вичу А-ч-му и О. Н-ію, въ Сумы. Нетерпѣливо ждемъ исполненія Вашего, памятнаго намъ, обѣщанія.

Ф. В-р-п-н-ву, въ Александровку. Статьи ваши: *Упадокъ Сербской народности въ Новороссіи* и *Возрожденіе Южнорусской*, будутъ, при первой возможности, напечатаны, и желанія Ваши— исполнены. Просимъ быть нашимъ корреспондентомъ.

Л-у Ѳ-ф-чу К-ст-ку, въ Одессу. 6 рублівъ оддàно куди́ слідъ. Дя́куемо за дóбрі рéчі, и порáдуемось, коли́ полýчимо одъ Васъ ищé не оди́нъ листъ про своі ділá и громáдзькі.

«*Максиму Чорному*». *Дѐ прáвда?* и *Третє письмо съ праваго берега Днѣпра* нами получены; Ваше требованіе будетъ исполнено.

П. Пл. Чубинському въ Бори́шполь. Статті Ваші: *Изъ Борисполя* и *Погуковщи́на* бýдуть скóро напечàтані, а за обіщанку подáти звістку, про *народні школи* и *объ дворакáхъ* дýже дякуемо.

Г. Т., въ Кіевъ. Статья Ваша «о первоначальномъ обученіи на народномъ языкѣ», не можетъ быть напечатана по особеннымъ причинамъ.

16166 ... 2 вис.
ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА КАЗ. ... Інв. №

ОБЪЯСНЕНІЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 7-Й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Ба̀витись—проводить время. забавляться,
Бе́шкетъ — безпорядокъ.
Бійка — драка.
Бли́жченько — поближе
Бровеня́та—(уменьшит.) брови.
Бузуві́рівъ—басурманскій.

Великомо́вний — многорѣчивый, говорливый.
Вибри́кувати—подпрыгивать, подскакивать, шалить.
Ви́дрюкувати—отпечатать.
Ви́няти—вынуть.
Відвала́ти — привесть въ чувство, возвратить назадъ, отмѣнить.
Видко—видно.
Відгада́ти—отгадать.
Віді́зватись—отозваться.
Віскъ—воскъ.
Вітдки—откуда.
Вздріти—усмотрѣть, замѣтить.
Во́вна—овечья шерсть.
Ворожби́тъ—колдунъ.
Вростічъ—(броситься) вразнотычку, въ разныя стороны.
Вра́зити—уязвить.
Втриво́житись—встревожиться.
Ву́лиця—улица.

Га?—а, что́?
Га́ва—ворона.
Гани́ба—презрѣнье, издѣванье.
Гаптува̀ти—вышивать.
Гарча́ти—ворчать (о собакѣ).
Горпи́на—Агрипина.
Гучни́й—громкій, звучный, звонкій.

Дівува́ти—пребывать въ дѣвичествѣ.
Дідизна́—дѣдовщина, старина.
Джинджигилястий — вертлявый, франтовскій, кокетливый.
Вивожа́ти — выводить.
Джу́ра—оруженосецъ, слуга козацкій.
Ду́рникъ—дурачекъ.
Доба́—пора.
До́ти—дотѣхъ поръ.
Дуді́ти—гудѣть, играть.

Живжикъ--вертлявый, хватъ; пульсъ.

Завда́тий—отданный; закабаленный.
Закопи́лити (гу́бу) — надуться, — сдѣлать недовольную мину.
Займа́ти — трогать, захватывать, забирать (скотину, пасущуюся на чужой землѣ).
Збаламу́титись—возмутиться; вознегодовать.
Злюби́ти—полюбить.
Зъ-необа́чка—нечаянно; неожиданно.

Изга́снути—потухнуть.

Карбова́ти—разрѣзывать; анатомировать.
Кла́поть—кусокъ.
Кулішъ—жидкая кашица.

Ла́дки—въ ладоши (бить).
Ли́шко—(умен.) бѣда.
Лі́жокъ—кровать.

Малёваний — росписанный, разрисованный.

16166 ~~791~~/7 ж.
ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА Х.Д.У.
Інв. № 28592

Мéрхнути—темнѣть.
Мнякéсенькій (умен.)—мягкій.
Молодúкъ — молодой человѣкъ, и молодой мѣсяцъ на небѣ.
Мурéля—морель.

Навстопýжитись—наѣжиться, взъерошиться.
Надоложúти — возмѣстить, вознаградить.
Нéгідь—негодное, гадкое.
Нісе-пітниця—чепуха, вздоръ.
Новúна — новость; первые плоды и огородные овощи.
Нýмо — (отъ ну, множ. ч.) — станемъ—(что-нибудь дѣлать).

Одвітувати—отвѣчать.
Окрóмъ—кромѣ.
Оксáна—Ксенія.
Опáсуватись — опасаться.
Оперезáтись—опоясаться.

Пáгонці—отростки.
Пáлко—пылко; жарко.
Перволітокъ—юный, первыхъ лѣтъ.
Печерúця—шампиньонъ.
Печíнка—печенка.
Пóвенъ — полонъ.
Повний—полный.
Плямкати — производить звукъ губами (во время ѣды).
Побрехéнька — небылица; басня.
Погáнець—недобрый; негодный.
Полискотáти—пощекотать.
Помарніти — исхудать; подурнѣть, постарѣть.
Посковзнýтись—поскользнуться.
Поштáрь—почтальонъ.
Пошурудýрити—пошалить; подурачиться.
Приблýдний—захожій.
Примандрувáти — придти не знать откуда.
Прúмха—прихоть.
Приставáти — утомляться; выбиваться изъ силъ.
Пройдúсвітъ — пройдоха.

Póспачъ.—отчаяніе.
Рúбонька—(ласкат.) рыба.
Різникъ—мясникъ.
Розгорнýти — развернуть.
Росчахнýти — разодрать (о деревѣ и скотинѣ), напр. росчахнувъ яблоню; росчахнувсь вíлъ; отворить (дверь).

Сарáна — саранча.
Свéрдликъ—буравчикъ.
Свéрделъ—буравъ.
Сердéшний—сердечный.
Скíлькось — сколько-то.
Сотниківна—дочь сотника.
Спогадáти—вздумать, вспомнить.
Столовникъ—нахлѣбникъ.
Сціпить — сильно сжать.

Тáтонько—(ум. ласкат.)—батюшка.
Той—тотъ.
Троха—немного,
Трýночка—(грунá) — гробикъ.
Тýтешній—здѣшній.

Укрóма—уютное мѣсто; отдѣльная часть.
Усюди — вездѣ.
Уторóпати—понять, разобрать, догадаться.

Харцизáка—(бранное слово)—разбойникъ.
Холоднісінький (умен.) — холодный.
Хуруváти—перевозить кладь.

Чвúркнути — брызнуть сильно.
Чомýсь—почему-то.

Шпетнéнько—акуратно (?)
Штирхонýти — сильно уколоть; пронзить.
Шутковáти — шутить.

Що-вéчора—каждый вечеръ.

Якúйсь—какой-то.
Ялúна—ель?
Яловичина—коровье мясо.